

В тот день в Ноттвиче не было рассвета. Туман лежал над городом, словно небо без звезд. Но воздух на улицах был прозрачен. Надо было только поверить, что сейчас ночь. Первый трамвай выполз из депо и направился к рынку по своей стальной тропе. Кусок старой газеты взлетел под порывом ветра и прилип к двери Королевского театра. По окраинным улицам Ноттвича, недалеко от угольных карьеров, тяжело шел старик с палкой, стучал в окна. Витрина писчебумажного магазина на Хай-стрит была уставлена молитвенниками и дешевыми изданиями Библии. Между ними чудом затесалась открытка - День перемирия, словно старый выцветший венок из искусственных маков у памятника погибшим на войне:

"Подними взор и поклянись теми, кто погиб на этой войне, что никогда не забудешь". Впереди, у станции, светофор мигнул зеленым сквозь дневную тьму, и ярко освещенные вагоны двинулись дальше, мимо кладбища, мимо клееварной фабрики, через широкую, опрятную в укрепленных бетоном берегах, реку. Над католическим собором зазвонил колокол. Прозвучал сигнальный свисток.

Битком набитый поезд медленно въезжал в новое утро: на всех лицах были следы сажи, помятая за ночь одежда потеряла вид. Мистер Чамли переел сладкого, хотелось почистить зубы, изо рта пахло душным и приторным. Он высунул голову в коридор, и Ворон сразу же повернулся спиной и стал глядеть на боковые пути, на товарные вагоны и платформы, груженные здешним углем; от клееварной фабрики несло тухлой рыбой. Мистер Чамли убрал голову и отправился в другой конец вагона, к окну на противоположной стороне, пытаясь разглядеть, к какой платформе прибывает поезд. Ступая по чужим ногам, он бормотал: "Простите". Энн тихонько улыбнулась про себя и пхнула его в щиколотку. Мистер Чамли зло уставился на нее.

- Ой, простите, - сказала Энн и принялась приводить в порядок лицо при помощи бумажных салфеток и пудры, пытаясь вернуть себе привычный вид и нормальное настроение. Нужно было собрать все свое мужество, чтобы вынести мысль о Королевском театре с его душными, тесными актерскими уборными, керосиновыми обогревателями, соперничеством и вечными склоками.

- Позвольте пройти, - произнес Чамли в ярости, - мне здесь выходить.

Сквозь темное стекло виден был его размытый силуэт, словно привидение шествовало по платформе. Но Ворон не решился пойти за ним сразу. Возникло странное ощущение, будто до него донесся голос, донесся через многие мили, сквозь туман, пролетев над обширными полями и охотничьими угодьями, над вилами предместий. Голос тайком проник в город и словно прошептал Ворону в ухо: "Всякий ехавший в поезде без билета..." Белый листок бумаги, полученный от контролера, был зажат в руке. Ворон открыл дверь и смотрел, как сплошным потоком идут к выходу с платформы пассажиры. Ему нужно было время, а этот листок бумаги сразу же выдаст его с головой. Ему нужно было время, а сейчас он понял, что у него не будет и двенадцати часов форы. Они обшарят все меблированные комнаты, все пансионы в Ноттвиче, ему негде будет остановиться.

И тогда вдруг, возле автомата на платформе № 2, ему в голову пришла мысль, которая в конце концов швырнула его в жизнь других людей, взломав тот мир, в котором он до сих пор существовал сам по себе.

Почти все пассажиры уже покинули платформу, только одна девушка ждала, чтобы вернулся какой-нибудь носильщик. Она стояла у двери в буфет. Он подошел к ней и спросил:

- Помочь вам поднести вещи?

- Ой, пожалуйста! - ответила она. Ворон стоял рядом, слегка наклонив голову, чтобы не видна была губа.

- Может, съедим по сэндвичу? Поездка была не из легких, - сказал он.

- Разве открыто? Ведь еще рано.

Он дернул дверь.

- Открыто.

- Вы меня приглашаете? - спросила девушка. - Угощение за ваш счет?

Ворон смотрел на нее и удивлялся ее улыбке, изящному чистому лицу с чуть слишком широко расставленными глазами; он больше привык к притворному расположению проституток, рассеянно произносящих ласковые слова; ее искреннее дружелюбие и вместе с тем растерянность и веселость - все это было непривычно и странно. Он сказал:

- Да, конечно. Я угощаю.

Занес чемоданы в буфет и постучал по стойке.

- Что вы возьмете? - В бледном свете электрического шара над стойкой он повернулся к девушке спиной: не хотел сразу ее отпугнуть.

- Выбор богатый, - сказала она, - булочки с цукатами и простые, прошлогоднее печенье, сэндвичи с ветчиной. Я бы взяла сэндвич и кофе. Это вас не разорит? А то можно не брать кофе.

Ворон дождался, пока уйдет буфетчица, пока девушка набьет рот хлебом с ветчиной: она не сможет закричать с полным ртом, даже если захочет. Тогда он повернется к ней лицом. Тут он смутился и расстроился: она не прореагировала совершенно, улыбалась ему с полным ртом. Он сказал:

- Мне нужен ваш билет. За мной гонится полиция, и я готов на все, чтобы этот билет получить.

Она поспешно проглотила недожеванный кусок и закашлялась. Попросила:

- Ради бога, стукните меня по спине.

Ворон чуть было не послушался, она привела его в полнейшее замешательство; он не привык к нормальной жизни, и это действовало ему на нервы. Он сказал:

- У меня пистолет, - и, положив листок бумаги на стойку буфета, сказал, запинаясь:

- А я вам отдам вот это. Взамен.

Она прочла квитанцию с интересом и произнесла между приступами кашля:

- Первый класс. До конца... Слушайте, я же смогу получить возмещение. Я бы сказала, что это весьма выгодный обмен. Только при чем здесь пистолет?

Ворон сказал:

- Билет.

- Вот.

- Ну, - сказал он, - вы выйдете со станции вместе со мной. Я рисковать не собираюсь.

- Почему бы вам сначала не доесть сандвич?

- Потихонечку, - ответил он, - у меня нет времени слушать ваши шуточки.

Она ответила:

- Обожаю сильных мужчин. Меня зовут Энн. А вас?

За окном прозвучал свисток. Поезд тронулся, длинная череда ярко освещенных вагонов уползала назад, в туман, пар стлался по платформе. Ворон на минуту отвел глаза. Энн схватила чашку и выплеснула горячий кофе ему в лицо. Он застонал, почти зарычал, словно зверь, было по-настоящему больно. Вот что чувствовал старик министр. И его секретарша. И отец, когда открылся люк и веревка захлестнула его шею. Правая рука потянулась к пистолету, спиной он прижался к двери; вечно его вынуждали делать то, чего он не хотел, из-за этих людей он терял голову. Но он сдержался; усилием воли победил боль, понуждавшую к убийству. И сказал:

- Чуть что не так - стреляю. Поднимайте чемоданы. Идите вперед. Квитанцию держите в руке.

Она подчинилась, пошатнувшись от тяжести вещей, с трудом прошла к выходу. Контролер спросил:

- Передумали? Могли ехать до самого Эдинбурга. Хотите ненадолго остановиться здесь?

- Да, - сказала она, - да, да.

Контролер вынул карандаш и стал писать что-то на квитанции. Энн подумала: пусть он запомнит меня и билет, может быть, будет расследование.

- Впрочем, нет, - сказала она. - Я не поеду дальше. Билет мне не нужен. Останусь здесь. - И прошла в калитку, подумав: это он не скоро забудет.

Длинная улица тянулась меж низкими, пропыленными домами. Молочный фургон прогрохотал по мостовой и скрылся за углом. Энн спросила:

- Ну, могу я теперь уйти?

- За дурака считаете? - ответил он зло. - Идите вперед.

- Могли бы взять один из чемоданов. - Она бросила чемодан на дороге и пошла вперед; пришлось поднять чемодан, очень тяжелый. Ворон взял его в левую руку, правая нужна была для пистолета.

Энн сказала:

- Так мы не попадем в город. Надо было повернуть направо, за угол.

- Я знаю, куда иду.

- Хотелось бы мне тоже это знать.

Домишки все тянулись и тянулись под завесой тумана. Было очень рано. Женщина вышла на крыльцо забрать молоко. В освещенном окне виден был бреющий мужчина. Энн хотела закричать, окликнуть его, позвать на помощь, но этот человек словно находился в ином измерении: она могла ясно представить себе глупый, растерянный взгляд, медленно ворочающиеся жернова мыслей - вечность, пока он поймет, что происходит. Они все шли, Ворон на шаг позади. Она подумала: он блефует; если он в самом деле готов стрелять, его, должно быть, ловят за что-то очень страшное.

Она вдруг произнесла вслух:

- Вас что - за убийство? - В ее словах не было больше легкости, а в шепоте звучал страх; это отозвалось чем-то знакомым, даже приятным: Ворон привык к страху. Страх жил в нем вот уже двадцать лет. Нормальная жизнь - вот с чем он не мог справиться. И он ответил без всякого напряжения:

- Нет. За мной гонятся не из-за убийства.

Она сказала, словно бросая вызов:

- Тогда вы не решитесь стрелять.

Но ответ у него был наготове. Ответ, всегда звучавший убедительно, потому что это была правда:

- Я не желаю сидеть в тюрьме. Пусть лучше меня повесят. Как отца.

Энн снова спросила:

- Куда мы идем?

Она все следила, ждала, что вот-вот появится хоть какая-то возможность... Он не ответил.

- Вы знаете эти места?

Но он уже все сказал. И тут вдруг появилась долгожданная возможность: у писчебумажного магазинчика, там, где к стене прислонились свежие афиши, разглядывая витрину с дешевой бумагой, ручками и чернильницами, стоял полицейский. Она почувствовала, как Ворон подошел к ней почти вплотную; все это произошло слишком быстро, она не успела принять решение: они прошли мимо полицейского, вниз по грязной улице. Кричать поздно: полицейский остался шагах в тридцати позади; некому прийти на помощь. Энн сказала очень тихо:

- Все-таки наверняка за убийство.

Настойчивость девчонки его задела, и Ворон заговорил:

- И это называется - справедливость. Всегда предполагают самое худшее. Повесили на меня ограбление, а я даже не знаю, откуда эти бумажки сперли.

Из паба вышел человек и стал протирать крыльцо мокрой тряпкой; из открытой двери донесся запах поджаренного бекона; чемоданы оттягивали от руки. Ворон не мог сменить руку, боясь разжать ладонь и выпустить пистолет. Он сказал:

- Если человек страшный от рождения, у него никаких шансов нет. И начинается все еще в школе. Даже раньше.

- А что в вас такого страшного? - спросила Энн, удивленно и горько. Казалось, пока он говорит, еще есть надежда. Должно быть труднее убить человека, если у тебя с ним установились какие-то отношения.

- Губа, конечно.

- А что такого особенного у вас с губой?

Он ответил, пораженный:

- Вы что, скажете, не заметили?..

- А, понимаю, - сказала Энн, - вы имеете в виду заячью губу. Я видела вещи и похуже.

Старые, грязные домишки остались позади. Они подошли к улице новых домов. Энн прочла табличку: Шекспир авеню. Ярро-красный кирпич, фронтоны в стиле Тюдор и деревянная обшивка, двери с цветными стеклами, у каждого дома - свое название, например, "Островок покоя". Дома олицетворяли собой нечто гораздо худшее, чем скудость нищеты, - скудость духа. Это была самая отдаленная окраина Ноттвича, где спекулянты-строители возводили дома для продажи в рассрочку. Энн подумала, что он привел ее сюда, чтобы убить где-нибудь на изрытом траншеями пустыре позади нового квартала домов, где трава была втоптана, вмята в мокрую глину, а искалеченные пни говорили о том, что здесь недавно стоял старый бор. Они устало шагали все дальше и дальше; прошли дом, где дверь была открыта настежь, так что посетители в любое время дня могли осмотреть все, от маленькой квадратной гостиной до маленькой квадратной спальни и ванной и туалета на лестничной площадке. Большой плакат предлагал:

"Войдите и осмотрите наш "Островок Уюта". Десять фунтов вперед, и дом ваш!"

- Вы собираетесь купить дом? - спросила Энн, иронией пытаясь победить отчаяние.

- У меня в кармане сто девяносто пять фунтов, а я на них и коробок спичек купить не могу. Говорю вам, меня обвели вокруг пальца. Я не крал эти бумажки. Мне их дал один подонок.

- Он, видно, человек щедрый.

Ворон остановился перед домом с табличкой "Сонный Угалок". Дом был такой новый, что после ухода строителей еще не успели смыть краску с оконных стекол. Ворон сказал:

- Мне заплатили за одну работу. Я хорошо ее сделал. Этот подонок должен был по-настоящему мне заплатить. Сюда я приехал за ним. Его зовут Чал-мон-де-ли.

Он толкнул ее в калитку "Сонного Угалка" и по не замощенной еще дорожке заставил подойти к черному ходу. Здесь они очутились как бы на краю тумана - на границе меж днем и ночью: туман истончался и длинными лентами уходил в серое зимнее небо. Ворон надавил на дверь плечом, и замок кукольного домика щелкнул, вырванный из дешевой гнилой деревянной панели. Они оказались в кухне, где пустой провод свисал с потолка в ожидании лампочки, а из стен торчали пустые трубы в ожидании газовой плиты.

- Встаньте к стене, - сказал Ворон, - так, чтоб я вас все время мог видеть.

Он уселся на пол, держа пистолет в руке, и проговорил:

- Устал. Всю ночь простоял в этом паршивом поезде. Голова толком не работает. Не знаю, что с вами делать.

Энн ответила:

- Мне обещали здесь работу. Если я это место потеряю - останусь без гроша. Обещаю вам, если вы меня отпустите, никому ни слова не скажу, - и добавила в отчаянии:

- Но вы же мне не верите.

- Люди не больно-то стараются выполнять данные мне обещания, - сказал Ворон. Он мрачно съезжился в своем пыльном углу за раковиной. - Здесь я в безопасности, пока вы тоже тут. - Он закрыл рукой лицо и вздрогнул: обожженная кожа болела. Энн пошевелилась. Он сказал:

- Не шевелиться. Буду стрелять.

- А мне нельзя сесть? - спросила она. - Я тоже устала. Мне сегодня весь день быть на ногах. - Но, говоря это, она представила себя убитой и окровавленной, засунутой в стенной шкаф. Она продолжала:

- Буду петь. В костюме китаёзы.

Но Ворон ее не слушал: строил свои собственные планы в своей собственной тьме. Она попыталась собрать все свое мужество и запела тихонько первое, что пришло на память; запела, потому что песенка напомнила ей о Матере, о долгой поездке в автобусе, о его прощальном "завтра увидимся".

Для тебя это - просто Кью,

Для меня это - рай земной...

Он сказал:

- Я эту песню слышал.

Но он никак не мог вспомнить где. Помнил только поздний вечер, тьму, и холод, и ветер, и чувство голода, и шипенье тупой иглы. Ему почудилось - что-то острое и холодное разрывается в его сердце, причиняя страшную боль. Он сидел в своем углу, с пистолетом в руке, и плакал. Он плакал беззвучно, слезы, казалось, выкатываются из уголков глаз по своей собственной воле и ползут по щекам, словно мухи. Сначала Энн ничего не замечала, продолжая тихонько напевать:

Говорят, это просто подснежник

Из Гренландии кто-то привез...

Потом заметила. Спросила:

- Что случилось?

Ворон ответил:

- А ну назад, к стене. Не то стреляю.

- Вам совсем плохо.

- А вам-то что?

- Ну, я полагаю, я все-таки человек. А вы пока еще не сделали мне ничего дурного.

Он сказал:

- Ничего особенного, просто устал. - Он глядел на пыльные доски пола недоделанной кухни, и ему захотелось хоть чем-то похвастаться. - Устал жить в отелях, - сказал он. - Мне бы эту кухню довести до ума. Я ведь учился на электрика. Я человек образованный. - И добавил:

- "Сонный Угалонок" - хорошее название, если ты устал. Только они "уголок" не правильно написали.

- Отпустите меня, - сказала Энн. - Вы можете мне доверять. Я ничего никому не скажу. Я ведь даже не знаю, кто вы.

Он засмеялся горько:

- Доверяй вам. Могу, конечно. Как только вы попадете в город, во всех газетах увидите мое имя, описание наружности, как одет, сколько лет. А я вовсе и не крал эти бумажки, только я не могу дать в газеты описание этого подонка: имя - Чалмон-де-ли, профессия - обманщик, толстый, на пальце - перстень с изумрудом...

- Ой, - сказала Энн, - мне кажется, я с ним в поезде ехала, очень похож. Вот уж не подумала бы, что у такого смелости хватит...

- Да нет, он только промежуточное звено, - сказал Ворон, - но если б я его отыскал, я вытряс бы из него имена...

- А почему бы вам не сдать полицию? Рассказать, что случилось.

- Это идея. Всем идеям идея. Сказать им, что это друзья Чамли укололи старика чеха. Вы это гениально придумали, умница.

- Старика чеха? - воскликнула Энн. В окно кухни теперь сочился серый свет, туман над новостройкой, над израненной землей вокруг рассеивался. Энн спросила:

- Вы не о том, о чем все газеты кричат?

- О том, - ответил он с угрюмой гордостью.

- И вы знаете человека, который его убил?

- Как самого себя.

- И этот Чамли тут замешан... Пойдите, но это ведь значит, что все ошибаются, правда?

- Да они вообще ничего про это не знают, все эти газеты. Не умеют отдавать должное тому, кому надо.

- А вы знаете. И Чамли знает. Тогда, если вы отыщете Чамли, войны не будет вовсе.

- Да мне наплевать, будет война или нет. Мне знать надо, кто это меня так надул. Надо с ним рассчитаться, - пояснил Ворон. Он глядел на Энн из противоположного угла кухни, прикрыв рот рукой, пряча заячью губу. Он теперь рассмотрел ее как следует, увидел, что она молода, красива и взволнованна; в том, что он это увидел, было не больше личной заинтересованности, чем у облезлого волка в клетке захудалого зоопарка к откормленной и ухоженной суке на дорожке, по ту сторону решетки. - Война людям никакого вреда не принесет, - продолжал он. - Просто покажет им, что к чему. Пусть узнают почем фунт лиха. Я-то знаю. Всю жизнь как на войне. - Он погладил пистолет. - Меня сейчас занимает только один вопрос: что сделать с вами, чтоб вы сутки помолчали.

Энн сказала очень тихо - у нее перехватило горло:

- Вы ведь не убьете меня, правда?

- Если другого выхода не будет, - ответил он. - Дайте подумать.

- Но ведь я буду на вашей стороне, - сказала она умоляюще, оглядывая кухню: может, найдется, чем в него бросить, чем защититься.

- Никто никогда не будет на моей стороне, - сказал Ворон. - Даже жулик доктор... Дело в том, что я - урод. Да я и не претендую, что из красавчиков. Но я - человек образованный. Я все продумал. - И поспешно добавил:

- Время теряю. Давно пора дело делать.

- Что вы собираетесь делать? - спросила она, торопливо поднимаясь на ноги.

- Ну вот, - сказал Ворон разочарованным тоном, - вы опять перепугались. Вам больше идет, когда вы не боитесь.

Он стоял напротив Энн, у противоположной стороны кухни. Дуло пистолета смотрело прямо ей в грудь.

- Слушайте, - он словно просил, - не надо меня бояться... Эта губа...

- Да при чем здесь ваша губа? - сказала Энн в отчаянии. - Вы не так уж дурны собой. Вам бы девушку завести, она отучила бы вас из-за этой губы беспокоиться.

Он покачал головой:

- Да вы просто перепугались до смерти, поэтому так говорите. Меня не проведешь. Только вам здорово не повезло, что именно вы мне подвернулись. Не надо так уж бояться смерти. Мы все когда-нибудь умрем. Если война начнется, вы же все равно умрете. А так - это быстро и неожиданно. И не больно.

Ворон говорил, вспоминая расколовшийся череп старого министра. Смерть - это не трудно. Все равно как яйцо разбить.

Она прошептала:

- Вы собираетесь меня застрелить?

- Да нет, нет, нет, - сказал он, пытаясь ее успокоить, - поворачивайтесь ко мне спиной и идите к той двери. Найдем комнату, где я смогу вас запереть на несколько часов.

Ворон уперся взглядом ей в спину: надо было точно выбрать, куда стрелять, он не хотел сделать ей больно.

Она сказала:

- Вы не такой уж плохой. Мы могли бы стать друзьями, если бы встретились иначе. Если бы эта дверь, например, была выходом со сцены театра. Вам когда-нибудь приходилось встречать девушек из театра у служебного входа?

- Мне? - спросил он. - Что вы. Да они бы на меня и не взглянули.

- Да вы вовсе не урод, - сказала она. - Я бы скорее предпочла такую губу, чем уродские уши, которыми так гордятся все эти крутые парни. Девчонки просто сходят с ума, когда видят их в спортивном трико. Зато в пиджаках они выглядят преглупо.

Ворон подумал: если я ее здесь убью, ее всякий увидит в окно; буду стрелять наверху, в ванной. И сказал:

- Ну пошли. Шагайте.

- Пожалуйста, отпустите меня сегодня днем. А то я работу потеряю, если не явлюсь в театр, - попросила Энн.

Они вышли из кухни в небольшой, сверкающий свежей краской холл. Запах краски еще не выветрился. Энн сказала:

- Я вам дам билет на спектакль.

- Пошли, - сказал Ворон. - Наверх. По лестнице.

- Его стоит посмотреть. Альфред Блик играет вдову Твэнки.

На крошечной площадке было всего три двери, одна из них с панелями из матового стекла.

- Открывайте дверь, - приказал Ворон. - Заходите туда. - Он решил, что выстрелит ей в спину, как только она перешагнет через порог; тогда надо только дверь закрыть, и ее не будет видно. В памяти зазвучал слабый старческий шепот, еле слышный сквозь закрытую дверь. Воспоминания никогда раньше не беспокоили его. Смерть не имела значения. Глупо бояться смерти в этом голом ледяном мире. Он спросил хрипло:

- А вы чувствуете себя счастливой? Ну, я хочу сказать, вы любите свою работу?

- О, дело не в работе, - ответила Энн. - Я же не собираюсь всю жизнь только работать. Вы не думаете, что кто-то может захотеть на мне жениться? Хочется верить... да...

Ворон прошептал:

- Входите. Выгляните в то окно. - Палец его коснулся курка. Она послушно прошла вперед; он поднял пистолет; рука не дрожала, он сказал себе: она ничего не почувствует. Ей незачем бояться смерти. Она взяла в руки сумочку, которую до сих пор несла под мышкой. Он обратил внимание на непривычно изящную форму и сбоку круг из витого стекла, в середине - хромированный вензель: Э. К. Она собиралась привести в порядок лицо.

Внизу хлопнула дверь, и чей-то голос произнес:

- Простите, что я заставил вас приехать сюда так рано, но я должен буду допоздна задержаться в конторе...

- Ничего, ничего, мистер Грейвс. Ну что вы скажете? Не правда ли, прелестный домик? Такой уютный...

Энн обернулась, и Ворон опустил пистолет. Она прошептала еле слышно:

- Входите сюда, быстро.

Он подчинился, ничего не понимая, все еще готовый стрелять, если она закричит. Она увидела пистолет и сказала:

- Уберите это. Только в беду с ним попадете и больше ничего.

Ворон напомнил:

- В кухне ваши чемоданы остались.

- Знаю. Но они вошли через парадное.

- Газ и электричество, - звучал голос, - уже подведены. Десять фунтов вперед, поставите свою подпись там, где пунктирная линия, и можете привозить мебель.

Очень деловой, отчетливый голос - такому весьма пошли бы пенсне, крахмальный воротничок и редкие светлые волосы - ответил:

- Но я, разумеется, должен все это обдумать.

- Пойдемте посмотрим наверху.

Слышно было, как они прошли через холл и стали подниматься по лестнице. Агент по продаже недвижимости говорил не переставая. Ворон сказал:

- Буду стрелять, если вы...

- Тихо, - прошептала Энн. - Молчите. Слушайте. У вас с собой эти деньги? Дайте мне две бумажки. - И когда он заколебался, Энн сказала:

- Надо рискнуть.

Агент и мистер Грейвс были сейчас в самой лучшей в доме спальне. Агент говорил:

- Только представьте, мистер Грейвс, эту спальню с мебелью, обитой воощеным ситцем и с такими же занавесями.

- А стены? Звукоизоляция хорошая?

- Звукоизоляция по новой технологии. Вот закройте дверь. - Дверь захлопнулась, и голос агента, тоненький, отчетливо слышимый, продолжал:

- Теперь в коридоре вы не услышите ни звука. Эти дома специально строились для людей семейных.

- Ну что ж, теперь я хочу посмотреть ванную комнату, - сказал мистер Грейвс.

- Не двигайтесь, - угрожающе предупредил Ворон.

- Ох, да уберите вы это, - сказала Энн, - будьте самим собой. - Она закрыла за собой дверь ванной и прошла к двери спальни. Дверь открылась, и агент, тотчас же приняв галантный тон человека, хорошо известного во всех барах города, произнес:

- Смотрите, какой приятный сюрприз!

- Я шла мимо, - сказала Энн, - и увидела, что дверь открыта. Я хотела прийти поговорить с вами, но не предполагала, что вы встаете так рано.

- Для молодой дамы я всегда готов быть там, где ей угодно, - сказал агент.

- Я хочу приобрести этот дом.

- Постойте, постойте, - сказал мистер Грейвс, молодой старичок в черном костюме, чье бледное лицо и раздраженный тон вызвали в уме образы плохо умытых детей в затхлой и тесной спальне и вечный недосып. - Нельзя же так. Я ведь уже осматриваю этот дом.

- Но мой муж послал меня купить этот дом.

- Но я первый пришел сюда.

- Вы его купили?

- Нет, я хочу сначала его осмотреть, вы понимаете?

- Вот, - сказала Энн, показывая агенту две пятифунтовые бумажки. - Теперь все, что мне остается сделать, это...

- Поставить подпись вот здесь, где пунктирная линия, - ответил агент.

- Дайте мне время, - попросил мистер Грейвс. - Мне нравится этот дом. - Он отошел к окну. - Мне нравится вид отсюда.

- Бледное лицо было обращено к искаленным полям: они тянулись под серыми лентами тумана к горизонту, заставленному кучами шлака. - Совсем как в деревне, - продолжал он. - Жене и детям будет здесь хорошо.

- Мне очень жаль, - сказала Энн, - но видите, я готова заплатить и поставить свою подпись.

- А рекомендации? - спросил агент.
- Я принесу их в контору после обеда.
- Давайте я покажу вам другой дом, мистер Грейвс. - Агент тихонько рыгнул и извинился. - Я не привык заниматься делами до завтрака.
- Нет, - сказал мистер Грейвс, - если я не могу купить именно этот дом, я вообще отказываюсь что бы то ни было покупать. - Бледный и расстроенный, он упрямо стоял посреди самой лучшей в "Сонном Угалке" спальни, бросая вызов судьбе, вызов, который - он знал это из долгого и горького опыта - никогда ни к чему хорошему не приводил.
- Что ж, - сказал агент. - Этот дом я не могу продать вам. Кто первый пришел, того первым и обслужим.
Мистер Грейвс произнес: "Всего хорошего", и понес свою жалкую слабогрудую гордость вниз по лестнице; он, по крайней мере, мог утешаться тем, что если постоянно и опаздывал получить желаемое, то хотя бы не соглашался на суррогаты.
- Я пройду с вами в контору прямо сейчас, - сказала Энн, беря агента под руку и поворачиваясь спиной к ванной комнате, где с потемневшим, осунувшимся лицом стоял в ожидании человек в черном с пистолетом в руке. Они спустились по лестнице в холодный пасмурный день; серый влажный воздух показался ей сладостным, словно воздух солнечного лета, потому что она снова была в безопасности.

4

*Что сказал Аладдин,
Когда прибыл в Пекин?*

Выстроившись в длинный ряд, девушки послушно семеняли ногами, наклоняясь и хлопая ладонями по коленкам, с усталой энергией повторяя: "чин-чин". Они репетировали уже пять часов подряд.

- Так не пойдет. Искры нет. Сначала, пожалуйста.

Что сказал Аладдин...

- А скольких они уже зарезали? - спросила Энн тихонько. - Чин-чин.

- О, с полдюжины.

- Я рада, что приехала в последний момент. Две недели такой пытки! Нет уж, благодарю покорно.

- Неужели нельзя вложить в то, что вы делаете, хоть каплю Искусства? - вопрошал режиссер. - Где ваша гордость? Это вам не какая-нибудь дешевая пантомима.

Что сказал Аладдин...

- Ты выглядишь выжатой как лимон, - сказала Энн.

- Ты тоже не лучше.

- Тут у вас столько разного случается, прямо калейдоскоп какой-то.

- Еще раз, девочки, и перейдем к сцене с мисс Мэйдью.

Что сказал Аладдин,

Когда прибыл в Пекин?

- Ты иначе запоешь, когда пробудешь здесь недельку-другую.

Мисс Мэйдью сидела боком в первом ряду, положив ноги на соседнее кресло. На ней был костюм для гольфа - из твида, - и выглядела она так, будто только что явилась с поля для игры или с охоты на куропаток в заросших травой угодах. По-настоящему ее звали Биннс, а папочка у нее был лорд Фордхэвен. Она произнесла тоном проникновенным и аристократичным, обращаясь к Альфреду Блику: "Я заявила, что не хочу быть представленной ко двору".

- Что за тип сидит в последнем ряду партера? - шепотом спросила Энн. Человек казался ей со сцены всего лишь тенью.

- Не знаю. Не бывал здесь раньше. Думаю, из тех, кто дает на спектакль деньги. Хочет рассмотреть нас получше. - Руби передразнила воображаемого мецената: "Не познакомите ли меня с девочками, мистер Коллиер? Мне хочется поблагодарить их: они так стараются сделать все для успеха спектакля. Как насчет того чтобы пообедать вместе, детка?"

- Прекрати болтовню, Руби, и поживей, - сказал мистер Коллиер.

*Что сказал Аладдин,
Когда прибыл в Пекин?*

- Хорошо. Достаточно.

- Простите, мистер Коллиер, - сказала Руби, - можно задать вам один вопрос?

- А теперь, мисс Мэйдью, ваша сцена с мистером Бликом. Так что вы хотели узнать, Руби?

- Что же все-таки сказал Аладдин?

- Я требую дисциплины, - сказал мистер Коллиер, - и собираюсь добиться дисциплины.

Он был довольно мал ростом, с волосами цвета соломы и яростным взглядом. Срезанный подбородок не украшал и без того малопривлекательное лицо. Он постоянно оглядывался через плечо, словно страшился, что кто-то готовится напасть на него сзади. И он вовсе не был хорошим режиссером. Назначением в этот театр он был обязан такому количеству "нажатых кнопок", что и не перечислить. Кто-то должен был некую сумму денег некоему лицу, у которого имелся племянник... Но мистер Коллиер не был этим племянником: цепь случайностей тянулась дальше и дальше, до тех пор пока не дотянулась до мистера Коллиера. Одним из звеньев являлась и мисс Мэйдью, но цепь тянулась так далеко, что невозможно было не запутаться. И возникало ни на чем не основанное предположение, что мистер Коллиер скорее всего получил это место исключительно благодаря своим достоинствам. Мисс Мэйдью не претендовала на что-либо подобное. Она постоянно

публиковала в дешевых журналах для женщин коротенькие статейки под названием "Упорный труд - единственный ключ к успеху на сцене". Она закурила новую сигарету и спросила:

- Это вы мне?

Потом снова обратилась к Альфреду Блику, одетому в смокинг, поверх которого была накинута вязаная шерстяная шаль красного цвета:

- Я просто не хотела всего этого... всех этих королевских чаепитий в саду.

Мистер Коллиер произнес:

- Никто не уходит из театра, пока я не скажу, - и нервно оглянулся через плечо на толстого господина, выдвинувшегося поближе к свету из тьмы партера. Толстяк явно был одним из бесчисленных звеньев цепи, вытянувшей мистера Коллиера в Ноттвич, на это ответственное место у режиссерского пульта, в этот вечный страх, что никто его не уважает и никогда слушаться не будет.

- Не представите ли вы меня вашим девочкам, мистер Коллиер, - спросил толстяк. - Если вы закончили. Я не хотел бы вас прерывать.

- Разумеется, - сказал Коллиер. - Девочки, это мистер Дэвенант, один из наших главных спонсоров.

- Дэвис, не Дэвенант, - поправил толстяк. - Я откупил этот спектакль у Дэвенанта.

Он махнул рукой; на пухлом мизинце сверкнул изумруд, заставив Энн вздрогнуть. Толстяк произнес:

- Мне хотелось бы иметь приятнейшую возможность пригласить каждую из девушек пообедать со мной, пока этот спектакль в репертуаре. Просто чтобы выразить каждой из вас признательность и показать, что я высоко ценю ваше старание сделать все для успеха этой пьесы. С кого мне начать? - весело спросил он.

Толстяк выглядел как человек, неожиданно обнаруживший, что ему нечем занять свои мысли, и потому готовый на безрассудные поступки, лишь бы заполнить вакуум.

- Мисс Мэйдью, - начал он без энтузиазма, словно желал продемонстрировать хору мальчиков чистоту своих намерений, пригласив ведущего солиста.

- Извините, - отрезала мисс Мэйдью, - я обедаю с Бликком.

Энн не стала слушать дальше; ей вовсе не хотелось обижать Дэвиса, но его присутствие в театре ее потрясло. Она верила в Судьбу и в Господа Бога, в существование Добра и Зла, и верила в Младенца Христа в яслях, во все эти Рождественские истории; она верила, что невидимые силы могут сталкивать людей друг с другом, заставляя вступать на путь, которым эти люди вовсе не собирались идти; но сама она твердо решила, что не станет помогать этим силам. Она не станет подыгрывать ни Богу, ни дьяволу; ей удалось уйти от Ворона, оставив его в ванной комнате крохотного пустого домишки на окраине города, и дела Ворона ее больше не касались. Она не собиралась его выдавать; она пока еще не присоединилась к бесчисленным легионам сторонников организованности и порядка, но и Ворону помогать не хотела. И, выходя из артистической уборной, сбегая вниз по лестнице и потом шагнув из дверей театра на главную улицу Ноттвича, она решительно ступала по нейтральной полосе.

Но то, что она увидела на улице, заставило ее замедлить шаг. Хай-стрит была полна народа; толпа тянулась по южной стороне мимо входа в театр, вплоть до рыночной площади. Люди не отрывали глаз от электролампочек над большим магазином тканей, лампочек, бегущими буквами высвечивавших вечерние новости. Энн не видела ничего подобного с последних выборов в Парламент, но сейчас все выглядело иначе; никто не кричал "ура", толпа молчала. Читали о передвижении войск по Европе, о том, какие меры предосторожности следует принять на случай газовых атак. Энн была слишком молода, чтобы помнить, как начиналась Первая мировая война, но она читала о толпах перед Букингемским дворцом, об энтузиазме и очередях у вербовочных пунктов, и ей представлялось, что все войны должны начинаться именно так. Она боялась войны только из-за своих отношений с Матером, воспринимала войну как личную трагедию, разыгрывающуюся на фоне развевающихся флагов и всеобщего ликования. Но то, что она увидела, было совершенно иным: молчащая толпа вовсе не ликовала. Здесь царил страх. Бледные лица были обращены к небу с мольбой, только в этой мольбе не было ничего религиозного: люди ни о чем не молили Бога, они лишь страстно желали, чтобы бегущие буквы несли им совсем иные вести. Сообщения застигли их на улице, по дороге с работы, и они стояли - кто с плоским чемоданчиком, кто с ящиком для инструментов - перед рядами светящихся лампочек, предвещающих беды, которых эти люди не могли пока еще осознать.

Энн задумалась. Неужели и вправду этот глупый толстяк... и этот парень с заячьей губой знают... Ну что ж, сказала она себе, я верю в судьбу. Видно, я не могу просто вот так взять и уйти и бросить их всех. Все равно я влипла в это дело по самую шею. Если б только Джимми был здесь. Но Джимми - вдруг вспомнила она с болью - с теми, кто охотится за Вороном, он с теми, кто по другую сторону. А Ворону нужно дать возможность довести до конца свою охоту, прежде чем его схватят. Она отправилась назад, в театр.

Мистер Дэвенант - Дэвис - Чамли или как там еще его звали - что-то рассказывал. Мисс Мэйдью и Альфред Блик уже ушли. Многие девушки пошли переодеваться. Мистер Коллиер наблюдал за происходящим и слушал, что говорит Дэвис, едва скрывая беспокойство: он пытался припомнить, кто же такой этот мистер Дэвис. Мистер Дэвенант - это фабрика шелковых чулок, и он знал Коллитропа, который был племянником человека, которому Дрейд задолжал крупную сумму денег. С Дэвенантом Коллиер чувствовал себя спокойно, тут все было в порядке. А вот Дэвис... Никакой уверенности... Этот спектакль не будет же длиться вечно, и столь же опасно связаться не с теми людьми, как и развязаться с теми. Возможно, Дэвис - тот, с кем поссорился Коуэн, или даже дядюшка того, с кем Коуэн поссорился.

Отзвуки ссоры до сих пор мелкой рябью прокатывались по узким коридорам закулисья провинциальных театров в городках, где гастролировали труппы не первого класса. Они могли вскоре докатиться и до третьего, и тогда начнутся перестановки: кто-то поднимется классом выше, кто-то опустится классом ниже, кроме тех, которым ниже - некуда. Мистер Коллиер нервно хихикнул и сверкнул глазами в жалкой попытке одновременно связаться и развязаться.

- Мне показалось, кто-то здесь вымолвил слово "обед", - сказала Энн, - я проголодалась.

- Кто первым пришел, того первым и обслужим, - весело отреагировал мистер Дэвис - Чамли. - Передайте девочкам, мы еще увидимся. Куда мы отправимся, мисс?

- Энн.

- Прелестно, - сказал Дэвис - Чамли. - А я - Вилли.

- Уверена, вы хорошо знаете город, - сказала Энн, - а я здесь - новичок. - Она вышла к рампе, под яркий свет, сознательно: ей хотелось увидеть, узнает ли ее толстяк; но мистер Дэвис никогда не смотрел на лица. Он смотрел сквозь них. Его огромная квадратная физиономия освобождала его от необходимости демонстрировать силу при помощи игры в гляделки: кто кого переглядит. Размеры этой физиономии, само ее существование уже свидетельствовали о власти и силе, и при виде такого лица нельзя было не подумать - как при виде огромного дога, - какое же количество пищи - в чистом весе - требовалось ежедневно, чтобы поддержать эту форму.

Мистер Дэвис подмигнул мистеру Коллиеру, который решил сверкнуть глазами в ответ, и ответил:

- О, конечно, я знаю этот город. В каком-то смысле даже могу сказать, что это я его создал. - И продолжал:

- Выбор здесь небольшой. "Гранд-Отель" или "Метрополь". В "Метрополе" обстановка более интимная.

- Тогда пойдем в "Метрополь".

- К тому же у них подают самый лучший пломбир в Ноттвиче.

На улице уже не толпился народ; обычные пешеходы и любители рассматривать витрины; кто направлялся домой, кто - в кино. Энн подумала: где-то сейчас Ворон? Как я его найду?

- Не имеет смысла брать такси, - сказал мистер Дэвис, - "Метрополь" прямо за углом. Вам там понравится, - повторил он, - обстановка там более интимная, чем в "Гранд-Отеле".

Но когда "Метрополь" предстал перед ними, трудно было вообразить что-либо менее располагавшее к интимности: здание из красного и желтого кирпича с огромными часами на островерхой башне протянулось вдоль рыночной площади и скорее напоминало вокзал.

- Похоже на "Отель де Вилль" в Париже, правда? - сказал мистер Дэвис. Видно было, что он очень гордится Ноттвичем.

По всему фасаду через каждые два окна располагались статуи людей, так или иначе прославившихся в истории города, - от Робин Гуда до мэра Ноттвича, занимавшего этот пост в 1864 году.

- Люди специально приезжают посмотреть на это здание, - сказал Дэвис, - даже издалека.

- А "Гранд-Отель"? Как он выглядит?

- О, "Гранд-Отель", - сказал Дэвис, - это совершенная безвкусица.

Пропустив вперед, он почти втолкнул ее через вращающиеся двери в холл ресторана, и Энн заметила, что швейцар узнал толстяка. Выследить Дэвиса в Ноттвиче будет не так уж трудно, подумала она, только как найти Ворона?

Зал ресторана мог бы вместить всех пассажиров океанского лайнера; потолок опирался на полосатые колонны, серо-зеленые с золотом. По вогнутой чаше потолка, по синему полю были рассыпаны золотые звезды, созвездия - как настоящие.

- Это - одна из достопримечательностей Ноттвича, - сказал мистер Дэвис. - Я всегда оставляю себе столик под Венерой. - Он неловко засмеялся, поудобнее устраиваясь в кресле, и Энн отметила про себя, что они сидят вовсе не под Венерой, а под Юпитером.

- Вам бы надо столик под Большой Медведицей, - сказала она.

- Ха-ха, отлично сказано, - заметил мистер Дэвис. - Надо это запомнить. - Он склонился над перечнем вин. - Я знаю, дамы всегда предпочитают сладкие вина. - И признался:

- Я и сам сластена.

Он сидел, погруженный в изучение меню, ничего больше не видя и не слыша; она его не интересовала; казалось, в этот момент все его интересы сосредоточились на вкусовых предощущениях; начало было положено: он заказал омара. Здесь он был дома, он сам выбрал для себя этот дом: огромный душный храм изысканной пищи; таково было его представление об интимной обстановке - отдельный столик посреди двух сотен таких же столов.

Энн думала, он привел ее сюда, чтобы удобнее было завести интрижку. Ей представлялось, что не так уж трудно будет прийти к соглашению с этим мистером Дэвисом, хотя предложенный ритуал несколько напугал ее. Пять лет гастролей в провинциальных театрах не смогли научить ее тому, как далеко можно зайти, не возбудив в партнере желания зайти еще дальше, желания, с которым ей будет не так-то легко справиться. И потому она отступала всегда неожиданно, и это было опасно. Над тарелкой с омаром она думала о Матере, о надежности, о том, как это замечательно - любить одного человека. Потом она подвинулась вперед и под столом коснулась коленкой колена мистера Дэвиса. Он не обратил внимания, с хрустом разделяясь с омаровой клешней. С таким же успехом он мог бы обедать и в одиночестве. Она почувствовала себя неловко, ею слишком явно пренебрегали. Это казалось противоестественным. Она снова коснулась его коленом и спросила:

- Вы чем-то озабочены, Вилли?

Он поднял глаза. Они были словно линзы мощного микроскопа, сфокусированные на плохо установленной пластине. Он спросил:

- Что такое? Омар вам нравится, а?

Толстяк смотрел мимо нее в огромный полупустой зал ресторана на столики, украшенные ветками омелы и остролиста. Затем крикнул:

- Официант! Мне нужна вечерняя газета, - и снова принялся за клешню. Когда газету принесли, он впился взглядом в финансовые сводки; они, видимо, показались ему вполне удовлетворительными: то, что он в них вычитал, было слаще любых сладостей.

Энн спросила:

- Вилли, вы не будете возражать, если я оставлю вас на минутку? - Она достала из сумочки три монетки и прошла в дамскую комнату. В зеркале над раковиной она рассматривала свое лицо с пристальным и придирчивым вниманием: вроде все было в порядке. Потом спросила у старушки смотрительницы:

- Как вам кажется, я в порядке?

Женщина усмехнулась:

- Может, ему не нравится яркая помада?

- Да нет, - сказала Энн, - он из тех, кто любит побольше помады. Все-таки какое-то разнообразие - дома слишком пресно. Вот муженек и развлекается. - Потом спросила:

- А кто он? Говорит, его фамилия Дэвис. И еще - что он создал этот город.

- Простите, милочка, у вас чулок поехал.

- Ну это-то не его вина. Кто же он такой все-таки?

- Никогда о нем не слыхала, милочка. Спросите лучше у швейцара.

- Наверное, я так и сделаю. - Энн прошла к парадному входу.

- В ресторане такая жара, - сказала она. - Захотелось хоть глоток свежего воздуха вдохнуть.

У швейцара выдалась свободная минутка: никто не входил, никто не выходил. Он ответил:

- На улице довольно холодно.

За дверьми, на краю тротуара, одноногий инвалид продавал спички; шли мимо трамваи - уютные, ярко освещенные домики на колесах, полные сигаретного дыма, болтовни, дружелюбия. Часы на башне пробили половину девятого, и с одной из улочек позади рыночной площади донеслось пение: детские голоса пели рождественский гимн, нещадно перевирая мелодию. Энн сказала:

- Ну, мне пора к мистеру Дэвису. - И спросила:

- А кто он, мистер Дэвис?

- У него всего полно, - ответил швейцар.

- Он говорит, что создал этот город.

- Ну, тут он хвастает, - ответил швейцар. - Если кто и создал этот город, так это компания "Мидлендская Сталь". Их контора - в здании бывшего кожевенного завода. Так и называется по-старому - Дубильни. Увидите. Только теперь они город этот разоряют. Раньше давали работу пятидесяти тысячам. Теперь и десяти тысяч не нанимают. Я сам у них вахтером работал. Так они даже вахтеров уволили.

- С вами жестоко обошлись, - сказала Энн.

- Ну, ему-то еще хуже, - сказал швейцар, кивнув в сторону одноногого за дверьми ресторана. - Он у них двадцать лет проработал. Там и ногу потерял, только суд определил преступную халатность, так что ему и гроша ломаного не дали. На этом тоже сэкономили, вот как. Ну да это и была халатность: заснул у машины. Так если восемь часов смотреть, как она одно и то же каждую секунду делает, небось и не хочешь, а заснешь.

- А мистер Дэвис?

- А про него я ничего не знаю. Может, он какой начальник в сапожном деле. А может, из дирекции Уоллеса - знаете, магазин тканей на Хай-стрит. У них денег - завались.

В дверь вошла дама в пушистом меховом манто, с китайским мопсом под мышкой. Она спросила:

- Мистер Пайкер здесь не был?

- Нет, мадам.

- Ну вот. Точно как его дядюшка. Вечно куда-нибудь исчезает. Подержите собачку. - И она пошла, словно покати́лась, через площадь.

- Это супруга мэра, - пояснил швейцар.

Энн вернулась в зал. Но что-то произошло. Бутылка вина была почти пуста, газета лежала на полу, у ног мистера Дэвиса. Две вазочки с пломбиром стояли на столе, но мистер Дэвис к мороженому и не притронулся. Это не было проявлением любезности. Что-то явно выбило его из колеи. Он прорычал:

- Куда вы запропастились?

Она попыталась разглядеть, что он такое прочел: явно не финансовые сводки - газета была свернута на другой странице. Но разобрать она могла только крупные заголовки: "Судебное постановление о расторжении брака леди..." - фамилия была слишком сложной, вверх ногами не прочесть; "Убийство на дороге: приговор мотоциклисту". Дэвис сказал:

- Не знаю, что тут с ними произошло. Соль они, что ли, в пломбир положили. - Он повернул свое брыластое лицо к проходившему мимо столика официанту:

- Это что, по-вашему, "Слава Никкербокера"?

- Сейчас подам другое, сэр.

- Нет, не подадите. Счет.

- Ну что ж, значит, кончено дело, - сказала Энн.

Мистер Дэвис взглянул на нее поверх счета, и ей показалось, в глазах его мелькнул страх.

- Нет, нет, что вы, - сказал он, - я совсем не это имел в виду. Вы же не собираетесь вот так сразу бросить меня и уйти?

- А куда мы пойдем? В киношку?

- Я думал, - сказал мистер Дэвис, - может быть, вы согласились бы зайти ко мне домой, послушать радио и выпить стаканчик чего-нибудь очень-очень хорошего? Мы даже могли бы потанцевать самую малость, а? - Дэвис не смотрел на нее. Казалось, он и не задумывается над тем, какие слова произносит. Вряд ли поездка к нему домой могла оказаться опасной. Энн подумала, что хорошо знает людей этого типа: пара поцелуев, жалостная история твоей горькой жизни, когда он как следует выпьет, и вот он уже относится к тебе как к младшей сестренке. Нет, мистер Дэвис не мог быть опасен. И это будет в последний раз: скоро она станет миссис Матер, все страхи останутся позади, все будет хорошо. Но сейчас ей нужно было узнать, где живет мистер Дэвис.

Когда они вышли на площадь, их сразу же окружили христославы, шестеро мальчишек, ни один из которых понятия не имел, какую мелодию поет. Закутанные в шерстяные шарфы, в теплых перчатках, они встали перед мистером Дэвисом, скандируя:

Отмечай мои шаги,
Следуй им смелее...

- Такси, сэр? - спросил швейцар.

- Нет, - ответил мистер Дэвис и объяснил Энн:

- Можно три пенса сэкономить, если взять машину на стоянке у Дубилена.

Однако мальчишки преградили ему дорогу и, протянув к нему шапки, выпрашивали деньги.

- Пошли прочь, - сказал он.

Детская интуиция подсказала им, что толстяку не по себе, и мальчишки принялись дразнить его, не отставали, прыгали за ним по краю тротуара, распевая:

*Отмечай мои шаги,
Следуй им смелее!*

Зеваки у гостиницы "Корона" повернули головы в их сторону. Кто-то захлопал в ладоши. Мистер Дэвис вдруг обернулся и схватил одного из мальчишек за волосы; он тряс его и дергал, пока тот не завопил; дергал, пока в толстых пальцах не остался клочок волос. Тогда он произнес:

- Это тебя научит...

Минутой позже, усаживаясь в такси на стоянке у Дубилена, он с удовлетворением заметил:

- Со мной не побалуешься.

Рот его приоткрылся, нижнюю губу смочила слюна; он наслаждался этой победой, как недавно наслаждался омаром. Теперь Дэвис не казался Энн таким уж неопасным. Она напомнила себе: он - всего лишь промежуточное звено. Он знает убийцу, сказал Ворон. Сам он не убивал.

- Что это за здание? - спросила Энн, заметив огромный фасад черного стекла, резко выделяющийся на фоне целой улицы скромных зданий времен королевы Виктории, где когда-то рабочие кожевенных заводов дубили кожу.

- "Мидлендская Сталь", - ответил мистер Дэвис.

- Вы здесь работаете?

Мистер Дэвис впервые взглянул прямо ей в глаза.

- С чего это вы взяли?

- Не знаю, - ответила Энн, осознав с беспокойством, что мистер Дэвис казался простаком, только когда ветер дул в одну определенную сторону.

- Как думаете, мог бы я вам понравиться? - спросил он, положив руку ей на колено.

- Вполне возможно.

Такси миновало Дубильни. Перебралось через целую сеть трамвайных путей и выехало к станции "Ноттвич Товарный".

- Вы живете за городом?

- Нет, на самой окраине.

- Надо бы побольше средств выделять на освещение.

- Вы сообразительная девочка, - заметил мистер Дэвис, - уверен, вы прекрасно видите, что к чему.

- Еще бы! Особенно там, где ни зги не видно, - откликнулась Энн, когда они проезжали под широким стальным железнодорожным мостом, несшим поезда из Ноттвича дальше, в Йорк. На длинном крутом спуске к станции светились лишь два фонаря. За дощатым забором видны были огромные платформы, груженные углем. У входа в маленькое замызанное здание станции стоял автобус и рядом с ним древнее такси: ждали пассажиров. Построенное в 1860 году здание не могло тягаться с вокзалом в Ноттвиче.

- Вам далеко ездить на работу, - сказала Энн.

- Да мы почти приехали.

Такси повернуло налево. Энн прочла название улицы: Хайбер авеню, длинный ряд убогих загородных домов, в окнах - объявления о сдаче комнат. Такси остановилось в самом конце улицы. Энн спросила:

- Вы что, в самом деле здесь живете?

Мистер Дэвис расплывался с водителем.

- Дом шестьдесят один, - сказал он (Энн заметила, что в окне этого дома, между рамой и плотными кружевными занавесями, объявления о сдаче комнат не было). Мистер Дэвис улыбнулся мягко, даже заискивающе, и проговорил:

- Там, внутри, очень мило, поверьте, моя дорогая. - Он вставил ключ в замок и решительно втокнул ее в слабо освещенную крошечную прихожую с вешалкой для шляп. Повесил шляпу и пошел тихо, на цыпочках, к лестнице. Пахло газом и тушеной капустой. Голубой огонек газового рожка высвечивал какое-то пропыленное растение в кадке.

- Мы включим радио, - сказал мистер Дэвис, - и послушаем музыку.

В коридоре открылась дверь, и женский голос произнес:

- Кто там?

- Это всего лишь я - мистер Чамли.

- Не забудьте опустить монеты в счетчик, прежде чем пойти наверх.

- Второй этаж, - сказал мистер Дэвис. - Комната прямо, как подниметесь. Я не задержусь. - Он постоял на лестнице, пока она не прошла мимо него наверх, потом опустил руку в карман, и монеты звякнули под толстыми пальцами.

В комнате было радио, оно стояло на мраморной доске умывальника, но о танцах не могло быть и речи: все пространство занимала огромная двуспальная кровать. Непохоже было, чтобы здесь кто-то жил: на зеркале в дверце шкафа

лежала толстым слоем пыль, кувшин рядом с радиоприемником был пуст. Энн выглянула в окно за спинкой кровати: оно выходило в маленький темный двор. Она взялась рукой за раму, чтобы унять дрожь: на такое она не рассчитывала. Мистер Дэвис открыл дверь.

Энн была смертельно напугана. Страх заставил ее атаковать первой. Она сразу спросила:

- Значит, вы называете себя мистером Чамли?

Он сощурился, глядя на нее, и бесшумно закрыл за собой дверь.

- Ну и что из того?

- И вы сказали, что везете меня к себе домой. Это не ваш дом.

Мистер Дэвис сел на кровать, снял ботинки и сказал:

- Мы не должны шуметь, дорогая. Старуха этого не любит.

Он открыл дверцу умывального шкафа и извлек оттуда картонную коробку; из щелок сыпался сахар; вскоре и кровать и пол оказались в сахарной пудре: это Чамли протянул коробку Энн и сам придвинулся поближе.

- Попробуйте - это турецкие сладости, дорогая.

- Это не ваш дом, - упорствовала Энн.

Мистер Дэвис, ухе поднесший ко рту конфету, ответил:

- Конечно, нет. Не думаешь же ты, что я могу привести тебя в свой дом? Не такая уж ты неопытная, верно? Я не намерен портить свою репутацию. - Потом спросил:

- Сначала музыку послушаем, ты не против?

И стал крутить ручки приемника, наполнив комнату воем и скрежетом.

- Атмосферные помехи, - пояснил он, продолжая крутить ручки, пока наконец издали не послышались звуки оркестра; убаюкивающая мелодия была едва слышна сквозь шум и треск эфира. Энн с трудом разобрала, что играют "Свет ночной, свет любви...".

- Это наша нотвичская программа, - сказал мистер Дэвис. - Самый лучший оркестр в Мидлендсе. Из "Гранд-Отеля". Давай потанцуем немножко.

И, обхватив ее за талию, он стал трястись и раскачиваться в узком проходе между стеной и кроватью.

- Я знавала танцплощадки и получше этой, - сказала Энн, пытаясь поднять собственное настроение и призывая на помощь жалкие остатки юмора, - но никогда не танцевала в такой давке!

А мистер Дэвис ответил:

- Отлично сказано. Я это запомню.

Вдруг, совершенно неожиданно, сдув остатки сахарной пудры, облепившей его рот, он, словно в порыве страсти, впился губами в ее шею. Энн оттолкнула его со смехом, делая вид, что шутит. Ей нельзя было терять голову. Она заговорила:

- Вот теперь я знаю, как чувствует себя скала когда антик... актин... Вот проклятье никогда не могу выговорить это слово.

- Отлично сказано, - произнес мистер Дэвис машинально, снова привлекая ее к себе.

Она опять заговорила, торопливо, о чем попало, не думая, что говорит:

- Интересно, как будут проводить эти учебные газовые налеты? Правда, ужасно, что этой старой женщине выстрелили прямо в переносицу?

Он уставился на нее, хотя она говорила без всякой задней мысли, и спросил:

- С чего это ты вдруг вспомнила?

- Да только что читала про это. Убийца, должно быть, всю квартиру вверх дном перевернул.

Мистер Дэвис сказал умоляюще:

- Не надо. Пожалуйста, не надо. - И пояснил слабым голосом, опираясь для поддержания сил на спинку кровати:

- У меня очень слабый желудок, меня тошнит. Я всех этих ужасов не переношу.

- А я люблю страшные истории, - сказала Энн. - Я на днях читала одну книжку...

- У меня слишком живое воображение, - сказал мистер Дэвис.

- Я помню, как-то раз я порезала палец...

- Не надо. Пожалуйста, не надо.

Успех вскружил ей голову. Она заявила:

- У меня тоже живое воображение. Мне показалось, кто-то следит за этим домом.

- Что ты имеешь в виду? - спросил мистер Дэвис. Видно было, что он здорово испугался. Но Энн уже понесло. Она продолжала:

- Там на улице стоял какой-то темный человек. Он следил за входом. И у него была заячья губа.

Мистер Дэвис встал, прошел к двери и запер ее на ключ. Убавил звук радио. Потом сказал:

- Там нет фонаря. Последний - далеко, шагах в тридцати. Вы не могли разглядеть его губу...

- Я только думала...

- Интересно, что он успел вам рассказать, - сказал мистер Дэвис. Он снова сидел на кровати и разглядывал свои ладони.

- Вы пытались выяснить, где я живу, где работаю... - он оборвал фразу на середине и посмотрел на Энн с ужасом. Но она поняла по его манере, что теперь он боялся не ее; был напуган чем-то другим. Он заговорил снова:

- Они вам никогда не поверят.

- Кто?

- Полиция.

Дикая история. Энн была поражена: он вдруг начал всхлипывать, сидя на кровати и прижимая к груди огромные волосатые руки.

- Нужно найти выход. Я не хочу причинять вам боль. Я никому не хочу причинять боль. У меня слабый желудок, меня от таких вещей тошнит.

Энн сказала:

- Я же ничего не знаю. Пожалуйста, отойдите от двери.

Мистер Дэвис сказал тихо, но с яростью в голосе:

- Молчи. Сама напросилась.

Она повторила:

- Я же ничего не знаю!

- Я только промежуточное звено. Я не несу никакой ответственности. - И объяснил тихо, сидя на кровати в носках; в глубоко посаженных злых глазках стояли слезы - ему было очень жалко себя:

- Наша тактика всегда была - не рисковать. Не моя вина, что этому парню удалось выкрутиться. Я всегда делал все что мог. Но он мне никогда этого не простит.

- Я закричу, если вы не отопрете.

- Кричите сколько влезет. Только старуху разозлите.

- Что вы со мной сделаете?

- Речь идет о сумме, превышающей полмиллиона, - сказал мистер Дэвис. - На этот раз я должен действовать наверняка.

Он поднялся с кровати и пошел к ней, вытянув перед собой руки; она закричала и дернула дверь, потом отбежала от двери - ведь ей никто не ответил - и забилась в угол с другой стороны кровати. Он не мешал ей: в этой тесной комнате деваться все равно было некуда. Он стоял и выжидал, бормоча про себя: "Ужасно. Ужасно". Видно было, что он с трудом подавляет тошноту, но страх перед кем-то третьим заставлял его действовать.

Энн умоляюще прошептала:

- Я обещаю вам все что хотите.

Он покачал головой:

- Он мне ни за что не простит.

Растянувшись поперек кровати, он поймал ее за руку. Сказал хрипло:

- Не сопротивляйтесь. Тогда не будет больно.

Он говорил, а сам тянул ее к себе по кровати, другой рукой нащупывая подушку. А Энн даже в этот момент твердила себе: "Это не со мной. Это не я. Убивают других. Не меня". Жажда жизни не давала ей поверить, что это может быть конец всего, ее собственный конец, конец любящего, жизнерадостного "Я". Жажда жизни не давала ей отчаяться, утешала даже тогда, когда подушка закрыла ей лицо; не позволила вполне осознать этот ужас, когда Энн попыталась сопротивляться его рукам, сильным и пухлым, липким от сахарной пудры.

5

Восточный ветер гнал потоки дождя вверх по течению Уивила. Ледяная ночь принесла ледяной дождь: град жалил асфальт тротуаров, оставлял рябины на крашеном дереве скамей. Спокойно прошагал мимо констебль в тяжелом дождевике, блестящем от воды, словно мокрый асфальт; фонарик в его руке освещал темные промежутки от одного фонаря до другого. Не взглянув на Ворона, он произнес: "Доброй вам ночи". Его беспокоили только парочки: это их он высматривал на улице, в декабре, в холод и ледяной дождь; парочки в темных закоулках, налитые дешевым портером, - знамение нищих страстей провинциального города.

Ворон, застегнутый на все пуговицы, шел по городу в поисках хоть какого-то укрытия. Он не хотел отвлекаться от мыслей о Чалмондели, о том, как отыскать этого человека в Ноттвиче. Но то и дело обнаруживал, что думает о девушке, которой в это утро угрожал. Почему-то ему вспомнилась кошка, оставшаяся там, где он жил, в "Кафе Сохо". Он очень привязался к этой кошке.

Потрясающе, как она не обратила внимания на его уродство. "Меня зовут Энн". "Да вы вовсе не урод". Ворон думал, она так и не догадалась, что он собирался ее убить; наивно не подозревала о его намерении, точно как котенок, которого когда-то ему пришлось утопить; и он с удивлением отметил про себя, она ведь его не выдала, хотя и знала, что за ним охотится полиция. Может быть, даже поверила ему.

Такие мысли леденили хуже, чем град, заставляли ежиться и дрожать сильнее, чем от холода. Он привык, что все те, с кем он сталкивался в жизни, оставляют привкус горечи. Ворон был порождением ненависти; ненависть создала эту тошную, словно бесплотную, смертоносную фигуру, бредущую сквозь дождь, уродливую и загнанную. Мать Ворона родила его, когда отец был в тюрьме, а шестью годами позже, когда мужа повесили за новое преступление, она перерезала себе горло кухонным ножом; потом был приют. Ворон никогда ни к кому не испытывал нежности; таким он был создан, таким представлял себя и по-своему гордился - хоть и странная то была гордость - полученным результатом: иным он быть не желал. Он вдруг испуганно подумал, что должен, как никогда раньше должен оставаться самим собой, иначе ему не спастись. От нежности ведь за пистолет не схватишься.

В одном из домов побольше кто-то оставил открытым гараж; видно было, что машину туда не ставят. Там хранились детская коляска и манеж, валялись пыльные куклы и кубики. Там Ворон и укрылся, он промерз до костей, насквозь; и только кусок льда, который он всю жизнь носил в сердце, вдруг стал оттаивать. Этот острый ледяной осколок оттаивал, причиняя невыносимую боль. Ворон приоткрыл дверь гаража чуть шире: пусть те, кто патрулирует прибрежный район, не думают, что он залез в гараж украдкой; любой прохожий мог спрятаться в чужом гараже в такую погоду; любой - только не тот, за кем охотится полиция, не обладатель заячьей губы.

Дома по прибрежной улице были не отдельные, а на две семьи: каждый дом делился гаражом на две половины. Ворон чувствовал себя стиснутым стенами из красного кирпича. И с той и с другой стороны дома доносились звуки радио. Из-за одной стены он мог слышать, как нетерпеливая рука то и дело меняет настройку, переключает станции, переходя с одних волн на другие; риторический пассаж из Берлина сменялся оперной музыкой из Стокгольма. В другой части дома по

Британской национальной программе какой-то пожилой критик читал стихи. Ворон не мог не слышать, стоя там, между коляской и манежем, глядя из гаража в ночь, на черный град:

*Тень является и тает,
Предо мной она витает,
Зрю небесные черты... Это ты?
Увы, не ты.
О Боже, если б мы могли
На краткий миг, единый час,
Любимые, увидеть вас,
Спросить, где вы, куда ушли?*

Он сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони, вспоминая об отце, которого повесили; о матери, перерезавшей себе горло в кухне подвального этажа; о нескончаемой череде людей, причинивших ему боль или вред. Пожилой, хорошо поставленный официальный голос читал:

И страшусь я взглядов глаз чужих,
И бегу я улиц городских,
И сердец, в которых нет любви.

Ворон подумал: все равно через некоторое время она пойдет в полицию; проживем - увидим. С бабами всегда так.

Всей душой зову: О, где же ты?

Он пытался снова заморозить оттаивающий кусок льда на месте сердца, чтобы оно снова стало надежным и твердым и не причиняло боли.

"Брюс Уинтон читал избранные места из поэмы Альфреда Теннисона "Мод". На этом Национальная служба Британского радио свою программу заканчивает. Доброй вам ночи, дорогие радиослушатели".

ГЛАВА III

1

Матер прибыл в Ноттвич в тот же вечер, одиннадцатичасовым, и вместе с Сондерсом сразу же поехал в Управление полиции. Улицы были почти пусты: Ноттвич укладывался спать рано. Кинотеатры закрывались в половине одиннадцатого, и через четверть часа центр города пустел, люди разъезжались - кто трамваем, кто автобусом. Единственная ноттвичская проститутка все еще бродила по рыночной площади, посинев от холода под своим промокшим зонтом, да пара-другая бизнесменов задержалась в холле "Метрополя", чтобы выкурить по сигаре напоследок. Машину заносило на обледеневшей мостовой. Совсем рядом с Управлением полиции, у входа в театр Матер заметил афиши "Аладдина" и сказал Сондерсу: "Моя девушка играет в этом спектакле". Он был горд и счастлив.

Начальник полиции специально приехал в Управление, чтобы встретить Матера. Информация о том, что Ворон вооружен и доведен до отчаяния, придавала розыску более серьезный характер, чем в иных случаях. Начальник полиции был толст и взволнован. Когда-то, еще до войны, он составил состояние, занимаясь торговлей; во время войны получил офицерское звание и был назначен начальником военного трибунала в Ноттвиче. Он гордился, что заработал репутацию грозы пацифистов. Это несколько сглаживало неудачи в семейной жизни, отношения с женой, которая его откровенно презирала. Поэтому он и приехал в Управление встретить Матера: будет чем похвастаться дома. Матер сказал:

- Разумеется, у нас нет уверенности, что Ворон здесь, сэр. Но он ехал ноттвичским поездом и его билет был сдан контролеру. Женщиной.

- Так у него есть сообщница? - спросил начальник полиции.

- Возможно. Нужно отыскать эту женщину, тогда и Ворона сможем найти.

Начальник полиции рыгнул, прикрыв рот рукой. Перед тем как отправиться сюда, он выпил бутылочного пива, а оно всегда потом давало о себе знать. Старший инспектор сказал:

- Как только из Скотленд-Ярда сообщили, мы разослали информацию о номерах банкнот во все магазины, гостиницы и пансионаты.

- Это карта с разметкой патрульных участков, сэр? - спросил Матер.

Они подошли к висевшей на стене карте, и старший инспектор карандашом указал на важнейшие точки города: вокзал, река, Управление полиции.

- А Королевский театр, это примерно здесь? - спросил Матер.

- Точно.

- Что привело его в Ноттвич? - спросил начальник полиции.

- Хотел бы я знать, сэр. Так. А эти дома за товарной станцией, это что, гостиницы?

- Нет, пансионаты. Плохо вот что, - сказал старший инспектор, в рассеянности поворачиваясь к своему начальству спиной, - многие из них дают приют на ночь случайным людям.

- Тогда лучше сообщить и во все пансионаты.

- Некоторые и внимания не обратят на запросы полиции. Дома свиданий или вроде того. Заходят минут на десять, двери всем открыты.

- Что за ерунда, - возмутился начальник полиции, - у нас в Ноттвиче ничего подобного нет и быть не может.

- Если вы не возражаете, сэр, я бы предложил удвоить число полицейских при патрульных обходах таких участков. Пошлите самых сообразительных. Надеюсь, в газетах уже опубликованы сведения о его внешности? Он - один из самых ловких медвежатников в Англии.

- Не думаю, что сегодня можно еще что-то сделать, - сказал старший инспектор. - Жаль мне этого чертяку, если он себе пристанища на ночь не смог найти.

- А нет ли у вас тут бутылочки виски, старшой? - спросил начальник полиции. - Всем нам не повредило бы хватануть по глоточку. А то я выпил слишком много пива. Дает знать. Виски, конечно, лучше, только жена не терпит запаха.

Он откинулся на спинку стула и скрестил жирные ноги. На старшего инспектора он глядел с каким-то детским удовольствием, словно хотел сказать: что за радость, ребята, мы снова вместе и можем выпить по стаканчику. Но старший инспектор прекрасно знал, как этот старый черт гоняет любого, кто послабей и пониже чином.

- Плесните совсем капельку, - сказал начальник полиции и взглянул на старшего инспектора поверх стакана, - вы здорово тогда сделали этого старого жулика, как его - Бэйнса. - И объяснил Матеру:

- Наперсточник. Водил нас за нос месяцами.

- Да нет, он сам сразу признался. Я не люблю людей слишком прижимать. Потом, он ведь работал на Макферсона и деньги от него получал.

- Ну, - сказал начальник полиции, - у Макферсона все законно. У него контора и телефон зарегистрированный. У него расходы, налоги... Ура, мальчики. За дам. - Он расправил плечи и выпятил грудь. - Не подбросить ли нам еще уголька в камин? Давайте располагаться поуютнее. Сегодня ночью нам все равно не работать.

Матер чувствовал себя не в своей тарелке. Действительно, в эту ночь они мало что могли сделать, но он терпеть не мог бездействовать. Он остался у карты. Не слишком большой город этот Ноттвич. Было бы нетрудно отыскать здесь Ворона, но Матер в этом городе чужой. Он не знал, на какие забегаловки и притоны следовало бы устроить облаву, какие клубы и танцзалы осмотреть. Он сказал:

- Мы полагаем, он кого-то преследовал. Я предложил бы, сэр, утром первым делом снова опросить контролера. Посмотреть, кого из местных, сошедших с поезда, он вспомнит. Может, нам повезет.

- А вы знаете анекдот про архиепископа Йоркского? - спросил начальник полиции. - Да, да. Мы это сделаем. Но ведь ничего срочного нет, правда? Чувствуйте себя как дома, дружище, выпейте виски. Вы приехали в Мидлендс. Медлительный Мидлендс (а, старшой?). Мы не больно поспешаем, а на место поспеваем.

Он был, несомненно, прав. Ничего срочного не было, и не было ничего, что они могли бы сделать в этот поздний час; но, пока Матер стоял у карты, ему словно кто-то шептал в самое ухо: "Скорее, скорее, скорее, не то будет поздно!"

Матер обвел пальцем главные улицы города; ему хотелось бы знать их так же хорошо, как он знал центр Лондона. Здесь был Главпочтамт, рынок, "Метрополь", Хай-стрит; а это что - Дубильни?

- Что это за большое здание в районе Дубилен, сэр? - спросил он.

- А это будет "Мидлендская Сталь", - ответил старший инспектор и, повернувшись к своему начальнику, терпеливо произнес:

- Нет, сэр, я не знал этого анекдота. Очень хороший анекдот, сэр.

- А мне его мэр рассказал, - ответил начальник полиции, - старина Пайкер, он молодчина. Можно подумать, ему и сорока нет. Знаете, что он отмочил, когда мы заседали на комиссии по учебной воздушной тревоге? Он сказал, эти учения дают нам возможность забраться в чужую постель. Он имел в виду, что в противогазах женщины не разберутся, кто есть кто. Улавливаете?

- Мистер Пайкер - очень остроумный человек, сэр.

- Точно, старшой, только я его тут переостроумил. Я в тот день был в отличной форме. Знаете, что я ему ответил?

- Нет, сэр.

- Я ответил: "Ну, вам-то ни за что не отыскать чужую постель, Пайкер". Улавливаете? Он старый кобель, этот Пайкер.

- А какие приготовления делаются к газовой тревоге, сэр? - спросил Матер, не отрывая пальца от городской Ратуши.

- Нельзя заставить людей покупать противогазы по двадцать пять бобиков штука, всего на один раз, но ведь мы собираемся послезавтра устроить учебный налет с дымовыми пашками. Получим их с аэродрома в Хэнлоу. Все те, кого застанут на улице во время учений без противогаза, будут отправлены на "скорой помощи" в Главную городскую больницу. Так что всякий, кто хочет спокойно заниматься своими делами, а не сидеть весь день дома, пусть приобретает противогаз. Правда, "Мидлендская Сталь" всем своим раздает противогазы, так что у них, как всегда, простоя не будет.

- Вроде шантажа получается, - проговорил старший инспектор. - Сиди дома или покупай противогаз. Транспортным компаниям эти противогазы в хорошую копеечку влетели.

- В какое время тревога, сэр?

- Мы никому не сообщаем. Сирены воют. Ну, вы представляете. Бойскауты на велосипедах. Им одолжили противогазы. Но мы, разумеется, знаем, что все это произойдет до двенадцати часов дня.

Матер снова взглянул на карту.

- А эти угольные склады, - заговорил он, - на товарной станции? Вы их держите под постоянным наблюдением?

- Глаз не спускаем, - сказал старший инспектор. - Я сам занялся этим сразу, как позвонили из Скотленд-Ярда.

- Отличная работа, мальчики, отличная работа, - заметил начальник полиции, допивая виски. - Отправлюсь-ка я домой. Трудный день завтра, всем нам придется поработать. Вы небось захотите утром посоветоваться со мной, я полагаю, а, старшой?

- О, не думаю, что мы станем беспокоить вас слишком рано, сэр.

- Ну, если вам понадобится совет, я всегда на том конце провода. Спокойной ночи, мальчики.

- Спокойной ночи, сэр. Спокойной ночи.

- Старик прав в одном, - старший инспектор убрал виски в свой шкаф. - Сегодня мы ничего больше не сможем сделать.

- Я вас не задержу, сэр, - сказал Матер. - Не думайте, что я делаю из мухи слона. Сондерс подтвердит - я не из тех, кому больше всех надо, только что-то такое в этом деле... Не могу выкинуть его из головы. Странное какое-то дело. Я вот смотрел на карту, сэр, и думал, где бы я спрятался. Вот эти пунктирные линии на востоке, с краю, это что?

- Новостройка. Жилые дома.

- Недостроенные?

- Я послал двух полицейских с обходом на этот участок, сказал - спецзадание.

- Вы очень хорошо все продумали, сэр, на самом деле вы и без нас могли обойтись.

- Не все же у нас такие, как он.

- Все-таки у меня беспокойно на душе. Он кого-то преследовал, поэтому и приехал сюда. Парень сообразительный. У нас ничего на него не было раньше, а он за последние сутки только и делает, что ошибается. Шеф сказал, он уже так засветился, что поверить трудно. И так оно и есть. У меня впечатление, что парню кто-то здесь позарез нужен.

Старший инспектор взглянул на часы.

- Ухожу, сэр, - сказал Матер. - Увидимся утром. Спокойной ночи, Сондерс, я пойду похожу тут вокруг немного, потом в гостиницу. Хочу разобраться, что где.

Он вышел на Хай-стрит. Дождь прошел, наполнив сточные канавы, медленно покрывающиеся ледяной коркой. Он поскользнулся на тротуаре, схватился рукой за фонарный столб, чтобы удержаться на ногах. После одиннадцати фонари в Ноттвиче еле светили. Через дорогу, ярдах в пятидесяти, если идти к рынку, виден был портик Королевского театра. Все огни там были уже погашены. Он вдруг обнаружил, что мурлычет: "Для меня это - рай земной", и подумал: как хорошо любить; как хорошо, когда есть стержень, определенность; чтобы не просто влюбиться и витать в облаках, а любить. Он ценил организованность и порядок, и ему хотелось, чтобы и здесь все организовалось как можно скорее: хотел, чтобы любовь была засвидетельствована печатью и подписью и он мог оплатить лицензию. Его переполняла безмолвная нежность, которую он никогда не сумел бы выказать вне брака. Он не был любовником, он ощущал себя человеком женатым, но женатым так, что годы счастья, взаимного доверия и бесконечной благодарности судьбе ждали его впереди.

Он совершил самый сумасшедший поступок за все время, что был знаком с Энн: пошел взглянуть на дом, в котором она поселилась. Она дала ему адрес по телефону, и это было кстати, потому что по работе ему нужно было найти дорогу к улице Всех Святых. Он узнал множество полезных вещей по пути, внимательно глядя вокруг, так что время не было потрачено зря. Он узнал, например, названия и адреса местных газет: "Ноттвич Джорнел" и "Ноттвич Гардиан" - двух соперничающих газет, редакции которых располагались друг против друга на Чаттон-стрит, одна из них - рядом с огромным аляповатым зданием кинотеатра. По рекламным плакатам Матер мог судить о характере газет и их читателей: "Джорнел" издавался для широкой публики, "Гардиан" - для "высшего" общества. Еще он узнал, где находились самые известные лавки, торговавшие жареной рыбой с картошкой, и пабы, особенно популярные у углекопов; обнаружил парк - унылое место с поникшими деревьями и огороженными газонами, с гравиевыми дорожками для детских колясок. Все эти сведения могли оказаться полезными, и они оживили карту Ноттвича, так что Матер теперь мог думать о нем как о городе людей, точно так же как привык думать о Лондоне, когда работал, о Лондоне Джонов и Чарли.

Улица Всех Святых представляла собой два ряда домов в неоготическом стиле, крытых узкой черепицей; дома выстроились вдоль улицы тесно и строго, словно войско на параде. Матер остановился у дома № 14 и подумал: интересно, она уже спит? Утром ее будет ждать сюрприз: еще на Юстонском вокзале он опустил в ящик открытку, написав, что остановится в гостинице "Корона". В подвальном этаже горел свет: хозяйка еще не спала. Ему было грустно, что он не смог послать ей весточку более быструю, чем открытка; он хорошо знал тоску и одиночество, одолевающие человека в незнакомой квартире; тяжкую необходимость пить поутру переваренный до черноты чай, созерцая недружелюбную физиономию хозяйки. Ему казалось, что жизнь должна бы обходиться с Энн много лучше.

Ветер леденил лицо и тело, но Матер еще постоял на противоположной стороне, беспокоясь, достаточно ли у нее на кровати одеял, есть ли деньги, чтобы включить отопление и свет. Вдохновленный светящимися окнами подвала, он чуть было не позвонил в дверь, чтобы узнать у хозяйки, имелось ли у Энн все необходимое. Но вместо этого повернул в сторону "Короны". Зачем казаться глупее, чем ты есть на самом деле; он даже не скажет ей, что приходил посмотреть на дом, где она спала.

2

Его разбудил стук в дверь. Еще не было семи. Женский голос произнес: "Вас к телефону", и он услышал, как горничная, шаркая туфлями и стуча ручкой швабры по лестничным балясинам, спускается вниз. День обещал быть прекрасным.

Матер сбежал по лестнице в пустой зал ресторана, где за стойкой бара был телефонный аппарат.

- Матер, - сказал он. - Кто говорит? - и услышал голос сержанта из Управления полиции.

- Для вас есть новости. Он провел прошлую ночь в католическом соборе - Святого Марка. И кто-то сообщил, что вечером его видели у реки.

Однако, когда Матер, тщательно выбритый и подтянутый, явился в Управление полиции, там его ждали новые сообщения. Агент по продаже недвижимости прочел в газете об украденных банкнотах и принес две в полицию. Он сообщил, что получил их от молодой женщины, утверждавшей, что она хочет купить дом. Ему показалось странным, что она так и не явилась в агентство подписать бумаги.

- Это, верно, будет та самая женщина, которая сдала его билет контролеру, - сказал старший инспектор. - Они точно вдвоем работают.

- А собор?

- Какая-то женщина видела, как парень с заячьей губой выходил из собора рано утром. Потом, когда она вернулась домой (она в церковь ходила) и прочла газету, она заявила об этом постовому. Придется запереть все церкви.

- Нет, возьмите их под наблюдение, - сказал Матер. Он грел руки над железной печкой. - Давайте-ка я поговорю с этим агентом.

Агент по продаже недвижимости весело вошел в кабинет из приемной, легко шагая в модных брюках гольф, и провозгласил:

- Фамилия - Грин.

- Не могли бы вы сказать мне, мистер Грин, как выглядела эта девушка?

- Прелестная малышка, - сказал мистер Грин.

- Маленькая? Ниже метра шестидесяти?

- Ну нет, я бы не сказал.

- Вы сказали - малышка.

- Ах, это, - сказал мистер Грин, - это, знаете ли, просто форма выражения восторга. Облегчает установление контакта.

- Цвет волос? Темный, светлый?

- О, я не заметил. Никогда не обращаю внимания на их волосы. Прекрасные ноги.

- Что-нибудь странное в манере поведения?

- Нет, ничего такого не могу сказать. Мило разговаривает. Может оценить шутку.

- Вряд ли вы обратили внимание на цвет глаз.

- Ну, между прочим, это я как раз заметил. Всегда смотрю девушке в глаза. Они это любят. Ну, знаете: "Пей только за меня". Немножко поэзии. Мой всегдашний гамбит. Сразу говорит им о вашей духовности, знаете ли.

- И какого же цвета у нее глаза?

- Зеленые, с золотыми искорками.

- Одета как? Вы не заметили?

- Конечно, заметил, - ответил мистер Грин, рисуя руками в воздухе некий контур. - Что-то такое мягкое и темненькое.

Ну, вы понимаете, что я хочу сказать.

- А шляпка? Соломенная?

- Нет, не соломенная.

- Фетровая?

- Может быть, что-то вроде фетра. Тоже темная. Это я заметил.

- Вы бы ее узнали, если бы снова встретили?

- Конечно, - сказал мистер Грин, - никогда ни одного лица не забыл.

- Хорошо, - сказал Матер, - вы можете идти. Возможно, вы нам снова понадобится, чтобы опознать девушку. Банкноты мы оставим у себя.

- Но послушайте, - возразил мистер Грин, - это нормальные банкноты. Они - собственность фирмы.

- Можете считать, что этот дом не продан.

- У меня здесь был этот контролер, - сказал старший инспектор. - Он, разумеется, не помнит ничего существенного. В детективных романах люди всегда помнят что-то определенное, а в жизни - вечно заявляют, мол, на ней было что-то такое темненькое или что-то такое светленькое.

- Вы послали кого-нибудь осмотреть дом? Эти показания агента... Странная история. Девушка, должно быть, пришла туда прямо с вокзала. Почему? И зачем сделала вид, что хочет купить дом? И заплатила крадеными банкнотами?

- Похоже, ей во что бы то ни стало нужно было помешать второму претенденту купить этот дом. Как будто она там что-то спрятала.

- Пусть ваш человек тщательно осмотрит дом, сэр, прямо частым гребнем прочешет. Разумеется, там вряд ли удастся что-нибудь найти. Если бы там что-то было, она явилась бы в контору подписать бумаги.

- Нет, побоялась бы, - возразил старший инспектор, - ведь агент мог выяснить, что банкноты краденые.

- Знаете, - сказал Матер, - мне это дело казалось не очень интересным. Мелким каким-то. Охотишься за мелким воров, в то время как весь мир ждет войны из-за какого-то убийцы, которого эти идиоты там, на континенте, так и не смогли поймать. А теперь оно меня захватило. В нем есть что-то странное. Я говорил вам, что мой шеф сказал про этого Ворона? Он сказал: парень так наследил, что окончательно засветился. Но ведь ему удастся все время держаться на голову впереди нас. Нельзя ли мне взглянуть на показания контролера?

- Да там ничего нет.

- Я не согласен, сэр, - проговорил Матер, когда старший инспектор вытащил из пачки бумаг на своем столе показания контролера, - в книгах правильно пишут. Люди обычно и в самом деле что-нибудь запоминают. Если бы они ничего не могли вспомнить, это выглядело бы весьма странно. Только привидения не оставляют следов. Ведь даже этот агент вспомнил, какого цвета у нее глаза.

- А может, и ошибся, - сказал старший инспектор. - Ну, вот. Все, что он помнит, это два чемодана, которые она несла. Конечно, это что-то, но не так уж много.

- О, тут можно сделать кое-какие догадки, правда, сэр? - сказал Матер. Он не хотел казаться слишком умным, умнее провинциальных полицейских; ему нужно было их содействие. - Она приехала надолго (женщина может много вещей упаковать в один чемодан), или, если она несла и его багаж, значит, он в этом деле главный. Держит ее в черном теле, заставляет делать черную работу. Это соответствует тому, что мы знаем про Ворона. Что касается девушки...

- В романах про гангстеров такую называют "маруха", - перебил старший инспектор.

- Ну, так эта маруха, - продолжал Матер, - из тех, кто любит, чтобы их держали в черном теле. Мне представляется, она прилипчивая и жадная. Если б она была потверже духом, она несла бы только один чемодан или разругалась бы с ним.

- Мне казалось, этот Ворон страшен, как смертный грех.

- Это тоже в характере, - сказал Матер. - Может, она любит уродов. Может, это ее возбуждает.

Старший инспектор рассмеялся:

- Ну, вы много выудили из этих двух чемоданов. Прочтите протокол - может, сумеете представить мне ее портрет. Вот, пожалуйста. Только он ничего про нее не помнит, даже как она была одета.

И Матер стал читать. Он читал медленно. Молчал. Но что-то в выражении его лица - потрясение, недоверие - заставило старшего инспектора спросить:

- Что-нибудь не так? Но ведь в протоколе и в самом деле ничего такого, верно?

- Вы сказали, я смогу представить вам ее портрет, - сказал Матер. Он вынул из-под задней крышки карманных часов бумажный квадратик - газетную вырезку. - Вот он, сэр. Лучше будет, если вы разошлете это во все полицейские участки и во все газеты.

Старший инспектор сказал:

- Но ведь в протоколе ничего такого нет.

- Все что-нибудь да запоминают. Вы и не смогли бы ничего здесь заметить. Оказывается, у меня имеется частная информация по данному преступлению, только я и сам до сих пор об этом не подозревал.

Старший инспектор настаивал:

- Но ведь он и не вспомнил ничего такого. Только чемоданы.

- Слава Богу и за это, - ответил Матер. - Может быть... Видите ли, он здесь утверждает, что одна из причин, почему он ее запомнил - он это называет "запомнил", - то, что она была единственной женщиной, сошедшей в Ноттвиче с поезда. А я знаю - так уж получилось, - что эта девушка ехала именно этим поездом. Она получила роль в здешнем театре.

Старший инспектор спросил непонятливо - он еще не осознал всей меры потрясения:

- И что, она действительно такая, как вы ее представили? Любит уродов?

- Я думал, она любит не очень красивых, - ответил Матер, отвернувшись и глядя в окно на равнодушный мир, на людей, спешащих по своим делам.

- И она прилипчивая и жадная?

- Да нет же, с чего вы взяли, черт побери?

- Но если бы она была потверже духом... - издевался старший инспектор: он думал, Матер разволновался потому, что его предположения оказались никуда не годными.

- Твердости духа у нее хоть отбавляй, - сказал Матер, поворачиваясь к нему лицом. Он забыл, что старший инспектор старше его чином; забыл, что следует быть тактичным с провинциальными полицейскими. - Черт побери, - сказал он, - неужели вы не можете понять? Он не нес свои вещи потому, что держал ее под прицелом. Он заставил ее пойти в этот квартал строящихся домов. Я должен сам туда поехать. Он намеревался ее убить.

- Да нет же, - возразил старший инспектор, - вы забыли: она заплатила Грину и ушла из того дома вместе с ним. Грин сам проводил ее за пределы новостройки.

- Но я голову могу дать на отсечение, что она не замешана в этом деле, - сказал Матер. - Это абсурд. Бессмыслица. - И добавил:

- Мы собираемся пожениться.

- Да-а, дела, - сказал старший инспектор. Он поколебался с минуту; взял обгорелую спичку и почистил ноготь; потом пододвинул фотографию к Матеру. - Уберите. Мы возьмемся за это дело иначе.

- Нет, - ответил Матер, - мне поручено это дело. Пусть опубликуют. Это плохая фотография, нечеткая. - Он отвернулся, не мог смотреть на снимок. - В жизни она гораздо лучше. Но я дам телеграмму. У меня дома целая пленка, там ее лицо во всех возможных ракурсах снято. Пусть пришлют. Для публикации в газетах ничего лучше и придумать нельзя.

- Очень сожалею, Матер, - сказал старший инспектор. - Может, мне позвонить в Ярд? Чтоб прислали другого?

- Лучше меня для этого дела все равно не найдете, - сказал Матер. - Я ведь ее знаю. Если ее можно еще найти, я ее найду. А сейчас я еду в тот дом. Понимаете, ваш человек может чего-то не заметить. А я... Я ее знаю.

- Может еще найтись какое-то объяснение... - утешал старший инспектор.

- Вы что, не понимаете, - сказал Матер, - если есть объяснение, значит, она... Значит, она в опасности, может быть, даже...

- Ну, мы тогда нашли бы тело.

- Мы даже живого человека пока не нашли, - сказал Матер. - Пожалуйста, попросите Сондерса поехать туда следом за мной. Какой там адрес? - Он тщательно все записал: он всегда записывал все данные - не доверял своей памяти; зато свои догадки и предположения никогда не доверял бумаге.

До новостройки ехали долго. Было время подумать о самых разных вариантах и возможностях. Может быть, она проспала свою остановку и уехала в Йорк. Может быть, опоздала на этот поезд... а в этом крохотном, отвратительном домишке не было ничего, что могло бы опровергнуть такие предположения. Полицейский в штатском встретил его в большой комнате, которая должна была стать самой лучшей комнатой в доме. Камин с дешевой аляповатой облицовкой; темно-коричневая рейка для картины на стене; панели из дешевого дуба - все это заранее говорило о неуклюжей мебели, которой почти не пользуются, тяжелых темных занавесях и выставленном напоказ фаянсовом - под фарфор - сервизе.

- Здесь ничего нет, - сказал полицейский, - абсолютно ничего. Конечно, видно, что здесь кто-то побывал. Пыль потревожена. Но пыли недостаточно, чтобы остались четкие следы ног. Совсем ничего, не за что зацепиться.

- Всегда есть что-нибудь, за что зацепиться, - сказал Матер. - Где вы нашли следы пребывания? Во всех комнатах?

- Нет, не во всех. Но улики недостаточно. Например, в этой комнате. Следов нет, но и пыли здесь поменьше. Может, строители убрали лучше, когда закончили. Нельзя сказать с уверенностью, что здесь никто не был.

- Как она вошла?

- Замок черного хода сорван.

- Могла это сделать женщина?

- Да кошка могла бы это сделать. Если бы решимости хватило.

- Грин говорит, он вошел в парадное. Только приоткрыл дверь в эту комнату и сразу провел клиента наверх, в большую спальню. Девушка присоединилась к ним, как раз когда они собирались осматривать остальную часть дома. Потом все спустились вниз и сразу ушли, только сначала девушка проникла в кухню и забрала свои чемоданы. Когда Грин входил в дом, он оставил парадную дверь открытой и думал, что девушка пришла вслед за ними.

- Да нет. Она и в кухне побывала, и в ванной.

- Где это?

- Вверх по лестнице и налево.

Матер и полицейский, оба рослые и широкоплечие, почти заполнили собой тесную ванную.

- Похоже, она услышала, как они вошли, - сказал полицейский, - и спряталась здесь.

- А что вынудило ее сюда подняться? Если она была в кухне, ей и надо-то было всего лишь выйти через черный ход.

Матер стоял в узком пространстве между ванной и унитазом и думал: она была здесь вчера. Невероятно. Не соответствует ничему из того, что он о ней знал. Они помолвлены уже полгода; Энн не могла все это время так искусно притворяться. Когда они ехали в автобусе из Кью в тот вечер и она что-то напевала... что это было? Что-то про подснежник... А тот вечер, когда они просидели два сеанса подряд в кино, потому что он уже истратил всю недельную полчку и не мог пригласить ее пообедать. Она не ныла и не жаловалась, когда жесткие, искаженные репродукторами голоса начали по второму разу: "Ну ты даешь, парень". - "Бэби, ты - девочка, что надо!" - "Давай, садись, не чинись". - "Блдарю", а они оба уже почти ничего не воспринимали. Она была прямодушна и честна - он мог поклясться в этом; но если так - тогда ей грозила опасность, о которой он и подумать боялся. Ворон доведен до отчаяния. И Матер вдруг услышал свой собственный голос, произносивший с убежденностью:

- Здесь был Ворон. Он привел ее сюда. Под дулом пистолета. Собирался запереть ее здесь... или, может быть, застрелить. И тут услышал голоса. Он дал ей деньги и велел отделаться от тех двоих. Если бы она попыталась ему противодействовать, он пристрелил бы ее, как... Черт, разве это не ясно?

Но полицейский возразил, фактически повторив довод старшего инспектора:

- Да ведь она ушла вместе с Грином. Ничто ей не мешало заявить в полицию.

- Но он мог последовать за ними на некотором расстоянии...

- Мне кажется, - сказал полицейский, - вы выдвигаете вроде бы совсем уж невероятную версию.

И Матер по выражению его лица понял, в каком замешательстве тот пребывает: странные фантазии у этого сержанта из Скотленд-Ярда; эти лондонцы вечно что-нибудь выдумают; сам он предпочитает добрый, надежный мидлендский здравый смысл. Профессиональная гордость Матера была уязвлена; он даже почувствовал морозный укол неприязни к Энн за то, что из-за нее оказался в ситуации, когда личная привязанность могла повлиять на объективность его суждений. Он возразил:

- У нас нет пока доказательств, что она не пыталась сообщить в полицию. - И подумал с удивлением: чего же я хочу - чтобы она была невиновна и мертва или жива, но замешана в преступлении? Он принялся за осмотр ванной комнаты, делая это со скрупулезной тщательностью. Даже пощупал пальцем внутри кранов, на всякий случай... В голову ему пришла дикая мысль: если Энн действительно была здесь, она захотела бы оставить записку. Выпрямившись, он раздраженно заметил:

- Ничего здесь нет. - И вспомнил: можно ведь проверить, не опоздала ли она на поезд. - Мне нужен телефон, - сказал он.

- А телефон-то как раз будет в конторе агента по продаже, в конце улицы, - сказал полицейский.

Матер позвонил в театр. Не застал там никого, кроме сторожихи (она же и уборщица), но она, как оказалось, знала, что на репетиции отсутствовавших не было. Режиссер, мистер Коллиер, всегда вывешивает список отсутствовавших на доске за дверью, у служебного входа. Он очень требовательный к дисциплине, мистер Коллиер. Да, она помнит, в ансамбле была новенькая. Сторожиха заметила, как эта новенькая выходила с каким-то мужчиной после репетиции, как раз когда она, сторожиха, вернулась после обеда, чтобы прибраться немного. Она еще подумала: вот новое лицо, я ее еще не видала. Нет, она не знает этого мужчину. Может, кто-то из спонсоров спектакля.

- Подождите, подождите, - сказал Матер; надо было собраться с мыслями, решить, что делать дальше. Значит, это она дала агенту краденые банкноты. Ему нужно было забыть, что это Энн, которая так хотела, чтобы они поженились до Рождества, которая ненавидела беспорядочность и распущенность, предполагаемые ее профессией; которая обещала ему, когда они возвращались из Кью-гарденс, что будет держаться подальше от богачей-спонсоров и пошляков, поджидающих актрис у служебного входа. Он спросил:

- А мистер Коллиер? Где его найти?

- А он будет сегодня вечером в театре. Репетиция в восемь.

- Он нужен мне немедленно.

- А его нету. Он уехал в Йорк с мистером Бlichem.

- Где мне найти девушек из ансамбля?

- Откуда мне знать? Я их адреса не записываю. Они по всему городу комнаты снимают.

- Ну, хотя бы кого-то, кто был вчера на репетиции...

- Вы можете отыскать мисс Мэйтью. Это уж наверняка.

- Где?

- Не знаю, где она обосновалась. Но вы просто посмотрите на плакаты про благотворительный базар.

- Какой базар?

- Она сегодня открывает благотворительный базар в приходе Святого Луки, в два часа.

В окно конторы Матер увидел Сондерса, шагающего через замерзшие колеи и кочки немощной дороги между "Островками уюта". Он повесил трубку и вышел его перехватить.

- Новые сообщения не поступали?

- Есть к-кое-что, - ответил тот.

Старший инспектор все ему рассказал, и Сондерс был искренне расстроен. Он любил Матера. Он был всем ему обязан: это Матер вел его в Скотленд-Ярде от одной должности к другой, более высокой; Матер сумел убедить начальство, что человек, который заикается, может работать ничуть не хуже полицейского, получающего призы за художественное чтение на ведомственных вечерах самодеятельности. Но даже если бы всего этого не было, Сондерс все равно любил бы его - за идеализм, за романтическую веру в необходимость и полезность дела, которое они делают.

- Что? Выкладываете.

- Это о вашей д-девушке. Она ис-с-чезла. - Сондерс выпалил новость одним махом, преодолев препятствия на одном дыхании. - Ее хозяйка позвонила в полицию, сказала, она не пришла ночевать и утром не появилась.

- Сбежала, - сказал Матер.

Сондерс ответил:

- Н-не н-надо. Вы ей сами сказали, чтоб она п-поехала эт-тим поездом. Она н-не с-соб-биралась выезжать д-до утра.

- Вы правы, - сказал Матер. - Я совсем забыл. Должно быть, они встретились случайно. Но это несчастная случайность, Сондерс. Может быть, ее уже нет в живых.

- Зачем это ему? На нем только кража. Что мы собираемся предпринять?

- Едем назад, в Управление. А потом, - Матер сделал жалкую попытку улыбнуться, - в два - на благотворительный базар.

3

Викарий волновался. Он не захотел выслушать то, что собирался сказать Матер: у него хватало своих забот. Это недавно назначенный священник, молодой, блестящий и широко мыслящий, присланный из лондонского Ист-Энда, настоял, чтобы мисс Мэйдью пригласили открыть благотворительный базар. Священник полагал, что мисс Мэйдью будет гвоздем программы и привлечет публику, но, объяснял викарию Матеру, зажав его в углу обшитой панелями из смолистой сосны приемной, благотворительный базар не нуждается в таких "гвоздях", он сам по себе привлекает публику. И так вон очередь выстроилась - в пятьдесят рядов длиной. Женщины с корзинками ждут, когда откроют двери; они пришли вовсе не за тем, чтобы посмотреть на мисс Мэйдью: каждая надеется сделать выгодную покупку. Благотворительные базары у Святого Луки славятся на весь город. Тощая остроносая женщина с камеей у горла всунула голову в дверь.

- Генри, - произнесла голова, - комитет опять растаскивает стенды. Не можешь ли ты наконец что-нибудь сделать? Ведь буквально ничего не останется к открытию базара.

- А где же Мэндер? Это его обязанность, - сказал викарий.

- Ну, Мэндер, естественно, поехал за мисс Мэйдью. - Остроносая женщина высморкалась в крахмальный платочек и, крича: "Констанция, Констанция!", скрылась за дверью.

- Совершенно ничего нельзя с этим поделаться, - пожаловался викарий. - Это происходит каждый год. Наши добрые женщины из комитета жертвуют своим временем совершенно бескорыстно. Просто не знаю, что без них делало бы Общество Почитателей Престола. Они уверены, что им должно быть предоставлено право выбирать покупки первыми. Беда в том, знаете ли, что именно они назначают цены.

- Генри, - сказала остроносая женщина, снова возникнув в дверях - ты должен вмешаться. Миссис Пенни оценила замечательную шляпку, которую прислала леди Кандифер, в восемнадцать пенсов и сама же ее купила.

- Дорогая, но что же я могу сказать? Они же тогда вообще откажутся что-либо делать. Вспомни, они жертвуют своим временем и покоем... - но он адресовал свои увещевания закрытой двери. - Меня беспокоит, - обернулся он к Матеру, - что эта молодая дама ждет овец. Она не поймет, что никого не интересуется, кто открывает распродажу. В Лондоне все это совершенно иначе.

- Она опаздывает, - сказал Матер.

- Они вполне способны высадить дверь, - волновался викарий, бросая обеспокоенный взгляд в окно на все удлиняющуюся очередь. - Я должен признаться, мы тут задумали маленькую военную хитрость. В конечном счете, она ведь у нас в гостях. Она жертвует ради нас своим временем и покоем...

Время и покой, по всей видимости, были дарами, о которых викарий вспоминал непрестанно. Ими жертвовали гораздо более щедро, чем медяками во время сбора пожертвований. Он продолжал:

- А мальчиков на улице вы не заметили?

- Там только женщины, - ответил Матер.

- Ах, Боже мой, Боже мой. Я же просил командира бойскаутов Лэнса. Видите ли, я подумал, если бы двое-трое бойскаутов, без формы разумеется, попросили у мисс Мэйдью автографы, это доставило бы ей удовольствие, показало бы ей, что мы ценим... время... покой... - он продолжал огорченно:

- Но бойскауты нашего прихода - самый ненадежный отряд в городе...

В дверь заглянул седовласый человек с ковровым саквояжем в руке:

- Миссис Харрис говорила, вроде тут с туалетом что-то не в порядке.

- А, мистер Бэйкон, - откликнулся викарий, - очень любезно с вашей стороны. Проходите, пожалуйста. Вы найдете миссис Харрис в зале. Небольшой засор, как я понимаю.

Матер взглянул на часы и сказал:

- Я должен немедленно побеседовать с мисс Мэйдью...

В приемную, запыхавшись, вбежал молодой человек и обратился к викарию:

- Простите, мистер Харрис, мисс Мэйдью что, будет выступать с речью?

- Надеюсь, что нет. Очень надеюсь, что нет, - сказал викарий. - И так очень тяжело заставлять этих бедных женщин ждать, пока я прочту молитву. Где мой молитвенник? Кто видел мой молитвенник?

- Потому что я даю материал в "Ноттвич Джорнел", а если она не будет выступать, я могу уйти.

Матеру хотелось взять их всех и как следует встряхнуть, крикнуть им: слушайте, вы! Ваш проклятый базар никого не интересует. Моя девушка в опасности. Может быть, ее уже нет в живых... Но он стоял у стены, тяжелый, неподвижный, внешне спокойный; профессиональная выучка, словно узда, сдерживала его чувства: любовь, волнение, страх; нельзя давать волю гневу, надо спокойно продвигаться вперед, шаг за шагом, выясняя, связывая один факт с другим; если твоя девушка убита, можешь утешиться - ты сделал все что мог в соответствии с высокими стандартами самой лучшей в мире полицейской службы. И он подумал с горечью, наблюдая, как викарий ищет свой молитвенник, сможет ли эта молитва дать ему утешение.

Вернулся мистер Бэйкон и сообщил:

- Теперь оно тянет, - и снова исчез под металлическое бряцание коврового саквояжа. Громкий голос произнес: "Наверх, в просцениум, мисс Мэйдью, в просцениум", - и появился лондонский священник. Он был в замшевых туфлях, лицо его лоснилось, гладко зачесанные волосы слипились, а зонтик, который он нес под мышкой, казался клюшкой для гольфа; можно было подумать, он только что вернулся в павильон, залепив мяч в белый свет как в копеечку во время дружеской встречи, но принял поражение и глазом не моргнув, как истый спортсмен...

- Мой командир - мисс Мэйдью, только что с наблюдательного пункта, прошу любить и жаловать. - Он повернулся к викарию:

- Я только что рассказывал мисс Мэйдью о наших любительских спектаклях.

Матер сказал:

- Мисс Мэйдью, могу ли я поговорить с вами наедине? Это займет всего несколько минут.

Но викарий уже увлек ее прочь.

- Минутку, минутку, сначала наша маленькая церемония. Констанция, Констанция!

И в тот же момент приемная опустела. Остались лишь Матер и журналист: он сидел на столе, болтая ногами и кусая ногти. Из соседней комнаты послышался необычный громкий шум, напоминавший топот стада каких-то животных; топот вдруг прекратился, будто стадо остановилось, упершись в забор; в неожиданно наступившей тишине стало слышно, как викарий торопливо завершает молитву; затем послышался звонкий, не вполне взрослый, как у солиста из хора мальчиков, голос мисс Мэйдью:

- Я объявляю этот благотворительный базар законно и добросовестно... - Затем топот возобновился. Она перепутала слова; все первые камни во все фундаменты всегда закладывала ее матушка, не она сама; но никто ничего не заметил. Все почувствовали облегчение, ведь она не стала произносить речь. Матер подошел к двери: полдюжины мальчишек выстроились перед мисс Мэйдью с альбомами для автографов в руках. Бойскауты прихода Св. Луки на этот раз не подкачали. Какая-то женщина в токе, с лицом жестким и хитрым, сказала Матеру:

- Вам будет интересен вот этот стенд. Это - "Стенд для мужчин".

Матер взглянул на грязноватую россыпь перочисток и фруктовых ножичков, самодельных расшитых кисетов и прочей чепухи. Кто-то даже пожертвовал несколько старых трубок. Он поспешно солгал в ответ:

- Я не курю.

Хитрая женщина сказала:

- Вы ведь пришли сюда, чтобы потратить деньги, так сказать, отдать долг. Можете заодно приобрести что-то полезное. На других стендах вы вообще для себя ничего не найдете.

Матер, вытянув шею, пытался не упустить из виду мисс Мэйдью, окруженную отрядом бойскаутов. Между плечами столпившихся вокруг стендов женщин он мог разглядеть никому не нужные старые вазы, выщербленные подносы для фруктов, стопки пожелтевших пеленок.

- У меня есть несколько пар подтяжек, - сказала женщина, - можете купить себе подтяжки.

К собственному стыду и огорчению, Матер вдруг произнес:

- Может быть, ее уже нет в живых.

- Кого нет в живых? - спросила женщина и нахмурилась, разглядывая розовато-лиловые подтяжки.

- Простите, - сказал Матер. - Я задумался.

Ему стало страшно: он перестал владеть собой. Он подумал: надо было попросить замену. Боюсь, это будет сверх моих сил. Он снова повторил: "Простите", увидев, как последний бойскаут захлопывает альбом.

Матер провел мисс Мэйдью назад в приемную. Журналист уже ушел. Матер объяснил:

- Я пытаюсь разыскать девушку из вашей труппы, по имени Энн Кроудер.

- Не знаю такой.

- Она приступила к работе только вчера.

- Все они на одно лицо. Как китайцы. Не могу запомнить ни одного имени.

- Она блондинка. Зеленые глаза. Хороший голос.

- В этой труппе таких нет, - сказала мисс Мэйдью. - Только не в этой труппе. Слышать их не могу. Действуют мне на нервы.

- Может быть, вспомните - она ушла вчера с каким-то мужчиной после репетиции.

- С какой стати мне это помнить? Что за гадкие вопросы вы задаете!

- Он ведь и вас пригласил.

- Жирный дурак, - отрезала мисс Мэйдью.

- Кто он такой?

- Не знаю. Дэвенант. Так, кажется, Коллиер его назвал. Или он сказал - Дэвис? Никогда раньше его не встречала. Кажется, это с ним поссорился Коуэн. Хотя кто-то что-то такое говорил про Коллитропа.

- Это очень важно, мисс Мэйдью. Ведь девушка исчезла.

- Да это вечная история с такими актрисулями! Как ни зайдешь к ним в уборную, только и слышишь - мужчины да мужчины, ни о чем другом говорить не умеют. Как только они решаются играть на сцене? Гадость.

- Вы никак не можете мне помочь? Не знаете, где можно найти этого Дэвенанта?

- Коллиер должен знать. Он сегодня вечером вернется. Впрочем, может быть, и нет. Не думаю, что он хоть что-то может знать. А-а, вспомнила. Коллиер назвал его Дэвисом, а он сказал, что он Дэвенант и откупил спектакль у Дэвиса.

Матер, опечаленный, ушел. Инстинкт, который всегда гнал его к людям, потому что в толпе незнакомых людей легче было натолкнуться на ключ к решению задачи, чем в покинутых комнатах или на опустевших улицах, заставил его снова пройти через переполненный зал. Глядя на этих обуреваемых алчностью женщин, невозможно было и представить себе, что Англии грозит война.

- А я сказала миссис Хопкинсон, я ей так и сказала, ежели вы меня спрашиваете, так эта вещь лучше лечит Доре, а не вам.

Очень старая женщина сказала, обращаясь к кому-то по другую сторону груди панталон из искусственного шелка:

- Он пять часов без передыху лежал на спине, подняв колени.

Какая-то девушка, хихикая, прошептала:

- А я тебе скажу, это было ужасно. Он как сунет руку под блузку...

Какое дело было всем этим людям до войны? Они переходили от стенда к стенду в атмосфере тяжело сгустившейся, впитавшей их собственные заботы - болезни, смерти, влюбленности. Какая-то женщина с неприятным изможденным лицом коснулась руки Матера; ей было лет шестьдесят или около того; его удивила ее манера втягивать голову в плечи в начале каждой фразы, будто она ожидала удара в ответ, но потом она снова поднимала лицо, на котором застыло выражение непреодолимой горькой злобы. Сам того не замечая, Матер не отрывал от нее взгляда, пока шел в толпе между стендами. А теперь она дергала его за рукав, от ее пальцев несло рыбой.

- Достаньте мне вон тот кусок ткани, мой милый, - сказала женщина. - У вас руки длинные, а мне не дотянуться. Нет, нет, вон тот. Розовый. - И она принялась искать деньги в сумочке. В сумочке Энн.

4

Брат Матера покончил жизнь самоубийством. Гораздо больше, чем Матер, он нуждался в том, чтобы стать частью организации, научиться дисциплине, овладеть профессией, получать и выполнять приказы. Но в отличие от Матера он для себя такой организации не нашел. Когда жизнь пошла наперекосяк, он покончил с собой, и Матера вызвали в морг опознать тело. До последнего момента он надеялся, что это кто-то другой, пока не открыли бледное, потерянное лицо утопленника. Весь день до этого он рыскал по городу в поисках брата, от дома к дому, по всевозможным адресам, и самое первое чувство, которое охватило его при виде этого лица, было не горе. Он только подумал: все, больше не нужно торопиться, можно посидеть. Пошел в кафе Эй-Би-Си и заказал чай. Горе пришло, когда он пил уже вторую чашку.

Сейчас произошло то же самое. В голову ударила мысль: нечего было торопиться. Незачем было вести себя по-идиотски с той теткой с подтяжками. Ее больше нет. Нечего было спешить.

Старуха сказала: "Спасибо, мой милый" - и стала запихивать розовый квадратик материи в сумочку. У него не было ни малейшего сомнения - он сам подарил эту сумочку Энн; сумочка из дорогой кожи, в Ноттвиче вряд ли можно купить такую; и, убивая последнюю надежду, в небольшом кружке витого стекла все еще виднелись следы двух сорванных букв: Э.К. Все кончено. Навсегда. Некуда спешить. К сердцу поднималась боль яростнее той, что он ощутил тогда в Эй-Би-Си (там какой-то человек за соседним столиком ел жареную камбалу, и теперь - Матер так и не осознал почему - эта боль ассоциировалась у него с запахом рыбы). Но прежде чем боль захватила его целиком, он с холодным и расчетливым удовлетворением подумал, что наконец эти дьяволы у него в руках. Кто-то за все это заплатит жизнью. Старуха держала в руках маленький бюстгальтер, растягивая резинку, проверяя ее эластичность, и презрительно усмехалась, ведь вещь предназначалась для молодой женщины, стройной, с красивой грудью.

- Это ж надо, - сказала она, - до чего додумались, такое носить.

Матер мог бы арестовать ее сейчас же, но он уже решил, что так не пойдет; в деле замешана не одна эта старуха; он доберется до них до всех, и, чем дольше будет длиться охота, тем лучше: ему не нужно будет думать о будущем, пока все не кончится. Теперь он был благодарен судьбе за то, что Ворон вооружен, потому что и сам был вынужден носить оружие, и кто может сказать, не выпадет ли ему случай это оружие применить?

Он поднял глаза, и там, на противоположной стороне, за стендом, устремив глаза на сумочку Энн, стоял человек, которого он искал: зловещая темная фигура с заячьей губой, плохо скрытой едва отросшими усами.

ГЛАВА IV

1

Ворон все утро был на ногах. Он должен был все время двигаться, переходить с места на место; он не мог потратить мелочь, которая у него еще оставалась, на то, чтобы купить еду: боялся остановиться, дать людям возможность взглянуть в его лицо. Он купил газету из стопки рядом с почтамтом и увидел в ней описание собственной внешности, жирным шрифтом и в черной рамке. Его рассердило, что это описание поместили на последней странице: первую занимали сообщения о положении в Европе. К полудню, переходя с места на место и напряженно следя, не появится ли где-нибудь Чамли, он устал как собака. Он остановился на минуту и увидел собственное отражение в витрине парикмахерской; с того самого вечера, когда он сбежал из "Кафе Сохо", он ни разу не брился; усы могли бы скрыть его уродство, но Ворон по опыту знал, что волосы на его лице растут неравномерно: густые на подбородке, они редели над губой и вовсе не прикрывали ярко-красный шрам. Теперь неопрятная щетина делала лицо еще более заметным, а он боялся зайти в парикмахерскую побриться. На пути попался автомат с плитками шоколада, но он принимал только шиллинги или монеты в шесть пенсов. У Ворона же были лишь полукроны, флорины и полупенсы. Если бы не жестокая ненависть, овладевшая

всем его существом, он пошел бы в полицию и сдался: больше чем на пять лет его бы не засадили; но убийство старика министра - теперь, когда он так устал и чувствовал себя загнанным в угол, - сжимало ему горло, словно крылья легендарного альбатроса. Трудно было заставить себя поверить, что полиция разыскивает его только из-за кражи.

Он боялся ходить по переулкам, боялся задерживаться в тупиках, потому что, если бы по пустынному переулку прошел полицейский, Ворон неминуемо привлек бы к себе внимание; там полицейский мог взглянуть на него еще и еще раз, присмотреться. И Ворон ходил и ходил по людным улицам, сотни раз рискуя быть узнанным в толпе. День был холодный и пасмурный, но по крайней мере не было дождя; магазины полны были рождественских подарков, всей этой бесполезной, нелепой мишуры, которая весь год пылилась на дальних полках, а теперь была выставлена в витринах: брошки в виде лисей головы, подставки для книг в форме Кенотафа, шерстяные чехольчики-грелки для вареных яиц, бесчисленные игры с фишками и игральными костями, глупейшие варианты таких игр, как "Метание стрелок" или бильярд; "Кошки на стене" - старая игра со стрельбой по цели - и "Поймаем золотую рыбку". В магазинчике рядом с католическим собором он опять увидел изображения, которые так разозлили его в "Кафе Сохо": гипсовая мать с младенцем, волхвы и пастухи. Фигуры были расставлены в вертепе из коричневой оберточной бумаги, среди религиозных брошюр, открыток с изображениями Святой Терезы. "Святое Семейство"! Ворон прижался лицом к стеклу витрины, испытывая что-то вроде сердитого страха: неужели эти истории все еще рассказывают кому-то? "Потому что не было им места в гостинице"; он вспомнил, как все они сидели рядами на длинных скамьях в ожидании праздничного обеда, а тоненький строгий голос читал им про Цезаря Августа и про то, как все и каждый возвращались в свои города, чтобы им записали налоги. В первый день Рождества никто не получал оплеух: все наказания откладывались до Дня подарков. Любовь, Милосердие, Терпение, Смирение: он был человек образованный; он знал все про все эти добродетели; он видел, чего они стоят. Люди все переворачивали, как им было надо: даже эту историю там, в витрине. Это были исторические события, они случились на самом деле, но люди перевернули все по-своему, как им было надо, для своих собственных целей. Сделали из него Бога, потому что так им было лучше, так они могли считать, что на них не лежит вина за то, как с ним расправились. Он же сам пошел на это, верно? Такой у них у всех довод, потому что мог же он призвать "сонмы ангелов", если б не хотел висеть на этом кресте? Как же, мог он, думал Ворон с горечью человека, изверившегося во всем, с таким же успехом, как мой отец мог сам себя спасти, когда его вешали в Уондзворте и крыша люка ушла у него из-под ног. Прижав лицо к стеклу витрины, он ждал, чтобы хоть кто-то опроверг эти доводы; смотрел не отрываясь на спеленатого Младенца с нежностью и ужасом, потому что он ведь был человек образованный и знал, что предостало этому "маленькому ублюдку" в будущем из-за проклятых евреев и предательства Иуды; и ведь нашелся только один человек, с ножом в руке бросившийся защищать его, когда в сад за ним явились воины.

По улице шел полицейский; Ворон не отрывался от витрины; полицейский прошел мимо, даже не взглянув в его сторону. Он подумал вдруг: много ли им известно? Та девушка, наверное, рассказала им его историю. Вполне могла успеть. Тогда это должно уже появиться в газетах; он просмотрел газету - ни слова. И о ней тоже. Ворон был потрясен. Он же чуть не убил ее, а она и не подумала пойти в полицию. Значит, она ему поверила, поверила тому, что он ей рассказал. Мысленно он тотчас же перенесся в гараж на берегу реки, в ледяной дождь и тьму, и страшное чувство одиночества, безысходного отчаяния, ощущения утраты чего-то неоценимого, совершенной им непоправимой ошибки... Привычная фраза: "Дай ей только время... с бабами всегда так!" больше не казалась убедительной, больше не утешала. Ему захотелось отыскать ее, но он подумал: никакой надежды, я даже Чамли отыскать не могу. И он сказал крохотному комочку гипса за стеклом:

- Если бы ты и вправду был Богом, ты бы понял, что я не мог сделать ей ничего плохого. Дал бы мне шанс, сделал бы так, что вот я обернусь, а она позади меня стоит, на этой улице.

И он обернулся, полунадеясь, но там, разумеется, никого не было. Ворон двинулся прочь и вдруг в сточном желобе у края тротуара заметил монету в шесть пенсов. Он подобрал шестипенсовик и пошел назад, к автомату с шоколадными плитками. Автомат стоял у дверей кондитерской, а рядом - собор и при нем приходский зал собраний, перед дверьми которого, ожидая открытия какой-то распродажи, выстроилась очередь женщин. Женщины нетерпеливо шумели: назначенный час уже прошел, а двери все не открывались; Ворон подумал: толпа рассерженных женщин - какая добыча для хорошего карманника! Они были так прижаты друг к другу, что и не заметили бы, как умелые руки нажимают замок сумочки. В наблюдении этом не было личной заинтересованности: он никогда не опускался так низко - и был убежден, что не опустится, - чтобы лазать по дамским сумкам. Но, раз обратив на это внимание, Ворон продолжал бесцельно присматриваться к сумкам, шагая мимо по тротуару. Среди всех выделялась одна, в руках пожилой неопрятной женщины: новая сумка из дорогой кожи, необычного фасона; он уже видел такую раньше. Он сразу же вспомнил: тесная ванная, рука с пистолетом, поднятым для выстрела, и девушка с пудреницей, только что вынутой из этой сумки.

Двери раскрылись, и женщины, толпясь и подталкивая друг друга, устремились в зал; Ворон остался на тротуаре один, у автомата с шоколадками, рядом с плакатом благотворительного базара: "Вход 6 пенсов". Не может быть, убеждал он себя, это вовсе не ее сумочка, таких десятки и сотни; но он все-таки последовал за ней в раскрытые двери с панелями из смолистой сосны.

- И не введи нас во искушение, - говорил викарий, стоя на возвышении в конце зала. Слова его звучали над головами, над стендами со старыми шляпками, щербатыми вазами и грудями дамского белья. Когда молитва отзвучала, толпа оттеснила Ворона к стенду с галантереей и безделушками: небольшие, в деревянных рамках акварели - пейзажи Озерного края, безобразные портсигары - сувениры, оставшиеся от итальянских каникул, медные пепельницы и горка потрепанных романов. Потом толпа оторвала его от этого стенда и понесла к другому, самому для всех привлекательному. Ворон ничего не мог поделать. Невозможно было никого отыскать в этой толчее, но это не имело значения, потому что он оказался прижатом к стенду, по другую сторону которого стояла та старуха. Он наклонился над стендом и впился глазами в сумочку; он хорошо помнил, как девушка сказала ему: "Меня зовут Энн", а на сумочке в руках у старухи остался слабый след от хромированной буквы "Э". Он поднял голову, не обратив внимания на стоящего рядом со стендом мужчину: глаза не видели ничего, кроме хитрого и злого лица с серой, словно пропыленной, кожей.

Ворон был поражен. Случай с сумочкой потряс его так же, как двуличие Чамли. Он не испытывал угрызений совести из-за убийства министра обороны - к чему жалеть о великих мира сего. Ворон был человек образованный, он знал все правильные слова про такие дела: министр был одним из тех, кто "сидит впереди в синагоге", и, если иногда его беспокоили воспоминания о шепоте старухи секретарши, доносившемся через неплотно прикрытую дверь, он всегда мог сказать себе, что выстрелил в нее в целях самозащиты. Но то, с чем он столкнулся теперь, было Зло: люди одного и того же круга грабили друг друга почему зря. Он протолкался сквозь толпу к другому краю стенда, наклонился к старухе и шепнул: "Откуда у вас эта сумочка?" Но хищная череда женщин решительно вклинилась между ними, так что старуха даже не поняла, кто это прошептал. Она вполне могла подумать, что одна из женщин позавидовала выгодной покупке, приняв сумочку за один из предметов распродажи; однако вопрос напугал женщину. Ворон увидел, как она локтями прокладывает себе путь к выходу, и, с трудом продираясь сквозь толпу, последовал за ней.

Выбравшись на улицу, он едва успел заметить, как она заворачивала за угол; подол длинной, давно вышедшей из моды юбки волочился по тротуару. Ворон поспешил ей вдогонку. Он не заметил, что и за ним следует человек в одежде, стиль которой был ему прекрасно знаком: мягкая шляпа и пальто, сидевшее словно полицейская форма. Очень скоро он стал узнавать места, по которым они проходили; он уже был здесь с той девушкой. Это напоминало прокручивание в голове чего-то уже испытанного прежде. Вот сейчас появится писчебумажный магазин с газетами. Полицейский стоял вот тут; а сам он собирался ее убить; отвести куда-нибудь за дома и застрелить так, чтобы не было больно; выстрелить в спину. Ему казалось: морщинистое злобное лицо над стендом кивает ему: "Не беспокойся, мы взяли это дело на себя".

Невероятно, как быстро семенила эта старуха. Сумочку она держала в одной руке, а другой приподняла нелепую длинную юбку; она была словно Рип Ван Винкль в женском обличье, восставший ото сна в одежде пятидесятилетней давности. Он подумал: они с ней что-то сделали; но кто "они"? Она не пошла в полицию; она поверила тому, что он ей рассказал; только Чамли было выгодно, чтобы она исчезла. Впервые со дня смерти матери Ворон боялся за кого-то, кроме себя самого: он прекрасно понимал, что Чамли ни перед чем не остановится.

Пройдя мимо станции, старуха свернула налево, на Хайбер авеню, улицу, застроенную потемневшими от сажи жилыми домами. Грязные занавеси из грубого тюля не позволяли разглядеть, что крылось там, внутри небольших комнат. Только иногда в жардиньерке между занавесями какое-то растение прижимало к стеклу блестящие зеленые ладони. Не видно было ярких пятен герани, жадно пьющей воздух за закрытыми наглухо окнами: эти алые цветы были принадлежностью более бедных слоев общества, чем те, что обитали в домах на Хайбер авеню, - принадлежностью эксплуатируемых. Жители Хайбер авеню ставили на окна аспидистру, символ того, что им удалось пробиться в слой мелких эксплуататоров. Все они были Чамли, только более мелкого масштаба. У дверей дома № 61 старухе пришлось задержаться: она искала ключ; это дало Ворону возможность ее нагнать. Он поставил ногу так, чтобы помешать женщине закрыть дверь, и сказал:

- Мне нужно задать вам несколько вопросов.

- Пошел вон, - сказала старуха, - мы не имеем дела с такими, как ты.

Он нажал на дверь посильнее, она раскрылась.

- Вам лучше выслушать меня, - сказал он. - Так будет лучше.

Она пятилась задом, цепляясь за барахло, заполнявшее переднюю; Ворон с отвращением заметил тут и стеклянный ящик с чучелом фазана, и изъеденную молью оленью голову, по дешевке приобретенную где-нибудь на деревенском аукционе и служившую вешалкой для шляп; черную металлическую подставку для зонтов, украшенную золотыми звездами, розовый стеклянный абажурчик над газовым рожком. Он повторил:

- Откуда у вас эта сумочка? О, - добавил он, - не надо доводить до крайностей, мне совсем не трудно будет свернуть вам шею.

- Эки! - завизжала старуха. - Эки!

- Чем вы тут занимаетесь, а? - Ворон открыл наугад одну дверь, потом другую, увидел длинную кушетку, дешевую, с вылезавшей из-под покрывала тиковой обивкой, огромное зеркало в позолоченной раме, картину с обнаженной девушкой, стоящей по колено в морской воде; из комнат несло дешевыми духами и застоявшимся запахом газа.

- Эки! - опять завизжала женщина. - Эки!

Ворон сказал:

- Так вот оно что! Ах ты старая бандерша! - и повернул назад в переднюю. Но теперь старуха получила поддержку. С ней был Эки; он появился откуда-то из глубины дома, бесшумно ступая в туфлях на резине. Высокого роста, лысый, с ханжеским выражением бегающих глазок, он встал перед Вороном, загородив собою женщину.

- Что вам здесь нужно, друг мой?

Он явно принадлежал к совершенно иному кругу; частная школа и теологический факультет сформировали манеру его речи: фразеологию и тон; что-то иное деформировало его лицо с перебитым носом.

- Он меня оскорбил, - сказала старуха, сверкнув на Ворона глазами из-под прикрытия охранительной подмышки.

Ворон сказал:

- Я спешу. Мне не хотелось бы все здесь переверачивать вверх дном. Говорите, откуда у вас эта сумочка.

- Если вы имеете в виду ридикюль моей жены, - произнес лысый, - то его ей подарили, не правда ли, Малышка? Это подарок постоялицы.

- Когда?

- Несколько дней тому назад. Вечером.

- Где она теперь?

- Она снимала комнату на одни сутки.

- Почему она отдала вам свою сумку?

- Лучше что-нибудь, чем ничего, - знаете, как это говорится? - сказал Эки.

- Она была одна?

- Конечно, не одна, - сказала старуха. Эки кашлянул, закрыл ей лицо ладонью и мягко оттолкнул, так что она снова оказалась у него за спиной.

- Ее суженый, - сказал он, - был с нею в ту ночь. - Он подошел поближе к Ворону. - Это лицо, - сказал он, - кажется мне странно знакомым. Малышка, милая моя, ну-ка принеси мне тот экземпляр "Ноттвич Джорнел".

- Нет необходимости, - сказал Ворон. - Это я и есть, - и добавил:

- а насчет сумки вы соврали. Если эта девушка приходила сюда, то это могло быть только вчера. Я собираюсь обыскать этот ваш бардак.

- Малышка, - сказал старухин муж, - выйди черным ходом и позвони в полицию.

Рука Ворона легла на рукоять пистолета, но сам он не пошевелился, не вытащил оружие из кармана: глаза его неотрывно следили за старухой. Она нерешительно двинулась к кухонной двери.

- Поспешите, Малышка, моя дорогая.

Ворон сказал:

- Если бы я поверил, что она идет за полицией, я пришел бы вас обоих не задумываясь. Но она никакую полицию и не подумает звать. Вам полицейские страшней, чем мне. Она просто спряталась в кухне, в каком-нибудь дальнем углу.

Эки возразил:

- О нет, уверяю вас, она пошла звонить. Я слышал, как хлопнула дверь. Посмотрите сами. - И когда Ворон проходил мимо него, лысый размахнулся, метя кастетом Ворону в голову так, чтобы попасть позади уха.

Но Ворон был готов к этому: он резко нагнулся и невредимым прошел в кухню, держа пистолет в руке.

- Ни с места, - сказал он. - Это оружие стреляет бесшумно. Я влеплю вам по пуле туда, где побольней, только шевельнитесь...

Как он и ожидал, старуха была там, сидела, съезжившись, в углу кухни, между буфетом и дверью черного хода. Она протонала:

- Ох, Эки, что ж ты ему не врезал как следует!

Эки вдруг принялся сквернословить. Ругательства потоком извергались у него изо рта без видимых усилий, но манера произносить слова, интонация, весь тон речи не изменились, это по-прежнему был человек, прошедший частную школу и факультет теологии. Ругательства перемежались латинскими выражениями, которых Ворон не понимал. Он спросил раздраженно:

- Ну же, где девушка?

Но Эки просто не слышал; он стоял, пригвожденный к месту нервным припадком, закатив глаза к потолку, словно в молитве; некоторые латинские слова, подумал Ворон, могли быть из какой-нибудь молитвы: "Saccus stercoris", "fauces". Он снова спросил:

- Где девушка?

- Оставь его в покое, он все равно не услышит, - сказала старуха. - Эки, - прошептала она из своего угла за буфетом, - не волнуйся так, золотце. Ты ведь дома. - И сказала Ворону со злым отчаянием:

- Вот что они с ним сделали.

Неожиданно ругань прекратилась. Лысый шагнул и загородил собою кухонную дверь. Рука с кастетом взялась за лацкан потрепанного пиджака. Эки сказал мягко:

- В конце концов, милорд епископ, вы ведь и сами, я совершенно уверен в этом... в свое время... на лугу, в стогах сена... - он хихикнул.

Ворон сказал:

- Велите ему подвинуться. Я обыщу дом.

Он не сводил с них глаз. Затхлый домишко действовал ему на нервы; безумие и жестокость душным облаком заполняли кухню. Старуха с ненавистью следила за ним из угла. Ворон сказал:

- Господи, если только вы ее убили... - И продолжал:

- Знаете, как это - лежать с пулей в брюхе? Будете лежать тут и истекать кровью...

Ему казалось, выстрелить в них - все равно что стрелять в паука. Он вдруг крикнул старухинному мужу:

- А ну прочь с дороги!

Эки сказал:

- Даже Святой Павел... - Он глядел на Ворона остекленевшими глазами, не давая пройти. Ворон ударил его прямо в лицо и отстранился от бесцельного взмаха руки. Поднял пистолет, но женщина взвизгнула:

- Не надо! Я уведу его. - И добавила:

- Не смей его трогать. С ним и так обошлись не по-людски... еще тогда... - Она взяла мужа под руку, едва доставая ему до плеча; седая, неопрятная старуха с жалкой нежностью глядела на своего Эки.

- Эки, дорогой, - сказала она, - пойдем в гостиную. - Она потерлась серой морщинистой щекой о его рукав. - Пришло письмо от епископа, Эки.

Его зрачки опустились из-под век, словно глаза фарфоровой куклы. Он снова стал самим собой. Сказал:

- Ай-ай-ай! Кажется, я некоторым образом не сдержался. Дал волю гневу. - Взглянул на Ворона, узнавая и не узнавая. - Этот человек еще здесь, Малышка?

- Пойдем в гостиную, Эки, дорогой. Мне нужно с тобой поговорить.

Он позволил ей увести себя из кухни. Ворон вышел вслед за ними в переднюю и стал подниматься по лестнице. С лестницы ему было слышно, как они разговаривают - о чем-то договариваются; скорее всего, как только он скроется из глаз, потихоньку выскользнут из дома и вызовут полицию; если девушки здесь нет или если они уже избавились от ее трупа, им незачем опасаться полиции. На площадке второго этажа стояло высокое треснувшее зеркало.

Ворон ступил на площадку, и его встретил двойник: небритый подбородок, заячья губа, уродство. Сердце больно ударило в ребра; если бы сейчас ему пришлось - ради самозащиты - стрелять, рука не была бы крепкой, а глаз - верным. Он

подумал, теряя веру в себя: это конец, теряю хватку. И все из-за бабы. Он открыл первую попавшуюся дверь и вошел в комнату, видимо лучшую в доме: широкая двуспальная кровать с цветастым покрывалом, мебель полированного ореха, вышитый мешочек для оческов, на умывальнике стакан с лизолем для вставных зубов. Он открыл дверцу огромного гардероба, и затхлый запах старой одежды и нафталина хлынул наружу. Потом он подошел к закрытому окну, взглянул на улицу. И все это время ему слышно было, как они шепчутся внизу, в гостиной, Эки и Малышка, договариваясь о чем-то. Его взгляд лишь на мгновение задержался на каком-то большом неуклюжем человеке в мягкой шляпе, болтавшем с женщиной у дома напротив; к нему подошел другой; вместе они пошли по улице и исчезли из виду. Он узнал их сразу: полицейские. Конечно, они могли и не знать, что он здесь, могли выполнять какое-то поручение, вести рутинный опрос. Он быстро вышел на площадку: Эки и Малышка теперь молчали. Сначала он подумал, они ушли; но, прислушавшись, смог различить свистящее дыхание притаившейся под лестницей старухи.

На площадке была еще одна дверь. Он дернул ручку. Дверь была заперта. Он не хотел больше тратить время на стариков внизу. Выстрелил в замок и толчком растворил дверь. Но там никого не было. Комната была пуста. Тесное пространство почти целиком занимала двуспальная кровать, остывший камин закрыт медной опускной дверцей, темной от копоти. Ворон взглянул в окно: ничего, только пустой, мощенный камнем дворик; мусорный ящик; высокий, весь в саже, забор - отпугивать соседей; серый, угасающий свет дня. На умывальном столике - радиоприемник; шкаф совершенно пуст. Не возникало и сомнения в том, для чего служит эта комната.

Но что-то заставляло его здесь задержаться: какое-то тягостное чувство, словно чей-то застывший в затхлом воздухе ужас. Ворон не мог уйти; кроме того, запертая дверь требовала объяснения. Зачем им было запирают эту дверь, если здесь нет никаких улик, ничего такого, что представляло бы для них опасность? Он перевернул подушки на кровати одной рукой, в другой держал пистолет; в голове метался чей-то страх, билась чья-то боль. О, если бы только знать, если бы знать! Он вдруг с болью ощутил собственное бессилие - бессилие человека, привыкшего полагаться лишь на силу оружия. "Я ведь человек образованный, верно?" Пришедшая на ум привычная фраза звучала насмешкой: он знал, любой полицейский увидел бы здесь гораздо больше, чем он. Он опустился на колени и заглянул под кровать. Ничего. Сама по себе опрятность этой комнаты казалась неестественной, будто комнату прибрали после того, как было совершено преступление. Даже коврики у кровати не казались пыльными, будто их совсем недавно вытрясли.

Он спросил себя, не разыгралось ли у него воображение. Возможно, девушка и вправду подарила сумку хозяйке. Но Ворон не мог забыть, как они наврали ему про то, когда именно она тут ночевала, а еще - что они сорвали буквы с сумочки. И заперли эту дверь. Но ведь вообще-то двери запирают - от воров, например; но тогда ключ остается в замке с другой стороны. Да нет, конечно, какое-то объяснение всему этому должно быть, он это прекрасно понимал: зачем оставлять чужие инициалы на твоей сумке? Если у тебя полно постояльцев, естественно, можно спутать, когда кто... Объяснения были, только Ворон не мог избавиться от ощущения, что в этой комнате что-то произошло, а потом здесь убрали; и он с отчаянием осознал, что он-то не может вызвать полицию, чтобы отыскать эту девушку. Из-за того, что он сам был вне закона, оказывалась вне закона и она. "О Боже, если б мы могли..." Дождь, взметающий пузыри на поверхности реки, гипсовый младенец, серый свет дня, умирающий на камнях дворика, тусклое отражение собственного изуродованного лица в треснувшем зеркале, и снизу, из-под лестницы, свистящее дыхание Малышки. "На краткий миг, единый час..."

Он снова вышел на площадку, но что-то словно тянуло его назад, в эту комнату, словно он покидал место, очень ему дорогое. Его тянуло назад, когда он поднимался на третий этаж, когда по очереди заходил в каждую комнату. Там не было ничего, кроме шкафов и двуспальных кроватей, и застоявшегося запаха духов и туалетных принадлежностей, а в одном из шкафов ему попала сломанная трость. И все эти комнаты были гораздо грязнее той; в них копилась пыль, казалось, ими пользуются чаще, но редко убирают. Ворон постоял на площадке, куда выходили все эти комнаты, прислушиваясь. Эки и Малышка совсем притихли внизу, дожидаясь, пока он спустится с лестницы. Он снова спросил себя, не свалил ли дурака, так отчаянно рискуя. Но если им нечего скрывать, почему они даже не попытались вызвать полицию? Он оставил их одних, им нечего опасаться, пока он наверху; но что-то не давало им выйти из дома, точно так же как что-то не отпускало его от той комнаты на втором этаже.

Его снова потянуло туда. На душе стало легче, когда он закрыл за собой дверь и опять очутился в тесном пространстве между огромной кроватью и стеной. Тревога, щемившая сердце, отступила. Он снова обрел способность размышлять. Принялся обследовать комнату, тщательно, сантиметр за сантиметром. Даже передвинул радиоприемник на умывальном столике. И тут услышал, как скрипнули ступени. Приложив ухо к двери, прислушался. Кто-то - он решил, должно быть, Эки - медленно поднимался по лестнице, с неуклюжей осторожностью преодолевая ступеньку за ступенькой; затем прошел через площадку и теперь, видимо, стоял тут, прямо у двери; прислушивался; ждал. Невозможно поверить, что этим старикам нечего опасаться. Ворон пошел вдоль стен комнаты, протискиваясь вдоль кровати, касаясь пальцами глянцевых обоев; он когда-то слышал - бывает, обои наклеивают поверх углубления в стене. Так он дошел до камина и отомкнул медную дверцу.

В камине он обнаружил наполовину втиснутое в дымоход тело женщины: ноги на каминной решетке, головы не видно - она в дымоходе. Первая мысль была - о мести; если это - она, если она умерла, застрелю обоих; буду стрелять туда, где боль сильнее всего, чтоб смерть была мучительной и долгой. Он опустился на колени и стал осторожно высвобождать тело.

Руки и ноги были стянуты веревкой, старая хлопчатобумажная майка всунута между зубами и завязана узлом на затылке, глаза закрыты. Первым делом он разрезал кляп; не понять было, дышит она или нет; он обругал ее:

- А ну, сука паршивая, очнись! Давай просыпайся! - И наклонился над ней, моля:

- Ну очнись же, очнись...

Отойти от нее он боялся, а воды в кувшине не было, ничего нельзя было сделать; разрезав и сняв веревки, он просто сидел на полу, устремив глаза на дверь: одна рука - на рукояти пистолета, другая - на груди девушки. Когда рука ощутила слабое движение - девушка дышала, - он вдруг понял, что жизнь возвращается и к нему.

Она не сознавала, где находится; произнесла:

- Пожалуйста. Солнце. Слишком ярко.

Солнца в комнате не было вовсе; темнело; скоро нельзя будет букв в книге разобрать. Он подумал: они продержали ее в этом склепе целую вечность - и положил ладонь ей на глаза, защищая от скудного света, сочившегося в комнату на исходе серого зимнего дня. Она сказала:

- Могу заснуть. - Голос звучал устало. - Воздух. Можно дышать.

- Нет, нет, - сказал Ворон, - надо выбираться отсюда. - Но он совершенно не ожидал, что она вот так просто согласится:

- Да. Куда?

Он ответил:

- Вы меня не узнаете. Мне-то некуда деваться. Но вас я отведу в одно место, где безопасно.

Девушка сказала:

- Я узнала много всего.

Он подумал: она говорит о таких вещах, как страх, смерть. Но как только голос ее окреп, она пояснила, вполне четко:

- Это тот человек, о котором вы говорили. Чамли.

- Так вы меня узнали, - сказал Ворон.

Она не обратила внимания на его слова. Казалось, все это время там, во тьме, она повторяла в уме то, что должна сказать, когда ее найдут, сказать сразу, потому что нельзя было терять ни минуты.

- Я догадалась, где он работает. В какой-то компании. Сказала ему. Он перепугался. Должно быть, правда там. Только я забыла, как называется. Надо вспомнить. Обязательно.

- Не беспокойтесь, - сказал Ворон. - Вы - молодчина. Само вспомнится. Только как это вы тут с ума не сошли... Господи! Храбрости вам не занимать.

Она ответила:

- Я все время помнила, до этого момента. Я слышала, как вы меня ищете. Здесь, в комнате, а потом вы ушли, и я все забыла.

- Как вы думаете, сможете вы идти?

- Конечно, смогу. Надо спешить.

- Куда?

- Я все спланировала. Я вспомню. У меня было много времени все продумать.

- Можно подумать, что вы вовсе не испугались.

- Я знала, меня найдут. Я очень торопилась. Нам нельзя терять ни минуты. Я все время думала о войне.

Он повторил с восхищением:

- Храбрости вам не занимать.

Она принялась двигать руками и ногами, методично, словно следуя заранее продуманной программе.

- Я очень много думала об этой войне. Я когда-то читала, только потом забыла, что грудным детям нельзя надевать противогазы, потому что им не хватит воздуха. - Она встала на колени, придерживаясь рукой за его плечо. - Там, в трубе, было очень плохо с воздухом. Так что я все могла ярко себе представить. И подумала: мы должны это остановить. Кажется, глупо, да? Нас только двое: что мы можем? Но ведь больше никому, правда? - И добавила:

- Ой, у меня иголки в ногах. Очень больно. Значит, прихожу в норму. - Она попыталась встать на ноги, но не смогла.

Ворон внимательно к ней присматривался. Спросил:

- А о чем еще вы думали?

Она ответила:

- Я думала о вас. Жалела, что пришлось вот так уйти, вас бросить.

- Я думал, вы пошли в полицию.

- Зачем? Я ведь на вашей стороне.

На этот раз ей удалось встать, держась за его плечо.

Ворон сказал:

- Надо выбираться отсюда. Можете идти?

- Да.

- Тогда не держитесь за меня. Кто-то стоит там, за дверью.

Он встал у двери, сжимая пистолет в руке. Прислушался. У них - у тех двоих - было много времени, чтобы составить план действий, гораздо больше, чем у него. Ворон потянул дверь, она открылась. Было почти совсем темно. Он никого не увидел на площадке. Подумал: старый черт стоит где-то сбоку, с кочергой в руке, метит, куда бы ударить. Пробегу. И сразу же упал, запнувшись о протянутую над порогом бечевку. Он успел только подняться на колени, пистолет остался на полу; не смог вовремя увернуться - Эки ударил сбоку, удар пришелся в левое плечо. Боль сотрясла все тело, он не мог пошевелиться, успел только подумать: сейчас ударит по голове, я совсем спятил, должен был догадаться про бечевку - и тут вдруг услышал, как Энн говорит:

- Бросьте кочергу.

Ворон с трудом поднялся на ноги; девушка успела схватить пистолет с пола и держала Эки под прицелом. Пораженный, он сказал ей:

- Вы молодчина.

Снизу, из-под лестницы, раздался голос старухи:

- Эки, ты где?

- Дайте мне пистолет, - сказал Ворон, - ступайте вниз; старой карги нечего бояться. - И стал спускаться по лестнице вслед за ней, пятясь и держа Эки под прицелом; но старики уже порастратили пыл и больше ни на что не отважились.

Ворон сказал с сожалением:

- Если бы он бросился за нами, я всадил бы в него пулю.

- Я не огорчилась бы, - ответила Энн, - я и сама могла бы это сделать.

Он повторил:

- Вы - молодчина. - Он совсем забыл про полицейских рядом с домом, но, взявшись за ручку двери, вспомнил. И сказал:

- Мне, может, придется удирать, если на улице полиция. - И, чуть поколебавшись, доверился ей:

- Я нашел место, где укрыться на ночь. На товарном дворе. В сарае, им сейчас не пользуются. Буду вас ждать вечером у забора, в пятидесяти ярдах от станции.

Он приоткрыл дверь. На улице никто не пошевелился; они вышли вместе и пошли прямо по середине дороги, в пустоту густеющих сумерек. Энн спросила:

- Вы не заметили человека в дверях напротив?

- Да, - ответил Ворон, - я его видел.

- Мне показалось, он похож... Только как это может?..

- В конце улицы - еще один. Полицейские. Это точно; только они меня не узнали. Если б узнали, попытались бы взять.

- Вы стали бы стрелять?

- А то! Только они не знают, что это я. - Он засмеялся, и вечерняя сырость освежила ему горло. - Я их здорово одурачил.

В городе за железнодорожным мостом зажигались огни, но там, где они шли, были серые сумерки; на товарном дворе пыхтел паровоз.

- Я не смогу далеко идти, - сказала Энн. - Простите, пожалуйста. Кажется, мне все-таки нехорошо.

- Уже близко, - сказал Ворон. - Тут планка в заборе отходит. Я сегодня утром все как следует устроил. Там даже мешки есть, целая куча. Сможем чувствовать себя как дома.

- Как дома?

Они шли вдоль товарного двора, и он не ответил, ведя рукой по просмоленным доскам забора; вспомнилась кухня в подвальном этаже и - практически первое его детское впечатление - мать, упавшая грудью на стол, залитый кровью. Она даже дверь не заперла, так о нем заботилась. Конечно, он в своей жизни совершал кое-какие безобразные поступки, сказал он себе, но с этим не сравнить. Когда-нибудь и он... Когда-нибудь он сможет начать жить сначала: тогда ему будет что вспомнить, не только эту мерзость, если вдруг кто-то заговорит о смерти, о крови и ранах, о доме.

- Слишком пустынно, чтобы чувствовать себя как дома, - сказала Энн.

- Вы не бойтесь меня, не надо, - сказал Ворон. - Я не стану вас здесь держать. Вы немного посидите, расскажете, что он с вами сделал, этот Чамли, а потом - можете пойти куда хотите.

- Я и шагу ступить не смогла бы, даже если б вы мне приплатили.

Ему пришлось взять ее за плечи и прислонить к просмоленным доскам забора. Они стояли, словно обнявшись; Ворон старался придать ей бодрости, вдохнуть новые силы из своего неистощимого запаса. Сказал:

- Держитесь. Мы почти пришли.

Он дрожал от холода; поддерживая ее, как мог, пытался в темноте разглядеть ее лицо. Сказал:

- Вы сможете отдохнуть там, в сарае. Там полно мешков. - Он похож был на человека, с гордостью описывающего свой дом, купленный на собственные деньги или построенный собственными руками.

2

Матер отступил в тень дверного проема. Все оказалось в чем-то даже страшнее того, чего он боялся, Он сжал рукоять револьвера. Надо было просто пойти и арестовать Ворона, а может быть - нарваться на пулю, пытаясь это сделать. Он ведь был полицейским, он не имел права выстрелить первым. В конце улицы Сондерс ждал, что предпримет Матер. Дальше, за Сондерсом, полицейский в форме ждал, какие действия предпримут они оба. Но Матер не двинулся с места. Он дал Ворону и Энн уйти по дороге в полной уверенности, что за ними никто не следит. Потом он дошел до угла и позвал Сондерса.

- Д-д-дьявол, - сказал Сондерс.

- О нет, - возразил Матер. - Всего лишь Ворона. И - Энн.

Он зажег спичку и поднес ее к сигарете, которую сжимал губами уже минут двадцать. Мужчина и женщина, шагавшие прочь по дороге в сторону товарного двора, были едва видны; но позади них кто-то тоже зажег спичку.

- Все. Они под копаком, - сказал Матер. - Теперь им от нас не уйти.

- М-мы будем б-брать обоих?

- Не можем мы устраивать перестрелку, там женщина, - ответил Матер. - Представляете, какой вой поднимут газеты, если будет ранена женщина. Ведь этого типа разыскивают не за убийство.

- Надо поосторожней, там ведь ваша девушка, - на одном дыхании выпалил Сондерс.

- Пошли, пошли, - сказал Матер, - нам нельзя терять их из виду. О ней я больше не думаю. Слово даю, с этим покончено. Она хорошо поводила меня за нос. Я просто размышляю, как лучше взять Ворона и его сообщника - или сообщников - здесь, в Ноттвиче. Если придется стрелять, будем стрелять.

Сондерс сказал:

- Они остановились. - У него зрение было поострее, чем у Матера.

Матер спросил:

- Можете попасть в него отсюда, если я попробую его взять?

- Нет, - ответил Сондерс, убыстряя шаг. - Он отодвинул планку в заборе. Лезут внутрь.

- Спокойно, - сказал Матер, - я иду за ними. Вызовите еще троих людей. Одного поставьте у дыры в заборе так, чтобы я мог его найти. Все ворота товарного двора уже под наблюдением. Остальных ребят давайте во двор. Только без шума. - Он слышал, как хрустит шлак под ногами тех двоих; идти за ними было не так-то легко из-за шума собственных шагов. Они скрылись за неподвижной платформой. Все больше темнело. На мгновение их темные силуэты появились снова, но тут загудел паровоз, выдохнул серое облако пара, накрыв Матера с головой; с минуту он шел словно в густом горном тумане. Тепловатые грязные капли осели на лицо; когда он выбрался из облака, тех двоих уже не было видно. Он начал сознавать,

как сложно отыскать кого бы то ни было на товарном дворе, да еще ночью. Повсюду стояли грузовики и платформы: они могли залезть на одну из платформ и лечь, тогда их и вовсе невозможно будет обнаружить. Матер ободрал ногу и тихонько выругался; и тут совершенно четко услышал шепот Энн:

- Мне не дойти.

Между ним и теми двумя было всего несколько платформ. Потом снова послышались шаги, более грузные, словно кто-то тащил тяжелую ношу. Матер взобрался на платформу и стал вглядываться в темную, мрачную пустыню, усыпанную шлаком, испещренную путаницей рельсовых путей и стрелок, с разбросанными там и сям сараями, кучами угля и кокса. Словно ничья земля, заваленная искореженным металлом, и какой-то солдат пробирается по ней с раненым товарищем на руках. Матер смотрел на них со странным чувством стыда, словно подглядывал. Тощая ковьялющая тень вдруг обрела плоть: этот человек был знаком с девушкой, которую он, Матер, любил. Между ними была какая-то связь. Он подумал: сколько лет могут дать Ворону за это ограбление? Стрелять ему уже не хотелось. Бедняга, подумал он, совсем загнанный; небось ищет место, где приткнуться, посидеть хотя бы. И такое место нашлось: заброшенный сарай - кладовка для инструментов - в узком промежутке между путями.

Матер зажег спичку, и мгновение спустя внизу у платформы стоял Сондерс, ожидая распоряжений.

- Они вон в том сарае, - сказал Матер. - Расставьте посты. Если попытаются выйти, задержать немедленно. Если нет - ждать рассвета. Нам не нужны жертвы.

- В-вы не ос-с-танетесь?

- Вам без меня будет легче, - ответил Матер. - А я - в Управление. - И добавил мягко:

- Обо мне не заботьтесь. Работайте как обычно. И берегите себя. Оружие при вас?

- Конечно,

- Я пришлю к вам людей. Боюсь, будет холодновато на дежурстве, но нет смысла брать этот сарай штурмом. Ворон ведь может пробиться, уложив кого-нибудь по дороге.

- Н-н-не пов-везло вам, - сказал Сондерс. Тьма совсем сгустилась, скрывая тоскливое запустение товарного двора, словно залечивала раны. В сарае нельзя было различить ни малейшего признака жизни, ни огонька; вскоре Сондерс не мог бы сказать, существует ли этот сарай на самом деле. Он сидел, опираясь спиной о платформу, укрывшись так от ветра, прислушиваясь к дыханию полицейского рядом и, чтобы убить время, повторял в уме (в уме слова произносились без всякого затруднения) строчки из стихотворения про темницу в башне, которое они учили в школе:

*О, как жесток быть должен он,
Что этой муке обречен.*

Эти строки - хорошее утешение, подумал он; нельзя было придумать лучше для людей его профессии; потому он их и повторял.

3

- Кого мы ждем к обеду, дорогая? - спросил начальник полиции, заглядывая в дверь спальни.

- Не твоя забота, - ответила миссис Колкин, - переодевайся.

Начальник полиции проговорил:

- Послушай, дорогая, чево я хотел сказать...

- Чего, - решительно поправила миссис Колкин. - Там "г", а не "в".

- Я про новую горничную. Ты могла бы велеть ей называть меня Майор Колкин.

Миссис Колкин ответила:

- Переодевайся. Да поскорей.

- Это ведь не мэрша опять, нет? - Он мрачно поплелся в ванную, но передумал и тихонько пробрался вниз, в столовую. Надо проверить, как там с выпивкой. Только, если это опять мэрша, никакой выпивки не жди. Сам Пайкер никогда не удосуживался зайти; да Колкин и не винил его. Ну, раз уж спустился, можно и пропустить глоток; он не стал разбавлять виски - времени не было; сполоснул стакан содовой и вытер носовым платком. Подумав, поставил стакан туда, где обычно сидела мэрша. И позвонил в Управление.

- Есть новости? - без всякой надежды осведомился он. Знал - нечего надеяться, что они пригласят его туда посоветоваться.

Голос старшего инспектора произнес:

- Мы знаем, где он. Он окружен. Ждем только рассвета.

- Могу я быть чем-нибудь полезен? Хотите, приеду, а? Обсудим?

- Нет никакой необходимости, сэр.

Он огорченно положил трубку, понюхал стакан мэрши (да она все равно ничего не заметит) и отправился наверх. "Майор Колкин, - повторял он с грустью, - майор Колкин". Беда в том, что я - мужчина и люблю мужскую компанию. Глядя в окно своей гардеробной на широко раскинувшиеся огни Ноттвича, он почему-то вдруг вспомнил войну, трибунал, как здорово весело было, когда он мог вклеить этим трусам пацифистам на полную катушку. Его мундир все еще висел в шкафу, рядом с фрачной парой, которую он надевал раз в год на вечер встречи ротарианцев, где на торжественном обеде он мог снова побыть в обществе настоящих мужчин. Слабый запах нафталина щекотал ему ноздри. Настроение заметно улучшилось. Он подумал: Господи, да через неделю мы, может, опять возьмемся за оружие. Покажем этим дьяволам, на что мы способны. Интересно, как сидит мундир. Он не мог удержаться, натянул китель, хотя с брюками от смокинга он не очень-то смотрелся. Узковат, ничего не скажешь, но вид в зеркале, если не вдаваться в детали, вовсе не плох; правда, чуть-

чуть затянуто в талии: придется немножко выпустить. С его связями в администрации графства он сможет надеть форму уже через две недели. Если повезет, дел у него будет побольше, чем в прошлую войну.

- Джозеф, - сказала миссис Колкин, - чем это ты тут занялся?

Он увидел ее отражение в зеркале: картинно встав в проеме двери, в новом вечернем платье, черном с блестками, она казалась манекеном в витрине, демонстрирующим модели для дам значительно больше стандартного размера.

- Сними это сейчас же, - сказала она. - От тебя весь вечер будет нести нафталином. Супруга мэра уже раздевается в холле, и в любой момент сэр Маркус...

- Слушай, могла бы и предупредить, - сказал начальник полиции. - Если бы я знал, что у нас будет сэр Маркус... Как это тебе удалось заманить старика?

- Сам напросился, - с гордостью объявила миссис Колкин. - Так что я позвонила супруге мэра...

- А старина Пайкер придет?

- Его целый день не было дома.

Начальник полиции снял мундир и аккуратно повесил его в шкаф. Если бы та война продлилась еще хотя бы год, ему дали бы полковника: он установил прекрасные взаимоотношения со штабом полка, снабжая офицерскую столовую продуктами по цене самую чуточку выше себестоимости. В новой войне он несомненно добьется полковничьего звания. Шум подъехавшего автомобиля, шуршащего шинами по гравию, заставил его сбежать вниз по лестнице.

Мэрша заглядывала под диван, пытаясь отыскать своего пса, укрывшегося там, словно зверек в норе: он не желал общаться неизвестно с кем. Миссис Пайкер стояла на коленях, засунув голову под бахрому обивки, и повторяла заискивающим тоном:

- Чинки, Чинки!

Чинки рычал в ответ, невидимый в темноте.

- Так-так, - произнес начальник полиции, стараясь, чтобы в его тоне была хоть толика тепла. - А как Альфред?

- Альфред? - удивилась мэрша, вылезая из-под дивана. - Он вовсе не Альфред. Он - Чинки. Ах, - продолжала она поспешно - у нее была манера добираться до смысла сказанного собеседником, ни на минуту не прерывая поток собственной речи, - вы спрашиваете, как он? Альфред? Он опять исчез.

- Чинки?

- Нет, Альфред.

Дальше этого беседа не двинулась, впрочем так оно всегда и было в беседах с супругой мэра. Вошла миссис Колкин. Спросила:

- Нашли его, дорогая?

- Да нет, он опять исчез, - сказал начальник полиции, - если ты имеешь в виду Альфреда.

- Он под диваном, - ответила миссис Пайкер. - Не хочет вылезать.

Миссис Колкин сказала:

- Я должна была предупредить вас, дорогая. Но я подумала, что вы, конечно, в курсе. Про то, как сэр Маркус не терпит даже вида собак. Конечно, если он не вылезет, будет сидеть тихонько...

- Бедняжка, - сказала миссис Пайкер, - он такой чувствительный. Сразу понял, что он здесь нежеланный гость.

Начальник полиции вдруг осознал, что дальше терпеть все это невозможно, и произнес:

- Альфред Пайкер - мой лучший друг. Я не потерплю, чтобы кто-то говорил, что он здесь нежелательный гость. - Однако никто не обратил на него внимания: горничная объявила о прибытии сэра Маркуса.

Сэр Маркус вошел на цыпочках. Он был очень старый, очень больной человек; борода - несколько белых волосков - едва прикрывала его подбородок и была больше похожа на цыплячий пух. Казалось, его тело высохло в одежде, как ядрышко ореха в скорлупе. Он говорил с едва заметным иностранным акцентом, и трудно было определить, то ли он еврей, то ли происходит из древнего английского рода. Если в этом акценте и был некий призывок Иерусалима, то, несомненно, присутствовали и интонации Сент-Джеймского двора; если и чувствовалось влияние Вены или гетто какой-нибудь из стран Восточной Европы, то вполне явственной была и манера выражаться, принятая в самых блестящих клубах Лазурного Берега.

- Так мило с вашей стороны, миссис Колкин, - сказал он, - предоставить мне возможность...

Трудно было расслышать, что произносит сэр Маркус: он говорил шепотом. Старческитусклые рыбы глаза вобрали всех присутствующих разом.

- Я всегда надеялся, что смогу познакомиться...

- Могу ли я представить вам леди супругу мэра, сэр Маркус?

Он поклонился с чуть подобострастной грацией человека, который мог быть ростовщиком маркизы де Помпадур.

- Персона столь знаменитая в нашем городе... - В его манере не было ни сарказма, ни высокомерия. Он просто был очень стар. Все казались ему на одно лицо. Он и не затруднял себя попытками отличить одно лицо от другого.

- Я думал, вы на Ривьере, сэр Маркус, - весело проговорил начальник полиции. - Выпейте хереса. Бесплезно предлагать вино дамам.

- Простите, я совсем не пью, - прошелестел сэр Маркус. У начальника полиции вытянулось лицо. - Я вернулся два дня назад.

- Слухи о войне, а? Собака лает - ветер носит.

- Джозеф, - резко оборвала его миссис Колкин, бросив многозначительный взгляд на диван.

Старческие тусклые глаза несколько прояснились.

- Да, да. Слухи, - повторил сэр Маркус.

- Я слышал, ваша "Мидлендская Сталь" снова набирает рабочих, сэр Маркус?

- Мне говорили что-то в этом роде, - прошептал сэр Маркус.

Горничная доложила, что стол накрыт к обеду; ее голос напугал Чинки, и он зарычал из-под дивана. На какой-то момент все испуганно замерли, с тревогой глядя на сэра Маркуса. Но тот ничего не слышал, или, возможно, непонятный шум

расшевелил нечто давно забытое в его подсознании, потому что, сопровождая миссис Колкин в столовую, он со злостью прошептал ей:

- Меня гнали оттуда собаками.

- Налей миссис Пайкер лимонаду, Джозеф, - сказала миссис Колкин.

Начальник полиции несколько нервно наблюдал, как та пьет. Видимо, вкус лимонада показался ей не совсем обычным; она отпила немного; потом еще и еще.

- Подумать только, - сказала она, - какой восхитительный лимонад. Такой ароматный!

Сэр Маркус отказался от супа; отказался от рыбы; когда подали ее, он склонился над большой хрустальной, с серебряным обручем, вазой для цветов (на обруче была надпись: "Джозефу Колкину от продавцов фирмы "Колкин и Колкин" по случаю..."). Надпись заворачивала вместе с обручем, и дочитать не представлялось возможным) и прошептал:

- Нельзя ли мне стакан горячей воды и какое-нибудь сухое печенье? - И пояснил:

- Мой доктор не позволяет есть на ночь ничего, кроме этого.

- Да, паршиво, - сказал начальник полиции. - Не повезло вам. Еда и выпивка, когда человек стареет... - Он уставился в свой пустой стакан. Ну что за жизнь! Эх, если б можно было удрать отсюда к своим парням, показать, чего ты на самом деле стоишь, почувствовать себя настоящим мужчиной.

Леди супруга мэра вдруг воскликнула:

- Чинки с таким удовольствием погрыз бы эти косточки! - и смолкла, словно подавилась.

- Кто это - Чинки? - прошептал сэр Маркус.

Миссис Колкин быстро нашлась:

- У миссис Пайкер дома прелестная кошечка.

- Рад, что не собачка, - ответил шепотом сэр Маркус. - В собаках есть что-то такое... - Старческая рука приподнялась в безнадежной попытке сделать какой-то жест, не выпуская из пальцев печенье с сыром, - особенно в этих китайских мопсах. - Он произнес все это с необыкновенной злобой. - Тяф-тяф-тяф! - И запил горячей водой.

В его жизни почти не осталось удовольствий; самым живым чувством была злоба; самой важной целью - борьба: борьба за свои капиталы; борьба за едва тлеющий лучик энергии, подпитываемый ежегодно лучами каннского солнца; борьба за жизнь. Он готов был питаться сухим печеньем до тех пор, пока не иссякнут запасы печенья в стране, лишь бы это продлило его, сэра Маркуса, иссякающие дни.

Старику, видно, недолго осталось, думал начальник полиции, глядя, как сэр Маркус запивает горячей водой последнюю крошку печенья и вынимает из жилетного кармана плоский золотой футляр, а из него - белую таблетку. У него - сердце; каждый может догадаться: по тому, как он разговаривает; как путешествует - в специально оборудованном железнодорожном вагоне; как его катят в специальном кресле на колесах по длинным коридорам конторского дворца "Мидлендской Стали". Начальник полиции не раз встречался с сэром Маркусом на городских приемах; после Всеобщей стачки сэр Маркус подарил полиции Ноттвича - в знак признания ее заслуг - полностью оборудованный гимнастический зал; но никогда прежде сэр Маркус не удостоивал посещением их дом.

Все в городе знали о сэре Маркусе очень многое. Беда в том, что это многое было противоречий. Кое-кто считал, что он грек - из-за его христианского имени; кто-то был совершенно уверен, что он родился в гетто. Его деловые партнеры утверждали, что он происходит из старинной английской семьи; нос его не мог служить свидетельством в пользу ни одного из этих утверждений; такие носы во множестве встречаются в Корнуолле и на западе страны. Имя сэра Маркуса не было упомянуто в справочнике "Кто есть кто" вовсе, а некий предприимчивый журналист, попытавшийся написать биографию сэра Маркуса, обнаружил в официальных документах необъяснимые пустоты; невозможно было добраться до источника хотя бы одного из слухов из-за недостатка информации. Даже в Марселе, где, как говорили, юный сэр Маркус был обвинен в краже кошелька у посетителя борделя, не нашлось документов, подтверждавших эту сплетню. А сейчас он сидел в столовой, обставленной тяжелой темной мебелью времен Эдуарда VIII, стяхивая с жилета крошки сухого печенья. Сидел в столовой начальника полиции один из самых богатых людей в Европе.

Никто не знал, сколько ему лет; никто, кроме, пожалуй, его зубного врача: начальник полиции почему-то полагал, что можно узнать возраст человека по его зубам. Впрочем, вероятно, зубы сэра Маркуса были вовсе и не его зубы - в этом-то возрасте. Так что и здесь обнаруживался недостаток информации.

- Ну, мы оставим наших мужчин наедине, но не для того чтобы они тут без нас пили, не правда ли? - сказала миссис Колкин веселым тоном, устремив на мужа предостерегающий взгляд. - Просто я думаю, им есть о чем поговорить друг с другом.

Когда дверь за ними закрылась, сэр Маркус сказал:

- Я уже видел где-то эту женщину. С собакой. Совершенно уверен в этом.

- Вы не будете возражать, если я налью себе портвейна? Не люблю пить один, но если вы не пьете... А сигару хотите?

- Нет, - прошептал сэр Маркус, - я не курю. - И продолжал:

- Я хотел встретиться с вами - конфиденциально - по поводу этого парня... Ворона. Дэвис очень обеспокоен. Дело в том, что он его видел. Совершенно случайно. Как раз в то время, когда было совершено ограбление. В конторе у приятеля, на Виктория-стрит. Этот парень зашел туда под каким-то предлогом. У Дэвиса создалось впечатление, что парень решил его убраться. Как свидетеля.

- Передайте ему, - гордо заявил начальник полиции, снова наполнив свой стакан, - ему незачем беспокоиться. Парень фактически у нас в руках. Мы знаем, где он находится в данный момент. Он окружен. Мы только ждем утра, когда он сам выйдет на свет...

- Зачем же ждать? Не лучше ли будет, - шелестел сэр Маркус, - взять этого отчаянного глупца сейчас же?

- Понимаете, он вооружен. В темноте всякое может случиться. Он может выстрелами проложить себе путь. И еще одно. С ним его подружка. Будет обидно, если он удерет, а девушка погибнет.

Сэр Маркус склонил дряхлую голову над сложенными на столе руками, которые в этот момент ему нечем было занять: не было ни печенья, ни стакана с горячей водой, ни таблетки. Он мягко пояснил:

- Поймите меня правильно. В каком-то смысле ответственность будет лежать на нас. Из-за Дэвиса. Если бы вдруг что-то случилось - если вдруг убили бы эту девушку... За спиной полиции был бы весь наш капитал. Если бы началось расследование - лучшие адвокаты... У меня много друзей, как вы можете себе представить...

- Лучше подождать рассвета, сэр Маркус. Поверьте мне. Я разбираюсь в таких вещах. Я ведь воевал, знаете ли.

- Да-да, я так и понял, - сказал сэр Маркус.

- Похоже, старый бульдог снова пустит в ход свою хватку, а? Слава Богу, у нас в правительстве не трусы сидят.

- Да-да, - ответил сэр Маркус. - Я бы сказал, это почти решено. - Старческие тусклые глаза обратились к графину. - Не обращайтесь на меня внимания, майор, выпейте еще портвейна.

- Ну что ж, если вы советуете, сэр Маркус. Выпью - только один стаканчик, последний, на сон грядущий.

Сэр Маркус сказал:

- Я очень рад, что вы сообщили мне эту замечательную новость. Не очень-то хорошо, когда вооруженный бандит свободно разгуливает по улицам Ноттвича. Вы не должны рисковать своими людьми, майор. Лучше, чтобы этот... отброс общества... погиб, чем хотя бы один из ваших замечательных парней. - Он вдруг откинулся в кресле, раскрыл рот и задышал, точно вытасченная на берег рыба. - Таблетку. Пожалуйста. Скорей.

Начальник полиции извлек золотой футляр из жилетного кармана сэра Маркуса, но тот уже преодолел недомогание и принял таблетку самостоятельно. Начальник полиции спросил:

- Вызвать ваш автомобиль, сэр Маркус?

- Нет-нет, - прошептал тот. - Это опасно. Просто болевой приступ. - Он устремил замутненный взгляд на усыпанные крошками брюки. - Так о чем это мы? Ах да, эти замечательные парни. Да, вы не должны подвергать риску их жизни. Они нужны родине.

- Это истинная правда.

Сэр Маркус прошипел злобно:

- Для меня этот... бандит... - предатель. В такое время каждый человек на счету. И я поступил бы с ним как с предателем.

- Это единственно верный подход.

- Еще стаканчик портвейна, майор?

- Да, пожалуй.

- Подумать только, сколько здоровых молодых людей этот парень отвлечет от выполнения их долга перед родиной, даже если он сам никого не застрелит. Тюремщики. Охрана. Еда и кров за счет родины, когда другие мужчины...

- Гибнут. Вы правы, сэр Маркус. - Трагичность всей этой ситуации задела глубинные струны его души. Он вспомнил про мундир в шкафу: надо бы почистить пуговицы - пуговицы с гербом родины. Начальник полиции все еще издавал слабый запах нафталина. - Где-то вдали есть уголок чужой земли, который навсегда... Шекспир понимал такие вещи. Когда этот освященный веками старец говорил, что...

- Было бы очень хорошо, майор Колкин, если бы ваши люди не рисковали. Если бы стали стрелять, как только он появится. Сорняки надо безжалостно уничтожать. Выдирать с корнем.

- Было бы хорошо.

- Вы же отец своим ребятам.

- Да, так мне и старина Пайкер однажды сказал. Да простит ему Бог, он-то имел в виду совсем другое. Жаль, что вы не пьете вместе со мной, сэр Маркус. Вы - человек, который все понимает. Вы знаете, какие чувства испытывает офицер. Я ведь служил в армии.

- Возможно, через неделю вы снова будете в армии.

- Вы меня понимаете, знаете, что человек испытывает... Мне не хочется, чтобы между нами оставались неясности. Есть кое-что, сэр Маркус, о чем я должен вам сказать. Это отягощает мою совесть. Под диваном была собака.

- Собака?

- Китайский мопс по имени Чинки. Я думал, чево...

- Она сказала, это кошка.

- Она не хотела, чтобы вы знали.

Сэр Маркус сказал:

- Не люблю, когда меня обманывают. Займусь Пайкером, когда придет время выборов. - Он утомленно вздохнул, словно ему предстояло заняться устройством множества дел, организацией мести множеству людей, и все это должно было простираться в бесконечные дали будущего, а он столько уже отмерил со времени гетто или марсельского борделя - если было гетто, если существовал бордель. Он прошептал - и шепот его звучал приказанием:

- Так вы сейчас же позвоните в Управление и прикажете стрелять, как только он появится? Скажите - под вашу ответственность. Я вас поддержу...

- Я не представляю, чево... чего...

Старческие руки сделали нетерпеливый жест: так много надо было еще устроить.

- Послушайте меня. Я никогда не обещаю ничего такого, чего не смог бы выполнить. В десяти милях отсюда - учебный военный лагерь. Я могу устроить так, что вы станете - номинально - его начальником, в чине полковника, как только будет объявлена война.

- А полковник Бэнкс?

- Переведут в другое место.

- Вы хотите сказать, если я позвоню...

- Нет. Я хочу сказать - если добьетесь успеха.

- И парня убьют?

- Какое это имеет значение? Что он такое? Подонок. Нет причин колебаться. Выпейте еще портвейна.

Начальник полиции протянул руку к графину, повторяя про себя, но не с таким восторгом, как можно было бы ожидать: "полковник Колкин" - он не мог не вспомнить кое о чем. Он был пожилым сентиментальным человеком. Вспомнил, как получил назначение на свой теперешний пост; конечно, это ему "устроили", так же как теперь обещают "устроить" командование учебным военным лагерем; но ему живо припомнилось чувство гордости, которое он испытал, став начальником одного из лучших полицейских управлений в Англии.

- Пожалуй, не стану больше пить, - сказал он. - Боюсь, не смогу заснуть, а жена...

Сэр Маркус сказал:

- Ну, полковник, - он как-то странно моргнул своими старческими глазами, - можете во всем положиться на меня.

- Мне очень хотелось бы это для вас сделать, сэр Маркус, - умоляюще произнес начальник полиции, - только я не представляю чего... Полиция не имеет права.

- Но об этом никто не узнает.

- Моего приказа просто не послушают. Такого приказа. Никогда.

- Вы что же, хотите сказать, - прошептал сэр Маркус, - что, занимая такой пост, не имеете власти?

Он проговорил это с изумлением, как человек, всегда добивавшийся, чтобы его власть распространялась на всех подчиненных, вплоть до самых незначительных.

- Мне очень хотелось бы сделать вам приятное.

- Вот телефон, - сказал сэр Маркус. - Хотя бы попробуйте использовать свое влияние. Я никогда не требую от человека больше того, что он может сделать.

Начальник полиции сказал:

- В полиции города - замечательные ребята. Я много вечеров провел с ними в Управлении. Пропускали стаканчик-другой. Очень хваткие. Лучше не бывает. Не бойтесь, они его обязательно возьмут, сэр Маркус.

- Мертвым?

- Живым или мертвым. Не дадут ему сбежать. Они замечательные ребята.

- Но он должен быть взят мертвым, - сказал сэр Маркус и чихнул. Казалось, вдох, который сэр Маркус был вынужден для этого сделать, лишил его последних сил. Он опять откинулся на спинку кресла, тяжело дыша.

- Я не могу приказывать им такое, сэр Маркус, только не это. Это же все равно что убийство.

- Ерунда.

- Эти вечера с ребятами... Они для меня очень много значат. Я не смогу больше пойти туда, если отдам такой приказ. Лучше я останусь тем, кто есть. Опять буду возглавлять трибунал. Пока есть войны, будут и пацифисты.

- Никакого трибунала возглавлять вы не будете. Это я вам устрою, - сказал сэр Маркус. Запах нафталина снова - теперь уже насмешкой - зашекотал ноздри Колкина. - Я могу устроить так, что вы и начальником полиции больше не будете. Займусь. Вами и Пайкером. - Он издал странный тоненький свист - носом. Он был слишком стар, чтобы смеяться, не хотел зря перегружать легкие. - Ну, давайте пейте свой портвейн.

- Нет, пожалуй, не стоит. Послушайте, сэр Маркус, я поставлю охрану у дверей "Мидлендской Стали" и у вашего кабинета. За Дэвисом будут ходить мои ребята. Глаз не будут спускать.

- Наплевать мне на Дэвиса, - сказал сэр Маркус. - Вызовите моего шофера, будьте любезны.

- Мне очень хотелось бы сделать, как вы просите, сэр Маркус. Не хотите ли вернуться к дамам?

- Нет, нет, - прошелестел сэр Маркус, - нет, там ведь собака.

Пришлось помочь ему подняться на ноги, вставить в руку трость; несколько сухих крошек застряли в бороде. Он сказал:

- Если передумаете, вечером можете мне позвонить. Я не лягу спать.

Разумеется, думал Колкин снисходительно, человек в его возрасте относится к смерти иначе, чем мы: смерть угрожает ему всегда и повсюду, на скользком тротуаре, в ванне - если поскользнуться на упавшем на дно обмылке. Ему, наверное, кажется: то, о чем он просит, совершенно нормально; глубокая старость - состояние ненормальное, надо здесь делать скидку на возраст. Но, провожая взглядом сэра Маркуса, которого под руки вели по дорожке и осторожно усаживали в автомобиль, на мягкие подушки, он не мог не повторять в уме: "полковник Колкин", "полковник Колкин". Через минуту прибавил: "кавалер ордена Бани".

Чинки лаял в гостиной. Им, видимо, удалось выманить его из-под дивана. Он был очень чистопородный и нервный, и, если кто-то незнакомый заговаривал с ним слишком неожиданно или слишком резко, он начинал носиться кругами, с пеной у рта, издавая истерические вопли, странно похожие на человеческие, а длинная шерсть щеткой мела ковер. Можно было бы ускользнуть потихоньку, посидеть с ребятами в Управлении. Но эта мысль не рассеяла мрачных сомнений. Неужели сэр Маркус способен лишить его даже этого удовольствия? Но ведь он уже лишил его этого. Колкин не мог встретиться ни со старшим инспектором, ни с другими, когда такое отягощало его совесть. Он прошел в кабинет и сел к телефону. Минут через пять сэр Маркус будет дома. Если его уже лишили всего этого, что он теряет? Можно и уступить. Но он так и сидел у телефона, ничего не предпринимая, низенький, толстенький, хвастливый, не очень чистый на руку торговец. Его жена заглянула в дверь кабинета.

- Чем ты тут занимаешься, Джозеф? - спросила она. - Иди сейчас же и поговори с миссис Пайкер.

Сэр Маркус жил один с камердинером (который по совместительству был и прекрасно вышколенной медицинской сестрой) на самом верху огромного здания в Дубильнях. Это был его единственный дом. В Лондоне он жил в отеле "Клариджес", в Каннах - в отеле "Риц". Камердинер встретил его у входа в здание с креслом на колесах и покатил сэра Маркуса сначала в лифт, затем вдоль коридора и, наконец, в кабинет. Обогреватель в кабинете был установлен на

определенную температуру, телеграфный аппарат тихонько постукивал рядом с рабочим столом. Занавеси не были задернуты, и сквозь широкие двойные рамы видно было ночное небо, простершееся над городом, исполосованное лучами прожекторов с аэродрома Хэнлоу.

- Вы можете идти спать, Моллисон, я не лягу.

Он спал теперь очень мало. Несколько часов сна оставляли слишком явный пробел в теперь уже кратковременном пребывании сэра Маркуса в этой жизни. Впрочем, он и не нуждался в сне. Отсутствие физических усилий освобождало его от необходимости спать. Расположившись за столом, рядом с телефоном, он сначала прочел памятную записку, лежавшую перед ним, затем принялся просматривать телеграфную ленту. Прочел о приготовлениях к учебной газовой атаке, намеченной на следующее утро. Все клерки на первом этаже, которым могло понадобиться выйти из здания по служебным делам, уже снабжены противогазами. Сирены должны были прозвучать сразу, как только прекратится поток людей, идущих на работу, и начнется рабочий день в учреждениях и конторах. Работники транспортных контор, водители грузовиков, курьеры будут обязаны надеть противогазы, как только приступят к работе. Это была единственная мера, обеспечивавшая неукоснительное ношение противогазов. Иначе кто-нибудь где-нибудь мог забыть маску, попасть во время учений в больницу и бесполезно потратить часы, принадлежащие "Мидлендской Стали".

Сэр Маркус читал биржевые сводки: показатели подскочили, перекрыв показатели ноября 1918 г. Акции оружейных компаний продолжали расти в цене, а с ними и сталь. Совершенно не имело значения то, что правительство Великобритании прекратило все экспортные поставки; теперь сама страна поглощала больше оружия, чем когда бы то ни было после пика в 1918 году, когда Хэйг штурмовал "линию Гинденбурга". У сэра Маркуса было множество друзей во множестве стран; он регулярно проводил вместе с ними зимние месяцы в Каннах или на яхте близ Родоса, как гость Соппелсы; он был близким другом миссис Крэнбейм. Теперь невозможно экспортировать оружие, но экспорт никеля и других металлов, столь необходимых для вооружения воюющих государств, пока не ограничен. Даже когда война была объявлена, миссис Крэнбейм вполне определенно заявила - в тот вечер, когда яхту немного качало и Розена так неудачно вырвало на черное атласное платье миссис Зиффо, - что правительство Великобритании не станет ограничивать экспорт никеля в Швейцарию и другие нейтральные страны, если британские интересы будут полностью соблюдены. Так что будущее представляло в весьма розовом свете, потому что на слово миссис Крэнбейм вполне можно было положиться. Она черпала сведения из надежного источника, если можно сравнить с источником очень старого и очень высокопоставленного государственного деятеля, чьим доверием широко пользовалась миссис Крэнбейм.

Казалось, теперь уже совершенно ясно, во всяком случае об этом говорила телеграфная лента в руках сэра Маркуса, что правительства двух стран, главным образом задетых конфликтом, не пожелают ни принять условия ультиматума, ни предложить компромиссное решение. Возможно, дней через пять по меньшей мере четыре страны вступят в войну, и спрос на оружие возрастет до миллиона фунтов в день.

И все же сэр Маркус не был вполне счастлив. Дэвис смешал все карты; когда сэр Маркус сказал ему, что нельзя допустить, чтобы убийца извлек выгоду из страшного преступления, совершенного им, он никак не предполагал, что Дэвис пойдет на этот идиотский трюк с крадеными банкнотами. Теперь ему придется всю ночь сидеть и ждать телефонного звонка. Сэр Маркус постарался устроить свое дряхлое, тощее тело как можно удобнее на надутых воздухом подушках: он постоянно с болезненным страхом чувствовал, как изнашивается каждая его косточка; так мог бы чувствовать себя высохший скелет, чьи кости истираются о свинцовое покрытие гроба. Часы пробили полночь: сэр Маркус прожил еще один полновесный день.

ГЛАВА V

1

Ворон ощупью пробирался по небольшому сараю, пока не нащупал мешки. Он сложил их один на другой, встряхивая и взбивая, словно подушки. Прошептал с тревогой:

- Сможете немножко отдохнуть?

Энн добралась до угла сарая, держась за его руку. Сказала:

- Ужасный холод.

- Вы ложитесь, а я принесу побольше мешков. - Он зажег спичку, и крохотный огонек неуверенно двинулся прочь сквозь плотную холодную тьму. Ворон принес мешки и укрыл ее, бросив спичку.

- А нельзя - хоть немного света?

- Это опасно. Во всяком случае, - сказал он, - мне-то темнота на руку. Вам меня не видно. Не видно этого. - Он коснулся губы, зная, что она не увидит. Отошел к двери и прислушался; услышал неуверенные шаги - хрустел под ногами шлак; через некоторое время - чей-то голос. Сказал ей:

- Мне надо подумать. Они знают, что я здесь. Может, вам лучше уйти. На вас им нечего повесить. Если они придут, начнется стрельба.

- Как вы думаете, они знают, что я здесь?

- Они, видно, шли за нами всю дорогу.

- Тогда я остаюсь, - сказала Энн. - Пока я тут, никакой стрельбы не будет. Они станут ждать до рассвета: вы же должны будете выйти отсюда.

- Можно подумать, мы с вами - друзья, - сказал Ворон с горечью и недоверием; подозрительность ко всему маломальски дружескому вернулась и не желала уходить.

- Я же сказала. Я - на вашей стороне.

- Надо подумать. Придумать какой-то выход, - сказал он.

- Ну сейчас-то вы можете позволить себе отдохнуть, у вас целая ночь впереди, хватит времени подумать.

- Тут и правда вроде неплохо, в этом сарае, - сказал Ворон. - Вроде далеко от них от всех. От всего ихнего паршивого мира. И темно.

Он не подходил к ней. Сидел в противоположном углу, с пистолетом на коленях. Спросил подозрительно:

- О чем вы там думаете? - И удивился, даже вздрогнул - она засмеялась:

- Тут даже уютно. Ничего себе приют!

- Приют. Век бы их не видеть, эти приюты, - сказал Ворон. - Я в приюте вырос.

- Расскажите, а? Как ваше имя?

- Вы ведь знаете. Видели в газетах.

- Да нет, ваше настоящее имя. Вы же христианин.

- Христианин! Вы шутите. Вы что думаете, сегодня кто-нибудь готов подставить другую щеку? - Он постучал стволом пистолета по усыпанному шлаком полу. - Ничего подобного. - Он слышал, как она дышит там, в углу, невидимая, недостижимая, и снова ощутил необъяснимое чувство утраты. Сказал ей:

- Я не про вас. Вы-то молодчина. Я бы сказал, вы-то и есть христианка.

- Вот уж не уверена, - ответила Энн.

- Я ведь отвел вас в тот дом, чтоб там убить.

- Убить?

- А вы что думали? Что я вас на любовное свидание веду? Я похож на любовника, да? Герой девичьих грез, верно? Прекрасен, как ясный день!

- Почему же не убили?

- Эти люди не вовремя явились. Вот почему. А вы думали, я втюрился, да? Не на такого напали. Слава богу, обхожусь без этого. Чтоб я размяк из-за бабы... Никогда. - И спросил с отчаянием:

- А вы-то почему в полицию не пошли? Почему про меня не сказали? И сейчас - почему их не позовете?

- Ну, - ответила Энн, - у вас же пистолет, верно?

- Я не стал бы стрелять.

- Почему?

- Я еще не совсем свихнулся, - ответил он, - если люди со мной по-честному, я с ними тоже по-честному. Давайте. Зовите. Я ничего вам не сделаю.

- Ну, - сказала Энн, - что же мне теперь, просить у вас разрешения быть благодарной? Вы же меня спасли. Только что.

- Да что вы! Эти подонки не решились бы вас прикончить. Духу не хватило бы. Убить. Тут надо по-настоящему смелым человеком быть.

- Ну, ваш приятель Чамли был очень близок к этому. Он чуть меня не задушил, когда понял, что я заодно с вами.

- Заодно со мной?

- Ну да. Что помогаю вам найти того человека.

- Двуличный ублюдок. - Ворон задумался, уставившись на пистолет, но мысли его постоянно возвращались в тот темный, надежный угол, не оставляя места ненависти; это было непривычно. Он сказал:

- Голова у вас работает. Вы мне нравитесь.

- Благодарю за комплимент.

- Никакой это не комплимент. Мне лишних слов не надо. Я хотел бы вам кое-что доверить, да, видно, нельзя.

- Что за страшная тайна?

- Это не тайна. Это кошка. Я ее оставил там, где комнату снимал, в Лондоне. Когда они за мной погнались. Вы бы за ней присмотрели.

- Вы меня разочаровываете, мистер Ворон. Я-то думала, вы сейчас расскажете о паре-тройке убийств. - И вдруг воскликнула, становясь серьезной:

- Вспомнила! Вспомнила, где работает Дэвис!

- Дэвис?

- Тот, кого вы называете Чамли. Теперь я уверена. "Мидлендская Сталь". На улице рядом с "Метрополем". Огромный дом, прямо дворец.

- Надо выбираться отсюда, - сказал Ворон, ударив стволом пистолета по заледеневшему полу.

- А вам нельзя пойти в полицию?

- Мне? - засмеялся Ворон. - Мне пойти в полицию? Ну замечательно придумали. Прийти и протянуть руки, чтоб им удобно было наручники надеть?

- Я что-нибудь придумаю, - сказала Энн.

Когда она умолкла, ему показалось, что ее нет. Он спросил резко:

- Вы тут?

- Разумеется, - ответила она, - что это вы?

- Странное какое-то чувство. Будто я тут один. - К нему снова вернулось злое недоверие, захватило целиком. Он зажег пару спичек, поднес к лицу, поближе к изуродованному рту. - Смотрите, - сказал он. - Смотрите хорошенько. - Крошечные язычки пламени торопливо спускались к пальцам. - Вы же не станете помогать мне, верно? Мне?

- Да все у вас нормально. Вы мне нравитесь.

Огненные язычки лизали пальцы, но Ворон крепко сжимал догоравшие спички: боль обожгла, словно радость. Но он отверг эту радость, она пришла слишком поздно; он сидел в своем углу, во тьме, слезы гирями давили на глазные яблоки, не в силах пролиться: Ворон не мог плакать. Требовалось особое умение, чтобы в нужный момент открылись нужные протоки и полились слезы. Этим умением он так и не овладел. Он выполз из своего угла, самую малость, по направлению к ней, ощупывая пол дулом пистолета. Спросил:

- Замерзли?

- Я знала местечки и потеплее.

Осталось всего несколько мешков для него самого. Он подтолкнул их к Энн. Сказал:

- Завернитесь.

- А у вас? Вам хватит?

- Конечно. Уж я-то умею сам о себе позаботиться. - Ответ прозвучал резко, словно им все еще владела ненависть. Руки у Ворона так замерзли, что, случись необходимость, ему трудно было бы воспользоваться оружием.

- Я должен выбраться отсюда, - повторил он.

- Мы придумаем что-нибудь. Лучше поспите.

- Не могу спать, - сказал он. - В последнее время мне стали сниться страшные сны.

- Давайте рассказывать что-нибудь. Сказки. Истории. Как в детстве. Как раз время.

- Не знаю никаких историй.

- Ну тогда я вам расскажу. Какую хотите? Смешную?

- Они мне никогда не казались смешными.

- Про трех медведей подойдет?

- Не хочу никаких историй про финансовые дела. Слышать о деньгах не могу.

Она едва различала его в темноте теперь, когда он подполз поближе: темная скорчившаяся фигура, человек, не понимавший ни слова из того, что она говорила. Она легонько подшучивала над ним, чувствуя: это безопасно, он ведь все равно не заметит, не поймет насмешки. Сказала:

- Я расскажу вам про кота и лису. Ну, как-то кот встретил в лесу лису, а ему было известно, что лиса повсюду считалась ужасно хитрой. Вот кот очень вежливо с ней поздоровался и спрашивает, мол, как дела. А лиса была зазнайка. Она задрала нос и говорит: "Как ты смеешь спрашивать меня, как дела? Что ты знаешь о жизни, ты, вечно голодный мышелов?" - "Ну, одну-то вещь я знаю", - отвечает ей кот. "Что такое?" - спрашивает лиса. "Как от собак спастись, - говорит кот. - Если за мной гонятся собаки, я просто взбираюсь на дерево". Ну, тут лиса еще больше нос задрала и презрительно так говорит: "Ты только один способ знаешь, а у меня их сотня - целый мешок. Пошли со мной, покажу". А тут как раз подкрался охотник с четырьмя собаками. Кот прыгнул на дерево и кричит: "Госпожа лисица, открывайте свой мешок!" Но собаки уже лису схватили и держат зубами за хвост. Тогда кот засмеялся и говорит: "Ну, госпожа Всезнайка, если бы вы знали хотя бы только мой способ, вы бы уже сидели на дереве вместе со мной".

Энн замолчала. Потом шепнула темной тени, скорчившейся рядом с ней:

- Вы спите?

- Нет, - ответил Ворон, - не сплю.

- Ваша очередь рассказывать.

- Я сказок не знаю, - сказал Ворон сердито и огорченно.

- Не знаете сказок? Вас не правильно воспитывали.

- Бросьте. Я человек образованный. Только у меня на совести много всего. Есть о чем задуматься.

- Не падайте духом. Есть такие, у кого на совести побольше, чем у вас.

- Кто такие?

- Ну, например, тот человек, который заварил всю эту кашу. Который убил старого министра, вы знаете, о ком я. Приятель Дэвиса.

- Вы что? - сказал он с яростью, - какой еще приятель Дэвиса? - Он попытался не дать волю гневу. - Подумаешь, убийство. Я не про него сейчас думаю. Я про предательство.

- Ну, разумеется, - живо сказала Энн из-под кучи мешков, стараясь поддержать беседу. - Я и сама не против убийства, подумаешь, пустяки какие.

Он поднял голову, попытался разглядеть ее во тьме, попытался удержать ускользающую надежду.

- Вы - не против?

- Ну, ведь есть убийство и убийство, - пояснила Энн. - Если бы мне попался тот человек, который убил старика... как его звали?

- Не помню.

- Я тоже. Да мы и произнести это имя не могли бы.

- Давайте дальше. Если бы он был тут...

- Ну, я бы дала вам пристрелить его и глазом не моргнув. И сказала бы: "Молодец, хорошо сработано". - Тема ее увлекла. - Помните, я вам говорила, что нельзя изобрести противогазы для грудных детей? Вот что должно было бы отягощать его совесть. Матери в противогазах, вынужденные смотреть, как их дети выкашливают свои легкие.

Он сказал, не сдаваясь:

- Если они бедные, так только лучше. А до богатых мне и дела нет. На их месте я не стал бы рожать детей в этот мир.

Энн едва могла различить его сгорбленную, застывшую в напряжении фигуру.

- Это все - чистейший эгоизм. Они наслаждаются, а потом им и дела нет, что кто-то родился на свет уродом. Три минуты наслаждений - в кровати или на улице, у стенки какой-нибудь, а тому, кто потом родится, мучиться всю жизнь. Материнская любовь, - он засмеялся, увидев вдруг с невероятной четкостью кухонный стол, разделочный нож на крытом линолеумом полу, платье матери, все залитое кровью. Пояснил:

- Понимаете, я человек образованный. Получил образование в одном из Домов Его Величества. Их так и называют, эти приюты - Домами. А как по-вашему, что такое - дом? - Но Ворон не дал ей времени ответить. - Вы не правы. Вы думаете, дом - это муж, который ходит на работу, чистая кухня с газовой плитой, двуспальная кровать и шлепанцы на коврике, детские кроватки и всякое такое. Ничего подобного - это не дом. Дом - это изолятор для парнишки, которого поймали за разговорами во время церковной службы, розги - практически за все, что бы ты ни сделал. Хлеб и вода. Полицейские оплеухи без счета, если позволяешь себе побаловаться хоть чуть-чуть. Вот что такое - дом.

- Ну, тот старик, он же пытался изменить все это, верно? Он был такой же бедный, как мы с вами.

- Это вы о ком?

- Ну, о том старике, как его звали? Вы что, не читали про него в газетах? Как он сократил военные расходы, чтобы на эти деньги покончить с трущобами? Были же фотографии: он открывает новые жилые дома, разговаривает с ребятами. Он же не был из богатых. Он не пошел бы на то, чтобы развязать войну. За это его и убили. Уверена, есть люди, которые теперь карманы набивают, и все потому, что его убили. И он сам прошел через все, так написано в некрологе. Его отец был вором, а мать кончила жизнь...

- Самоубийством? - прошептал Ворон. - А как - написали?

- Утопилась.

- Чего только не напишут, - сказал Ворон. - Хочешь не хочешь, задумайся.

- Ну, должна сказать, тому человеку, который убил старика, и правда есть о чем задуматься.

- А может, - возразил Ворон, - он и не знал про то, чего в газетах теперь пишут. Люди, которые парню заплатили, вот они - знали. Может, если бы мы знали все про этого парня, как он живет, да как его жизнь была, мы бы его лучше поняли, его точку зрения.

- Ну, меня долго пришлось бы уговаривать понять его точку зрения. А теперь давайте подрежем немного.

- Мне надо подумать, - сказал Ворон.

- Думать лучше на свежую голову.

Но он слишком замерз, чтобы спать; мешков - укрыться - он себе не оставил, а черное узкое пальто было так вытерто, что грело не больше, чем хлопчатобумажный халат. Из-под двери сквозило: казалось, морозный ветер примчался по заледеневшим рельсам прямо из Шотландии, ветер с северо-востока, пропитанный ледяным туманом холодного моря. Ворон думал: я же не имел ничего против этого старика, ничего личного... "Я дала бы вам пристрелить его, а потом сказала бы: "Молодец". На какой-то момент безумный порыв - встать, выйти из сарая с пистолетом в руке, и пусть стреляют - овладел им. "Господин Всезнайка, - сказала бы она тогда, - если бы вы знали только один мой способ, собаки не смогли бы..." Но потом он решил, что все услышанное им о старике было еще одним очком против Чал-мон-дели. Чал-мон-дели все это знал. И получит за это лишнюю пулю в жирное пузо. А еще одну - его хозяин. Но как отыскать этого хозяина? Он запомнил только фотографию на стене, фотографию, которую старый министр каким-то образом связывал с тем рекомендательным письмом, что привез ему Ворон. Лицо молодого человека со шрамом теперь, вероятно, лицо старика. Энн спросила:

- Вы спите?

- Нет, - ответил Ворон, - а в чем дело?

- Мне послышалось, кто-то ходит.

Он прислушался. Это оторванная доска поскрипывала за стеной под порывами ветра.

Ворон сказал:

- Вы поспите. Ничего не бойтесь. Они не придут, пока не рассветет, им надо, чтоб видно было.

Ворон думал: где же эти двое могли познакомиться, когда были молодыми парнями? Конечно, не в таком вот приюте, который он сам так хорошо знал: холодная лестница из каменных плит; дребезжащий звук треснувшего колокола, требовательный, командный; узкие камеры для провинившихся. Совершенно неожиданно он вдруг заснул, и старый министр вышел к нему навстречу, говоря: "Стреляй в меня. Стреляй прямо в глаза". А Ворон, совсем еще мальчишка, с рогаткой в руке, плакал и не хотел стрелять, а старый министр уговаривал: "Ну, стреляй же, мой хороший. А потом вместе пойдем домой. Стреляй".

Ворон проснулся так же неожиданно. Во сне рука его крепко сжимала пистолет. Он был нацелен в тот угол, где спала Энн. Он с ужасом уставился в темный угол, откуда раздавался шепот, вроде того, что слышался ему сквозь закрытую дверь, когда секретарша пыталась позвать на помощь. Он спросил:

- Вы спите? Что вы сказали?

Энн ответила:

- Не сплю. - И объяснила, будто оправдываясь:

- Я просто молилась.

- Вы что, в Бога верите? - спросил Ворон.

- Не знаю, - ответила Энн. - Иногда. Может быть. Привычка такая - молиться. Особого вреда в том не вижу. Все равно как пальцы скрестить, когда под лестницей проходишь. Всем нам нужно немножко счастья. Везенья.

Ворон сказал:

- В Доме, в приюте этом, мы очень много молились. Утром, и вечером, и перед едой.

- Это ничего не доказывает.

- Конечно, это ничего не доказывает. Только выходить из себя начинаешь, когда все тебе напоминают про то, с чем давно покончено. Иногда захочешь начать жизнь по новой, а тут кто-то начнет молиться, или запах какой-нибудь, или в газете чего-нибудь прочтешь, и все снова возвращается, дома и люди.

Он подполз еще чуть-чуть поближе: в холодном сарае так важно было все время ощущать, что ты не один; чувство одиночества непомерно усиливалось от уверенности, что там, снаружи, ждут тебя полицейские, ждут света, чтобы взять тебя без риска, что ты удерешь или начнешь стрелять первым. Он совсем уже решил отослать ее прочь, как только рассветет, а самому остаться в сарае и посоревноваться с ними в стрельбе. Но это означало бы, что придется оставить Чалмондели и его босса в покое, а им обоим только это и подавай. Он сказал:

- Я как-то читал... я - человек образованный - что-то про психо... психо...

- Не мучайтесь, я знаю, про что вы, - сказала Энн.

- Кажется, сны означают какие-то вещи. Ну, я не про карты с разными там фигурами или спитой чай...

- Я знала одну женщину, - сказала Энн, - она так здорово гадала, прямо мороз по коже. У нее были такие карты со странными картинками: виселица с повешенным...

- Нет, - сказал Ворон, - там было не про это. Там... Ну, я не знаю, как объяснить. Я не все смог понять. Но кажется, вот если рассказать, что тебе снилось... Ну, вроде как несешь на себе груз какой-то, рождаешься с этим, потому что твой отец и мать были такими, а не другими, и их отцы тоже... кажется, вроде это все к тебе возвращается из тех времен... как в Библии про то, как Бог наказывает за грехи отцов... Потом подрастаешь, груз становится тяжелее из-за всего, что надо сделать, а ты не можешь, да еще из-за того, что делаешь. И так, и так - все одно плохо. - Он оперся подбородком о ладони. Мрачное лицо - лицо убийцы - было печально. - Это вроде исповеди у священника. Только после исповеди идешь и принимаешься за старое. Ну, я хочу сказать, с этими докторами все по-другому. Рассказываешь им все, про все сны, и потом уж не хочешь приниматься за старое. Только надо рассказывать все.

- Даже про летающих свиней?

- Все-все. И когда расскажешь - все проходит.

- А мне думается, это шарлатанство.

- Наверно, я как-нибудь не правильно рассказал. Но я про это читал. Думал, может, стоит когда-нибудь попробовать.

- Жизнь. В ней так много странного. Я и вы - вместе, в этом сарае. Вы думаете о том, что хотели меня убить. Я думаю о том, что мы двое можем остановить войну. Это ваше психо несколько не более странно выглядит.

- Понимаете, тут главное, что избегаешься от всего этого, - объяснял Ворон, - вовсе не то, что делает доктор. Так мне показалось. Ну, вроде как вот я вам рассказал про Дом, про хлеб и воду, про молитвы, и это все теперь вроде как стало не так важно. - Ворон нехорошо выругался, еле слышно. - Я всегда говорил, что не размякну из-за бабы. Всегда думал, губа эта не даст размякнуть. Нельзя мне размякать, опасно. Соображать медленнее начинаешь. Я видел, как это бывает с другими. Всегда одно и то же: или в тюрьму попадают, или получают нож в пузо. А сейчас я размяк, размяк, как все, несколько не лучше.

- Вы мне нравитесь, - сказала Энн. - Как друг.

- А я вас и не прошу ни о чем, - ответил Ворон, - я - урод и знаю это. Только одно: не будьте как все. Не бегите в полицию. Почти все бабы сразу бегут в полицию. Я насмотрелся. Но вы, может, и не баба вовсе. Вы - просто девушка.

- Но я чья-то девушка.

- А мне-то что? - Это вырвалось как восклицание; в словах, прозвучавших в холодной тьме, была какая-то горькая гордость. - Я же не требую ничего. Только одно, чтоб предательства не было.

- Я не пойду в полицию, - сказала Энн. - Обещаю вам. Вы мне нравитесь, вы ничем не хуже других мужчин... Кроме моего друга.

- Я подумал, может, мне стоит рассказать вам один-два сна, ну, вроде как бы доктору. Понимаете, я докторов знаю. Им доверять нельзя. Я тут к одному обратился, еще до того как сюда поехал. Хотел, чтоб он губу мне исправил. А он хотел усыпить меня. Газом. И полицию вызвать. Видите, им доверять нельзя. Но вам я доверяю.

- Вы и в самом деле можете мне доверять, - сказала Энн. - Я не пойду в полицию. Но вам лучше немного поспать сначала, а потом вы мне расскажете про свои сны, если вам так хочется. Ночь долгая, времени хватит.

Зубы у него вдруг застучали, он ничего с этим не мог поделать, и Энн услышала. Она высвободила из-под мешков руку и коснулась пальцами его пальто.

- Вы же совсем замерзли, - сказала она. - Вы отдали мне все мешки.

- Зачем они мне? Я же в пальто.

- Мы же друзья, правда? - сказала Энн. - Мы ведь заодно. Возьмите у меня хотя бы два мешка.

Он ответил:

- Тут еще должны быть. Я поищу. - Он зажег спичку и стал ощупью пробираться вдоль стен сарая. - Вот как раз два, - сказал он, усаживаясь подалеже от нее, чтобы она не могла до него дотянуться: никаких мешков он не нашел. - Не могу заснуть, - пожаловался он, - засыпаю как-то не по-настоящему. Только что видел сон. Про того старика.

- Какого старика?

- Ну того, которого убили. Приснилось, вроде я мальчишка совсем, с рогаткой, а он говорит: "Стреляй в меня, стреляй прямо в глаза", а я заплакал, а он опять говорит: "Стреляй прямо в глаза, мой хороший".

- Не пойму, что бы это могло значить, - сказала Энн.

- Просто мне хотелось вам рассказать.

- А как он выглядел?

- Да так, как и выглядел. - И поспешно добавил:

- Я же видел его фотографии в газетах.

Он мрачно задумался, вспоминая все, что случилось в той квартире, испытывая страшное, непреодолимое желание признаться во всем. У него никогда в жизни не было человека, которому он мог бы довериться. Теперь - был. Он спросил:

- Вы не против - про такие вещи слушать? - И со странным глубоко запрятанным чувством радости выслушал ее ответ:

- Мы же друзья.

Он сказал:

- Сегодня - самая счастливая ночь в моей жизни.

Однако оставалось что-то, чего он не смог ей сказать. Счастье его было несовершенным, пока она не узнала о нем всего, пока он не доверился ей полностью. Ворон не хотел напугать или причинить ей боль; он медленно подводил ее к самому важному, главному открытию. Он сказал:

- И еще другие сны, тоже про то, как я совсем мальчишка. Вроде я открываю дверь, дверь в кухню, а там - моя мать. Она горло себе перерезала - вид был страшный... Голова почти совсем отрезана... она, видно, пилила... хлебной пилой...

Энн сказала:

- Это - не сон.

- Нет, - ответил он. - Вы правы. Это не сон. - И замолчал. Ждал. Ее сочувствие - Ворон явственно ощущал его - пробиравшись к нему сквозь молчание и тьму ночи. Он сказал:

- Мерзость, правда? Можно подумать, ничего мерзее и на свете нет. Она даже не подумала дверь от меня запереть, чтоб я не увидел. А после этого - уют, Дом. Про это вы уж знаете. Тоже мерзость, но с той - не сравнить. И потом, они же дали мне образование, так что я могу понимать, про что в газетах пишут. Ну, вроде этих дел, с психо или как его там. И почерк у меня хороший, и говорю я правильно. Ну, сначала меня здорово били, часто; в изолятор сажали, на хлеб и воду, всякие другие домашние штучки. Но когда они дали мне образование, это больше не повторялось. Я для них оказался слишком умным - так меня воспитали. Никто никогда уже ничего повесить на меня не мог. Подозревали, само собой, только доказать ничего не могли. Один раз наш священник хотел меня к суду притянуть. Они все правы были, когда - на выпуске - сказали, там все было, как в настоящей жизни. Мол, такова жизнь. Нам - Джиму, мне и еще целой кучке неопытных мальчишек. - И добавил горько:

- Первый раз им удалось меня в чем-то подловить, а я и в самом деле не виноват.

- Вы выпутаетесь, - сказала Энн. - Мы вместе что-нибудь придумаем.

- Хорошо вы это сказали - "вместе", только на этот раз мне уйти не удастся. Да я и сопротивляться не стал бы, только мне сперва до этого Чал-мон-дели надо добраться и до его босса. - И спросил с какой-то нервной гордостью:

- А вы бы удивились, если б я сказал, что человека убил? - Это было все равно что преодолеть первый барьер; если бы это удалось, он мог обрести уверенность...

- Кого?

- Вы слышали когда-нибудь про Боевого Змея?

- Нет.

Он рассмеялся с удовольствием, но чуть-чуть испуганно.

- Я доверяю вам свою жизнь. Если бы сутки назад мне сказали, что я доверю свою жизнь ба... Но, конечно, у вас ведь не будет никаких доказательств... Я тогда занимался бегам. А у Змея была своя шайка - конкуренты нам. Просто ничего другого сделать было нельзя. Он попытался прикончить моего босса, прямо на скачках. Ну, половина наших взяла машину - и в город. А он думал, мы тоже поезде. Ну, понимаете, когда его поезд прибыл, мы-то уже ждали на платформе. Как только он вышел из вагона, мы его окружили. Я полоснул его по горлу, а остальные не дали ему упасть, так мы и вышли, кучкой, прошли мимо контролера. Потом бросили его у газетного киоска и дали дёру. - Он объяснил:

- Понимаете, дело было так: либо мы, либо они. Они же на скачки с бритвами наголо явились. Как на войне.

Помолчав немного, Энн произнесла:

- Да. Это понятно. У него тоже был шанс, только он не сумел им воспользоваться.

- Это звучит мерзко, - сказал Ворон. - Странно, конечно, только на самом деле это не было мерзко. Это было - естественно.

- И вы все еще этим занимаетесь?

- Нет. Это не очень интересно. Нельзя было никому доверять. Одни размякали, другие делались какими-то безрассудными. Не хотели мозгами шевелить. - И продолжал:

- Насчет Змея. Я вот что хочу сказать. Я не жалею. В Бога я не верю. Только вот вы сказали, что вы мне друг, я же не хочу, чтобы вы обо мне не правильно думали. Это из-за той истории со Змеем я столкнулся с Чалмондели. Я теперь понял, он на скачки ходил, только чтоб с разными людьми встречаться. Я тогда еще подумал, что он прохиндей.

- Мы довольно далеко ушли от ваших снов.

- Я как раз собирался к ним вернуться, - сказал Ворон. - Я, наверно, разнервничался из-за Змея. Что так вот, взял и убил. - Голос его еле заметно дрогнул от страха и надежды; надежды - потому что она так спокойно восприняла одно убийство и - может быть, в конце концов откажется от тех своих слов ("Молодец!.." "Я бы и глазом не моргнула..."); страха, потому что на самом деле он никак не мог поверить, что можно вот так абсолютно довериться кому-то и не быть обманутым. А как замечательно было бы, подумал он, все рассказать и знать, что вот кто-то, кроме тебя, все это знает - и ему не противно; это было бы - как долгий-долгий сон после мучительной бессонницы. Он заговорил снова:

- Эти минуты, когда я тут заснул, это первый раз за двое - или трое? - не помню сколько суток. Кажется, мне все-таки твердости не хватает.

- Ну, мне кажется, твердости у вас вполне достаточно, - сказала Энн. - Давайте не будем больше про Змея.

- Никто больше никогда про Змея не услышит. Но уж если говорить вам про что-то... - Он все оттягивал момент откровения. - Последнее время мне часто снится, как я старуху одну убиваю, а не Змея. Вроде я услышал, как она зовет из-за двери, и попытался дверь открыть, но она держалась за ручку. Я в нее выстрелил - через дверную панель, но она все равно ручку крепко держала. Пришлось убить ее, чтоб дверь открыть. Потом снилось, что она все равно живая, и я выстрелил ей прямо в глаза. Но даже это... не было так уж мерзко.

- Да уж, во сне вам твердости хватает, - сказала Энн.

- В том же сне я убиваю старика. За письменным столом. У меня глушитель был. Старик упал за стол. Мне не хотелось причинять ему боль. Хоть он для меня ничего не значил. Ну, я его изрешетил. Потом вложил ему клочок бумаги в руку. Брать мне ничего не надо было.

- Как это - брать ничего не надо было?

- Они же мне не за то платили, чтоб я брал. Чал-мон-дели и его хозяин.

- Это не сон.

- Нет. Не сон.

Ворон испугался наступившей тишины. Заговорил поспешно, чтобы прервать молчание:

- Я не знал ведь, что старик - один из нас. Я бы пальцем его не тронул, если б знал, какой он на самом деле. Вся эта болтовня про войну. Какое это имеет для меня значение? Почему я должен беспокоиться, будет война, не будет войны? Для меня всегда - война. Вы вот тут о детях всё говорите. А взрослых вам не жалко? Совсем? Дело было - либо я, либо он.

Двести пятьдесят фунтов, когда вернусь, пятьдесят - сразу. Это - уйма денег. Все равно как со Змеем. Так же просто. - И спросил:

- Теперь вы меня бросите?

В наступившей тишине Энн слышала его хриплое взволнованное дыхание. Наконец она сказала:

- Нет. Я вас не брошу.

Он прошептал:

- Это хорошо. Это очень хорошо. - Он протянул руку и, поверх мешков, коснулся ее холодных как лед пальцев. Прижал ее руку на мгновение к своей небритой щеке: не хотел прикоснуться к этим пальцам изуродованными губами. Сказал:

- Как хорошо, что можно кому-то довериться. Во всем.

2

Энн долго молчала, прежде чем заговорить снова. Ей хотелось, чтобы голос ее звучал как надо, чтобы не выдал омерзения, которое она испытывала. Потом попыталась что-то сказать - попробовать, как он звучит; на ум не пришло ничего, кроме "Я вас не брошу". В темноте ей ярко представилось все, что она читала об этом преступлении: старенькая секретарша, убитая выстрелом в переносицу, упавшая в коридоре, министр-социалист со зверски раскроенным черепом. Газеты называли это убийство самым страшным политическим убийством с того дня, когда король и королева Сербии были выброшены из окон дворца, чтобы трон перешел к князю - герою войны.

Ворон опять сказал:

- Хорошо, что можно кому-то вот так довериться.

И в этот момент его изуродованный рот, который никогда раньше не казался ей таким уж особенно гадким, представился ей так ясно, что ее чуть не вырвало. И все-таки, подумала она, я не могу бросить все это, я не должна выдать себя, пусть он отыщет Чамли и его босса, и тогда... Она резко отодвинулась от него в темноте.

Ворон сказал:

- Они там сейчас выжидают. Пригласили шпииков из Лондона.

- Из Лондона?

- В газетах про все это писали, - ответил он гордо. - Сержанта уголовной полиции Матера, из Скотленд-Ярда.

Энн едва сдержалась, чтобы не закричать от ужаса и отчаяния.

- Он здесь?

- Может, прямо здесь. Ждет.

- Почему же он не идет сюда, в сарай?

- В темноте им меня не поймать. Потом, им уже известно, что вы тут. Они стрелять не смогут.

- А вы? Вы сможете?

- Там ведь нет никого такого, кому я не хотел бы пулю всадить.

- А как вы думаете отсюда выбраться днем, когда будет светло?

- Я не стану дня дожидаться. Мне нужно только, чтоб чуть рассвело - видеть дорогу. И куда стрелять. Они-то не могут первыми стрелять; и так стрелять, чтоб убить, тоже не имеют права. Это дает мне шанс. Мне и надо-то всего несколько часов спокойных. Если я от них уйду, им меня в жизни не найти. Только вы будете знать, что я в конторе "Мидлендской Стали".

Ее охватила беспредельная ненависть. В отчаянии она спросила:

- И вы что же, станете вот так стрелять, совершенно хладнокровно?

- Вы же говорили, вы на моей стороне.

- О да, - устало ответила Энн, - да, да. - Она пыталась размышлять. Это было уже слишком: приходилось спасать не только весь мир, но и Джимми тоже. И если дело дойдет до последней черты - миру придется потесниться и уступить Джимми первое место. А что, интересно, думает Джимми обо все этом? Она прекрасно знала его безупречную честность, тяжеловесную, не допускающую юмора в вопросах морали; и головы Ворона, поднесенной Матеру на блюде будет недостаточно, чтобы заставить его понять, почему она так поступила, почему связалась с Чамли и Вороном. Даже ей самой объяснение, что она хотела предотвратить войну, казалось неубедительным и каким-то чудным.

- Давайте поспим все-таки, - сказала она. - Нам предстоит длинный-предлинный день.

- Я думаю, теперь, может, и засну, - ответил Ворон. - Вы даже не представляете, как мне полегчало.

Но теперь Энн не могла спать. Слишком многое нужно было обдумать. Ей пришло в голову, что можно ведь стащить у Ворона пистолет, пока он спит, и позвать полицию. Это, несомненно, спасло бы Джимми. А толку-то что? Никто ее рассказу не поверит; доказательств, что это Ворон убил старика, все равно нет. И все равно Ворон мог сбежать. Ей нужно было время, а времени не оставалось. До ее слуха донесся слабый гул. Это с юга, с военного аэродрома, поднимались в воздух самолеты. Они шли высоко, воздушным дозором, охраняя Ноттвич, его карьеры и шахты, ключевые предприятия "Мидлендской Стали". Крошечные искорки света, каждая - не крупнее светлячка, они в строгом порядке шли над стальными путями; над товарным двором; над сараем, где укрылись Энн и Ворон; над Сондерсом, хлопающим себя руками по груди и плечам, чтобы хоть как-то согреться в своем убежище за платформой; над Эки, которому снилось, что он читает проповедь в соборе Святого Луки; над сэром Маркусом, без сна сидевшим у телеграфного аппарата.

Ворон крепко спал - впервые почти за неделю, - держа пистолет на коленях. Ему снилось, что он разжигает огромный костер в день Гая Фокса. Он швыряет в огонь все, что попадает под руку: зазубренный нож, программки скачек - целую пачку, - ножку от стола. Костер пылает жарко, высоко взметывая огненные языки, он прекрасен. Повсюду вспыхивают фейерверки, и снова появляется министр обороны - по ту сторону костра. Он говорит: "Прекрасный костер" - и шагает внутрь, в самое пламя. Ворон бросается к костру - вытащить старика, но тот говорит: "Оставьте меня. Здесь тепло". И вдруг оседает в огне, как чучело Гая Фокса.

Где-то ударили часы. Энн сосчитала удары; она считала эти удары всю ночь; скоро наступит день, а у нее до сих пор не было никакого плана. Она кашлянула: горло першило; и вдруг с радостью обнаружила, что на дворе - туман, и не темно-серый, ползущий поверху, а холодный, мокрый желтоватый туман, надвигающийся с реки. В таком тумане, если только он как следует сгустится, человеку легко будет уйти незаметно. Она протянула руку - против воли, потому что теперь Ворон стал ей невыносимо противен, и коснулась его. Он сразу проснулся. Она сказала:

- Поднимается туман.

- Вот это удача! - сказал он. - Ну и удача! - И засмеялся тихонько. - Так и в Провидение можно поверить, правда?

В слабом свете раннего утра они едва различали друг друга. Теперь, когда он проснулся, его била дрожь. Он сказал:

- А мне огромный костер снился.

Энн теперь видела, что у Ворона не осталось мешков, чтобы укрыться, но не чувствовала жалости. Перед ней был просто дикий зверь, с которым нужно обращаться осторожно, до тех пор пока его не уничтожат. Пусть померзнет как следует, подумала она. Он проверял пистолет; она заметила, как он снял его с предохранителя. Он спросил:

- Ну, а с вами как будет? Вы со мной по-честному. Я не хочу, чтоб вы попали в беду. Я не хочу, чтобы они подумали... -

Он поколебался, затем продолжал с робким сомнением:

- Чтоб узнали, что мы в этом деле заодно.

- Я что-нибудь придумаю, - ответила Энн.

- Мне бы надо ударить вас, чтоб вы сознание потеряли. Тогда они ничего такого не подумают. Только я размяк. Я бы не смог сделать вам больно, даже если б мне приплатили.

Энн не смогла удержаться:

- Даже за двести пятьдесят фунтов?

- Он был чужой, - сказал Ворон. - Это совсем другое дело. Я же думал, он из сильных мира сего. А вы... - Он снова заколебался, молча разглядывая пистолет. - Вы же - друг.

- Не бойтесь, - сказала Энн, - я придумаю, что сказать.

Ворон произнес восхищенно:

- Вы - умная. - Он смотрел, как туман вползает в сарай из-под плохо пригнутой двери, заполняя тесное пространство промозглыми клубами. - Пожалуй, можно уже рискнуть: туман почти совсем сгустился.

Он взял пистолет в левую руку и принялся сжимать и разжимать пальцы правой. Засмеялся, чтобы придать себе храбрости:

- Им меня ни за что не взять в этом тумане.

- Будете стрелять?

- Еще бы.

- Я придумала, - сказала Энн. - Нам нельзя рисковать. Дайте мне ваше пальто и шляпу. Я их надену, тихонько выйду первой и помчусь со всех ног. В таком тумане им в жизни не разобрать, кто бежит, пока не поймают. Как только услышите свистки, сосчитайте до пяти - медленно - и бросайтесь прочь. Я побегу направо. Вы - налево.

- Ну, смелости вам не занимать, - сказал Ворон. - Нет. - Он потряс головой. - Вдруг они начнут стрелять.

- Вы же сами сказали, они первыми не начнут.

- Верно. Только вы парочку лет заработаете за это.

- О, - возразила Энн, - я им сочиню такую историю... Скажу, вы меня насильно заставили. - И добавила с горечью:

- По крайней мере выберусь из хора. Получу роль со словами.

Ворон сказал несмело:

- Если б сказать им, что вы - моя девушка, они бы вам ничего не сделали. Тут надо отдать им справедливость. Они в таких случаях дают девушке шанс.

- А нож у вас есть?

- Есть. - Ворон ощупал все карманы: ножа не было; должно быть, он забыл нож на полу самой лучшей комнаты для гостей в доме у Эки.

Энн сказала:

- Я хотела юбку подрезать, чтобы легче было бежать.

- Попробую оборвать подол, - сказал Ворон, опускаясь на колени перед ней и взявшись обеими руками за край юбки. Но ткань не хотела рваться.

Взглянув вниз, Энн была поражена хрупкостью его тонких рук; в них было не больше силы, чем у худенького мальчика. Вся его мощь заключалась в механическом приспособлении - оружии, которое сейчас лежало у его ног. Она подумала о Матере; теперь тощее уродливое коленопреклоненное создание вызывало у нее не только отвращение, но и глубочайшее презрение.

- Ничего, - сказала она, - я постараюсь бежать как можно быстрее. Давайте пальто.

Он дрожал, стягивая с себя пальто, и, казалось, отчасти утратил привычную злую самоуверенность без этого тесного, черного футляра, скрывавшего очень старый, очень пестрый, в яркую клетку костюм, продранный на локтях. Пиджак и брюки висели на тощем теле, как на вешалке. Казалось, этот человек страдал от постоянного недоедания. Сейчас он никому не показался бы опасным. Он прижал локти к бокам, скрывая дыры.

- И шляпу, - сказала Энн. Ворон подобрал шляпу с мешков и протянул ей. Он выглядел смиренным и униженным; а ведь он никогда прежде не принимал унижения без гнева.

- Ну, - сказала Энн, - не забудьте: дождетесь свистка - тогда считайте.

- Мне это не нравится, - сказал Ворон. Он безуспешно пытался выразить невыносимую боль оттого, что она уходит; чувство было такое, что всему наступает конец. Он произнес:

- Я вас еще увижу... когда-нибудь?

И когда она машинально ответила: "Ну конечно", он засмеялся, скрывая боль и отчаяние:

- Непохоже. После того как прикончу... - Он даже не знал, как зовут того человека.

ГЛАВА VI

1

Сондерс наполовину заснул, когда голос где-то совсем рядом произнес:

- Туман сгущается, сэр.

Туман был густой и плотный, ранний свет утра уже окрашивал его в пыльный желтоватый цвет, и Сондерс отругал бы полисмена за то, что тот не разбудил его раньше, если бы заикание не приучило его не тратить слова напрасно. Он только сказал:

- Передайте всем, собираемся вместе.

- Мы атакуем, сэр?

- Нет. Там ведь девушка. Мы не можем с-с-стре-лять. Подождем, пока он выйдет.

Но полицейский не успел еще отойти, как заметил: дверь открывается. Сондерс поднес к губам свисток и отвел предохранитель револьвера. Свет был тусклый, туман искажал предметы, но Сондерс узнал черное пальто, скользнувшее вправо из дверей сарая к надежному укрытию угольных платформ. Он свистнул в свисток и бросился следом. Человек в черном пальто получил полминуты форы и быстро уходил в туман. Невозможно было разглядеть что-либо впереди даже на расстоянии десяти шагов. Но Сондерсу удавалось не упускать пальто из виду, он бежал за ним, непрерывно свистя. Как он и рассчитывал, впереди тоже прозвучал свисток. Это смутило беглеца, он на мгновение замешкался, и Сондерсу удалось сократить разделявшее их расстояние. Беглеца загнали в угол, и приблизился - Сондерс четко сознавал это - самый опасный момент. Он трижды резко свистнул, посылая в туман сигналы, созывая всех полицейских в плотное кольцо, и свистки были подхвачены и звучали в желтой туманной мгле, обозначая широкий невидимый круг.

Но Сондерс сбился с шага, и беглец, рванувшись вперед, исчез. Сондерс свистнул дважды: сужайте кольцо медленно, не теряйте связи друг с другом. Впереди справа раздался один долгий свисток: беглец обнаружен, и полицейские стали стягиваться в этом направлении. Каждый поддерживал постоянную связь с товарищами справа и слева. Невозможно было прорваться сквозь кольцо, пока его звенья были плотно соединены друг с другом. Но кольцо стягивалось все плотнее, а беглец не появлялся; единичные короткие свистки, словно исследуя туман, раздавались то с одной стороны, то с другой, но теперь они звучали потерянно и грустно. Наконец Сондерс, вглядываясь в завесу тумана, различил нечеткие очертания полицейского, идущего навстречу, всего в пяти-шести шагах. Сигналом свистка он приказал всем остановиться: беглец, видимо, укрылся где-то здесь, в беспорядочном нагромождении платформ, в самом центре кольца. С револьвером в руке Сондерс шагнул вперед. Один из полицейских встал на его место, закрыв образовавшуюся в кольце брешь.

И вдруг Сондерс увидел беглеца. Тот занял стратегическую позицию там, где куча угля и пустая платформа - под углом друг к другу - создавали некий заслон, предохранявший от неожиданной атаки сзади. С той стороны из-за платформы он оставался невидим для полицейских и теперь стоял боком, словно дуэлянт, подставляя под выстрелы только одно плечо; сложенные штабелем старые шпалы прикрывали ноги до колен. Сондерсу подумалось, что эта поза могла означать лишь одно: парень собирается стрелять, чтобы продать свою жизнь подороже; он наверняка обозлен, доведен до отчаяния. Низко надвинутая шляпа скрывала лицо; пальто висело свободно, какими-то странными складками; руки засунуты в карманы. Сондерс крикнул сквозь желтые клубы тумана:

- Лучше выходи по-хорошему.

Он поднял револьвер и двинулся вперед, держа палец на курке. Но неподвижность фигуры в черном пугала его. Человек стоял в тени, наполовину скрытый желтым шевелящимся туманом. Это он, Сондерс, был весь на виду, на фоне светлеющего на востоке неба. Он словно шел на казнь - он ведь не мог выстрелить первым. Впрочем, зная, что чувствует Матер, зная, что невеста Матера как-то замешана в этом деле, Сондерс мог и не искать оправданий: если он выстрелит, Матер будет на его стороне. Одно движение, и парень свое получит. Он сказал резко, нисколько не заикаясь:

- Руки вверх!

Темная фигура не пошевелилась. Сондерс повторил про себя, испытывая жгучую ненависть к тому, кто причинил боль Матеру: всажу в него пулю, если не подчинится; все будут за меня; ну, дам ему еще один шанс...

- Руки вверх!

Человек в пальто не шелохнулся, стоял, как прежде, держа руки в карманах; казалось, поза таит в себе едва различимую угрозу. Сондерс нажал курок.

И в этот самый момент раздался долгий, призывный свист; он звучал прерывисто, словно задыхаясь, и закончился слабым шипеньем, словно из резиновой игрушки выходил воздух. Свист прозвучал со стороны забора, от дороги. Не было никакого сомнения в том, что это означало. И неожиданно Сондерс очень ясно понял, что произошло: он стрелял в невесту Матера; она отвлекла, увела их от Ворона. Он крикнул полицейским, шедшим вслед: "Все к воротам!" - и бросился к девушке: он видел, как она пошатнулась, когда прозвучал выстрел.

- Вы ранены? - спросил он и сбил у нее с головы шляпу, чтобы лучше видеть ее лицо.

- Вы - третий человек, пытавшийся меня убить, - слабым голосом произнесла Энн, устало приваляясь спиной к платформе. - Приезжайте отдыхать в солнечный Ноттвич. Ну что ж, значит, у меня еще шесть жизней в запасе.

Заикание вернулось к Сондерсу с прежней силой.

- К-к-к?..

- Да вот сюда вы попали, - ответила Энн, - если вы об этом. Промах, да еще какой. Даже коробку конфет на соревнованиях не получили бы. - И показала ему длинную желтую щепку, торчавшую у верхнего края платформы.

Сондерс сказал:

- В-в-вам придется пойти со мной.

- С огромным удовольствием. Только можно, я сниму это пальто? Чувствую себя в нем как-то по-дурачки. У ворот четверо полицейских окружили что-то большое, лежавшее на земле. Один из них сказал:

- Мы вызвали "скорую".

- Он умер?

- Нет еще. Ранен в живот. Должно быть, и тогда не перестал свистеть...

На какой-то момент Сондерса охватила злая ярость:

- Ну-ка, ребята, отойдите в сторону, пусть мадам посмотрит.

Они расступились смущенно и неохотно, словно закрывали собой неприличный рисунок на стене, и стало видно белое, словно мел, осунувшееся лицо: казалось, оно никогда и не было живым, никогда не ощущало биения крови под кожей. Выражение этого лица нельзя было назвать "покойным", выражения просто не было. Кровь пропитала брюки (пояс и застежку полицейские расстегнули), кровь запекалась на усыпанной углем дорожке. Сондерс сказал:

- Двое отвезут эту даму в Управление. Я остаюсь. Подожду, пока "скорая" приедет.

2

Матер сказал:

- Если хотите сделать заявление, я должен вас предупредить: все, что вы здесь скажете, может быть использовано как свидетельство против вас.

- Мне не о чем заявлять, - ответила Энн. - Я хочу поговорить с тобой, Джимми.

Матер сказал:

- Если бы старший инспектор был здесь, я попросил бы его забрать у меня это дело. Я хочу, чтобы вы поняли: я не позволю личным мотивам... Что если я не предъявляю вам обвинение, это еще не значит...

- Мог бы предложить девушке чашечку кофе, - сказала Энн. - Как раз время завтракать. Почти.

Матер яростно ударил ладонью по столу.

- Куда он намеревался пойти?

- Дай мне время, - сказала Энн. - Мне есть что рассказать. И много. Только ты все равно не поверишь.

- Вы видели человека, в которого Ворон стрелял, - сказал Матер. - У него жена и двое детей. Из больницы звонили - внутреннее кровоотечение.

- Который час? - спросила Энн.

- Восемь. Ваше молчание ничего не изменит. Теперь ему от нас не уйти. Через час прозвучат сигналы воздушной тревоги. На улицах не будет ни души, только люди в противогазах. Его немедленно обнаружат. Как он одет?

- Если бы ты дал мне поесть... Я ничего не ела целые сутки. Тогда я была бы способна соображать.

Матер сказал:

- У вас только одна возможность избежать обвинения в соучастии: если вы сделаете формальное заявление.

- Это что - допрос третьей степени? - спросила Энн.

- Почему ты взялась его выгораживать? Что заставляет тебя держать данное ему слово? Ведь ты не...

- Ну давай, - сказала Энн, - переходи на личности. Никто тебя за это не осудит. Я тоже. Только я не хочу, чтобы ты думал, что я сдержала бы данное ему слово. Ведь это он убил старика.

- Какого еще старика?

- Министра обороны.

- Вам надо бы придумать что-нибудь поправдоподобней.

- Но это правда. Он не крал те банкноты. Его просто надули. Заплатили краденными деньгами за работу. За убийство.

- Он просто напел вам сорок бочек арестантов, - сказал Матер. - Тем более что я знаю, откуда украдены эти деньги.

- Так и я знаю. Могу догадаться. Из этого города.

- Да он все вам наврал. Это деньги Ассоциации рельсопрокатчиков, их контора на Виктория-стрит, в Лондоне.

Энн покачала головой:

- Началось вовсе не там. Это деньги "Мидлендской Стали".

- Значит, вот куда он отправился. В "Мидлендскую Сталь". Это - в Дубильнях?

- Да, - ответила она. Короткое слово смутило и обескуражило Энн, оно прозвучало, словно приговор, окончательный и бесповоротный. Она теперь не испытывала к Ворону ничего, кроме ненависти: воспоминание об истекающей кровью полицейском на усыпанной углем земле разрывало ей сердце, требовало наказать убийцу; но она не могла забыть морозную ночь в сарае, кучу мешков и его абсолютное, лишненное какой бы то ни было надежды доверие к ней. Она сидела, опустив голову, пока Матер отдавал приказания в телефонную трубку.

- Мы будем ждать его в Дубильнях, - сказал он. - Кого он там ищет?

- Он сам не знает.

- Что-то в этом есть, - сказал Матер. - Какая-то связь между ним и фирмой. Может быть, его обманул кто-то из клерков.

- Человек, который заплатил ему эту кучу денег, был вовсе не клерк. Он и меня пытался убить только потому, что я узнала...

Тут Матер прервал ее:

- Ваши сказочки подождут. - Он позвонил и сказал появившемуся в дверях полицейскому:

- Задержите эту девушку для дальнейшего расследования. Можете дать ей кофе и бутерброд.

- Куда ты идешь?

- За вашим дружком, - ответил Матер.

- Он будет стрелять. У него реакция быстрее твоей. Неужели другие не могут... - Она почти умоляла. - Послушай, я сделаю заявление по всей форме. Он еще убил Змея...

- Занесите все это в протокол, - сказал Матер, надевая пальто. - Туман расходитя.
Энн сказала:
- Неужели ты не понимаешь, если все это правда... Нужно только дать ему время найти этого человека... тогда не будет войны.
- Все это сказки.
- Нет, все это - правда... Но, разумеется, тебя ведь там не было, ты его не слышал. Для тебя все это звучит по-иному. А я... Я думала, что спасаю... всех. Помогаю...
- Все, что вам удалось сделать, - жестко сказал Матер, - это помочь убить человека.
- Все звучит совсем иначе здесь, в Управлении. Как-то фантастично. Но он верил в то, что говорил. - И, теряя надежду, она добавила:
- Может, он сумасшедший?
Матер открыл дверь. Энн вдруг крикнула:
- Джимми, нет! Он не сумасшедший! Они же пытались убить меня!
Он ответил:
- Я прочту ваше заявление, когда вернусь.
И закрыл за собой дверь.

ГЛАВА VII

1

В больнице они бесчинствовали как могли. Устроили дебош, какого не было со дня сбора пожертвований на нужды больницы. Они тогда похитили самого мэра - старика Пайкера, отволокли его на берег Уивила и пригрозили, что бросят в воду, если он не уплатит выкуп. Все это организовывал старина Фергюссон, молодчина Бадди Фергюссон, замечательный парень. Во дворе больницы поставили три машины "скорой помощи", на одной из них закрепили флаг с черепом и скрещенными костями - для мертвяков. Кто-то завопил, что Майк выкачивает из машины бензин носовым катетером, и Майка забросали мукой, смешанной с сажей; они приготовили эту смесь заранее, полные ведра ее стояли у стен. Это была, так сказать, неофициальная часть программы: все жертвы газовой атаки будут вымазаны этой смесью, кроме мертвяков - тех, кого подберет машина с черепом и костями. Этих собирались поместить в больничный подвал, где холодильная установка помогала сохранять тела умерших в свежести до самого вскрытия.

Один из старших хирургов быстро и с опаской пересек двор, стараясь держаться подальше от студентов. Он торопился в операционную - кесарево сечение! - но вовсе не был уверен, что его не забросают сажей, не окунут в воду. Всего лишь пять лет назад был страшный скандал, даже судебное расследование, потому что в день студенческого дебоша погибла женщина. Студенты похитили хирурга, который ее наблюдал, и таскали его по городу в костюме Гая Фокса. К счастью, женщина не была платной пациенткой, и, хотя ее муж устроил истерику во время дознания, коронер решил, что следует простить студентам их выходку, сделать скидку на юность и неопытность. Коронер сам когда-то был студентом, он с удовольствием вспоминал тот день, когда вместе с однокашниками забросал сажей проректора своего университета.

Старший хирург и сам в тот день участвовал в экзекуции. Проректора не любили; он был специалистом по древним языкам и литературе, что казалось вовсе ненужным в провинциальном университете. Он перевел "Фарсалию" Лукана каким-то сложным размером собственного изобретения. Старший хирург помнил, но весьма смутно, там было что-то такое с ударами. Он до сих пор явственно видел сморщенную, словно печеное яблоко, физиономию маленького, испуганного старичка-либерала пытавшегося улыбнуться, не ударить лицом в грязь. За это они так яростно швыряли в него сажей.

Старший хирург, благополучно избежавший опасности, теперь умиленно улыбался, глядя вниз на шумную толпу студентов во дворе больницы. Их белые халаты были уже черны от сажи. Кто-то завладел желудочным зондом. Скоро они совершат традиционный набег на магазин - в центре города, на Хай-стрит, - с целью захватить свой талисман: чучело тигра, довольно облезлое и изрядно траченное молью. Ах, молодость, молодость, думал хирург, посмеиваясь про себя; он увидел, как Колсон, казначей больницы, боязливо пробирается от двери к двери; вот если бы они его поймали! Нет, дали ему пройти; ах, какое это было веселье: "Итак, будем веселиться, пока мы молоды!"; "Да исчезнет печаль, да погибнут ненавистники наши..."

Бадди наслаждался вовсю. Все и каждый со всех ног бросались исполнять его приказания. Он - лидер. Студенты готовы окунуть или вымазать любого, ему стоит лишь пальцем пошевелить. Чувство всевластия завладело им целиком, без остатка; оно не только утешало, оно залечивало без следа раны, нанесенные самолюбию ошибочными диагнозами, саркастическими замечаниями хирургов в операционной. Сегодня даже хирург не мог чувствовать себя в безопасности, если бы он - Бадди - отдал приказ... Сажа, вода и мука были его изобретением: учебная газовая тревога была бы сплошным занудством, скучной, трезвой, рутинной работой, если бы он, Бадди, не придумал устроить дебош; само это слово "дебош" обладало какой-то мощью, оно означало абсолютную свободу от всяческого контроля. Бадди созвал самых сообразительных студентов и объяснил:

- Если кто-то выходит на улицу без противогаза, значит - он паршивый пацифист. Найдутся люди, которые захотят сорвать учения. Так что, когда их привезут в больницу, мы им покажем, где раки зимуют.

Сейчас вокруг него бурлила возбужденная толпа.

- Молодчина, Бадди!

- Какая сволочь сперла мой стетоскоп?

- Осторожней там с зондом!

- А как насчет Тигра Тима?

Они окружили его, ожидая приказаний, а он возвышался над ними, стоя на ступеньке кареты "скорой помощи": белый халат распахнут, пальцы рук в карманах двубортного жилета, квадратная приземистая фигура преисполнена гордого самодовольства. Студенты скандировали: "Тигр Тим! Тигр Тим! Тигр Тим!"

- Друзья! Римляне! Сограждане! - произнес он, и толпа покатила со смеху. Молодчина, Бадди! За словом в карман не лезет. С ним в любой компании не соскучишься. Никогда не знаешь, что он такое еще отмотит.

- Доверьте мне ваши...

Толпа визжала от смеха. Охальник Бадди. Молодчина Бадди.

Как застоявшийся жеребец, перекормленный отборным овсом, Бадди Фергюссон ощущал каждый мускул, каждую клеточку своего тела; он жаждал деятельности. Слишком много экзаменов; слишком много лекций. И пока толпа студентов бурлила вокруг, он воображал себя командиром, ведущим солдат в бой. Если начнется война, Бадди не станет валандаться в полевых госпиталях, Красный Крест - не для Фергюссона: Бадди Фергюссон - командир полка; Бадди Фергюссон - гроза вражеских траншей! Единственный экзамен, который ему удавалось успешно сдать в школе, был экзамен по военной подготовке.

- Среди нас нет некоторых наших друзей, - продолжал Бадди Фергюссон, - Симмонса, Эйткина, Мэллоуза, Уотта. Эти чертовы пацифисты все до одного зубрят сейчас анатомию, и это в тот момент, когда мы отдаем себя служению родине. Мы захватим их по дороге в город. Летучий отряд вытащит их из нор.

- А как насчет женщин, Бадди? - крикнул кто-то, и все засмеялись, подталкивая друг друга локтями, затеявая шуточные бои между собой, не в силах устоять на месте от нетерпения: Бадди Фергюссон славился своими успехами у женщин. Он много и охотно рассказывал об этом друзьям, особенно о встречах с кельнершей из "Метрополя", называя ее Джолли Джули. От одного этого имени пред мысленным взором изумленных слушателей возникали потрясающие картины. О, какие невероятные страсти кипели в холостяцкой берлоге Бадди, когда эта дама приходила туда выпить чашечку чая.

Бадди Фергюссон стоял, прочно упираясь широко расставленными ногами в ступеньку кареты "скорой помощи".

- Передавайте всех мне. В военное время женщины должны больше рожать.

Он чувствовал себя сильным, грубым, полным жизни, таким быком-производителем; он и не помнил уже, что никогда еще не знал женщины и что его единственная попытка лишиться девственности с помощью старой ноттвичской проститутки оказалась безуспешной; репутация бабника придавала ему убежденности, помогала поверить, что в Ноттвиче не осталось ни одной постели, в которой он, Бадди, не побывал. Он хорошо знал женщин. Он был реалистом.

- Не жалея их, Бадди, задай им жару! - кричали ему.

- Меня учить не надо, - самодовольно отвечал он, не позволяя себе думать о будущем: о жалкой врачебной практике где-нибудь в захолустье; о приеме больных по списку страхассы в грязном, плохо оборудованном кабинете; о бедности и недооцененной верности единственной подруге жизни - скучной и пресной жене.

- Противогазы готовы! - крикнул им он - непререкаемый лидер, сорвиголова Бадди. Какие, к чертям собачьим, экзамены, когда ты ведешь за собой людей? Он видел, что молоденькие сестрички у окон больницы не спускают с него глаз. Он видел среди них и маленькую брюнеточку - Милли. Она обещала заглянуть к нему на чашечку чая в субботу. Гордость переполняла его, делала мускулы тугими, тело - упругим. О, какие сцены - говорил он себе - ожидают их на этот раз, какое невероятное, стыдное наслаждение... Он снова забыл ту правду, от которой никуда не уйти, правду, известную лишь ему и каждой очередной девушке: долгое неловкое молчание над чаем с булочками, попытки завязать разговор о результатах недавних футбольных матчей и неудачный поцелуй в воздух - вместо девичьей щеки - на пороге.

Взвывла сирена на клееварной фабрике, долгий, восходящий - все выше и выше - звук напоминал вой истерической болонки, и все вокруг замерло на какой-то момент, смутно припоминая минуту молчания в День Перемирия. Затем толпа разделилась на три шумные группы; кто-то взбирался на крышу кареты "скорой помощи", кто-то - на ступеньку; натягивали противогазы; наконец переполненные машины выехали на пустые, холодные улицы Ноттвича.

На каждом углу из машин вытряхивалась куча студентов. Они делились на мелкие группки и разбредались по городу, хищные и разочарованные: некого было хватать. На улицах почти не было людей - только посыльные на велосипедах. В своих противогасах они напоминали медвежат, исполняющих номер с велосипедами на цирковой арене. Студенты перекликались друг с другом - не представляли, как звучат их голоса из-под масок. Казалось, каждый заключен в отдельную, звуконепроницаемую телефонную кабину. Все жадно вглядывались сквозь слюдяные очки в двери жилых домов и магазинчиков в поисках жертв. Небольшая компания собралась вокруг Бадди Фергюссона; они предлагали захватить полисмена, поскольку тот - на дежурстве - был без противогаса. Но на это предложение Бадди немедленно наложил вето: он заявил, что сегодняшний дебош был неординарным, он имел определенную цель: брать надо тех, кто так мало заботился о своем отечестве, что даже не побеспокоился надеть противогаз.

- Такие люди, - сказал он, - пренебрегают и отработкой приемов гребли. Как-то на Средиземном море мы здорово позабавились с парнем, который не явился на тренировку.

Его слова напомнили им о тех, кто не пришел помогать, кто - вполне возможно - как раз в этот момент успешно продвигался в изучении анатомии.

- Уотт живет здесь поблизости, - сказал Бадди, - пошли к нему, разденем, распотрошим его как следует.

Чувство абсолютной полноты существования, физического здоровья охватило его, словно он только что выпил пару кружек пива.

- Вниз, вдоль Дубилен, - скомандовал он. - Первый налево. Потом - первый направо. Второй налево. Номер двенадцать. Первый этаж.

Он знает дорогу, объяснил он, потому что несколько раз приходил к Уотту на чай в первом семестре: он тогда еще не знал, что Уотт такая сволочь. Сознание этой давней ошибки вызывало у Фергюссона желание физически расправиться с Уоттом, обозначить разрыв как-то более весомо, не просто насмешкой.

Они помчались вдоль Дубилен, по опустевшим мостовым, полдожины чудовищ в масках и белых халатах, запачканных сажей, совершенно неотличимые друг от друга. Сквозь огромные стеклянные двери "Мидлендской Стали" они разглядели

трех мужчин, разговаривавших со швейцаром у лифта. В этой части Дубилен было множество полицейских в форме, а на площади в конце улицы они разглядели еще одну студенческую группу. Тем повезло больше: они волокли в машину какого-то человечка (он вопил и лягался). Полицейские смеялись, наблюдая эту сцену, а над головами с воем промчалась эскадрилья самолетов, пикируя в направлении центральной части города, чтобы придать учебной тревоге правдоподобие. Первый налево. Первый направо. Центр Ноттвича непривычному взгляду представлялся полным контрастов. Только на северной окраине города, вблизи парка, можно было пройти по улицам, застроенным исключительно добротными особняками зажиточных людей: здесь обитали представители ноттвичского среднего класса. Ближе к рынку вам попадались то современные конторские здания - стекло, хромированный металл, то - крохотные лавчонки, торгующие мясными обрезками для кошек; вы то и дело переходили от роскошных зданий, подобных "Метрополитену", к убогим мебелишкам, от которых несло тушеной капустой. В Ноттвиче никто не мог утверждать, что одна половина населения не знает, как живет другая.

Второй налево. Дома с одной стороны уступили место голой скале, и улица круто нырнула вниз, к подножию Замкового холма. Настоящего замка на холме давно не было. Был всего лишь городской музей из желтого кирпича, набитый наконечниками для стрел и коричневыми черепками разбитых когда-то глиняных горшков; еще там было несколько оленьих голов (в зоологическом отделе), сильно пострадавших от моли, и одна мумия, привезенная из Египта графом Ноттвичским в 1843 г. Моль не решалась трогать это, но хранителю музея временами казалось, что он слышит там, внутри, мышиную возню. Майк, с носовым катетером в нагрудном кармане халата, предложил взобраться вверх прямо по скале. Он крикнул Бадди Фергюссону, что хранитель музея стоит на крыльце без противогаза и подает сигналы вражеским самолетам. Но Бадди и все остальные бежали вниз, к дому номер двенадцать.

Дверь открыла хозяйка. Она обезоруживающе улыбнулась и сказала, что мистер Уотт дома; он, по всей вероятности, работает; она взяла Бадди за лацкан пиджака и доверительно сообщила, что, по ее мнению, мистеру Уотту только на пользу, если они на полчаса оторвут его от книг. Бадди ответил:

- Оторвем.

- О, да это мистер Фергюссон! - воскликнула хозяйка. - Я ваш голос где хотите узнаю. Только у меня и в мыслях не было, что это вы, пока вы не заговорили. Уж в этих дышалках вас и узнать-то невозможно. А я как раз собралась выйти, а тут мистер Уотт и говорит, мол, учебная тревога.

- Ах, он об этом помнил, вот как? - сказал Бадди. Лицо его покраснело под маской - он не ожидал, что хозяйка его узнает. Ему захотелось еще более утвердиться в своей значительности.

- Он сказал, меня и в больницу могут свезти.

- Вперед, друзья! - сказал Бадди и повел их вверх по лестнице. Но этот номер так просто не прошел. Они не могли ворваться в дверь все вместе и сразу же сдернуть Уотта со стула, на котором тот сидел. Им пришлось входить в комнату по одному, вслед за Бадди, и там в растерянности, молча остановиться у стола. В этот момент человек более опытный смог бы справиться с ними, но Уотт знал, что его недолюбливают, и боялся утратить достоинство. Он много занимался, потому что любил эти занятия, а не потому, что был беден; не участвовал в спортивных играх, так как не любил игр, а не потому, что был слаб физически. Он обладал интеллектуальным превосходством, которое в будущем должно было обеспечить ему успех. И если сейчас нелюбовь одноклассников причиняла ему боль, это была цена, которую приходилось платить за блестящее будущее, за титул баронета, за кабинет на Харли-стрит и модную врачебную практику. Не было у него оправданий, и нечего было его жалеть. Жалеть следовало тех, других, что так бурно и вульгарно веселились недолгие пять лет студенчества перед пожизненным заточением в глухомани.

Уотт произнес:

- Пожалуйста, закройте дверь: сквозит. - Испуганно-саркастический тон и послужил столь необходимым поводом для их негодования.

Бадди заявил:

- Мы пришли спросить, почему ты не явился утром в больницу.

- Это Фергюссон, не правда ли? Не понимаю, почему это вас должно интересовать, - ответил Уотт.

- Ты что, пацифист?

- Что за устаревший лексикон! - сказал Уотт. - Нет, я не пацифист. Я сейчас просматриваю кое-какие книги - очень старые труды по медицине, и, поскольку - как я полагаю - они вряд ли вам интересны, очень прошу вас выйти вон.

- Занимаешься? Вот так зубрили вроде тебя и вылезают вперед, пока другие дело делают.

- Просто у нас разные представления о том, как лучше проводить время. Мне доставляет удовольствие разглядывать старые фолианты, вам - вопя, носиться по улицам в этом странном наряде.

Тут уж они как с цепи сорвались: ведь его слова вполне можно было расценить как оскорбление чести мундира - мундира королевской армии.

- Мы сейчас тебя распотрошим, - пригрозил Бадди. - Раздевай его, ребята!

- Прекрасно, - ответил Уотт. - Я сэкономлю вам время и разденусь сам. - И он начал стягивать с себя одежду, говоря:

- Психологически этот акт очень интересен. Он - как бы некая форма кастрации. Его суть можно объяснить - во всяком случае такова моя теория - наличием подспудной сексуальной ревности.

- Ах ты грязный подонок, - сказал Бадди, схватив со стола чернильницу и выплеснув чернила на обои. Он терпеть не мог слова "секс". Он верил, что интрижки с официантками и медсестрами, посещение проституток - это одно, а любовь (что-то такое теплое, материнское, с большой грудью) - это совсем другое. Слово "секс" заставляло признать, что между тем и другим было нечто общее, и это выводило Бадди из себя.

- Круши все! - завопил он, и всем сразу стало легко и весело от возможности излить нерастратенную силу; словно выпущенные на волю молодые быки, они бросились исполнять приказ. Но оттого, что они снова почувствовали себя веселыми и счастливыми, они не стремились по-настоящему что-либо испортить: просто выкинули книги с полок на пол, разбили стекло в раме - из чувств сугубо пуританских, потому что та обрамляла репродукцию картины Мунке

"Обнаженная". Уотт молча смотрел на них; он был напуган, и чем полнее страх овладевал им, тем саркастичнее он становился. Неожиданно для себя самого Бадди увидел Уотта, так сказать, во всей красе: полуголый, в одних трусах, этот человек был обречен на успех; и ненависть к счастливчику охватила Бадди. Он почувствовал себя ни на что не способным импотентом; в отличие от Уотта, он не обладал ни утонченностью, ни интеллектом; что бы он ни сказал, что бы ни сделал в будущем - всего через несколько лет, - это уже не сможет никак повлиять на судьбу, даже на настроение консультанта с Харли-стрит, пользующего модных женщин и к тому же - баронета. Что толку от разговоров о свободе воли? Только война и смерть могли избавить Бадди от пожизненного заключения в провинциальном захолустье, от жалкой практики и пресной жены, от надоевшего бриджа по вечерам. Ему подумалось, что на душе станет легче, если он сможет заставить Уотта навсегда сохранить воспоминание о нем. Он снова взял чернильницу и вылил ее содержимое на титульный лист лежавшего на столе фолианта.

- Пошли, друзья, - сказал он. - Здесь воняет. - И повел свой отряд прочь, вниз по лестнице. Он был необычайно, радостно возбужден; он чувствовал себя так, словно только что успешно испытал свою мужскую силу.

Почти тотчас же им попала старушка. Она и понятия не имела о том, что происходит. Приняв их за сборщиков пожертвований, она предложила им пенни. Ей объяснили, что она должна отправиться в больницу; студенты были предельно вежливы, кто-то даже предложил понести ее корзинку; только что осуществленное насилие вызвало у них стремление проявить необыкновенную мягкость. Старушка подшучивала над ними.

- Ну и ну, - восклицала она, - чего только эти мальчишки не выдумают! - И когда один из них взял ее под руку и мягко, но настойчиво повел вверх по улице, она спросила:

- Ну и кто же тут у вас Дед Мороз?

Это не нравилось Бадди, унижало его достоинство. Он как раз только что ощутил прилив благородства: "Женщин и детей - вперед..."; "Несмотря на разрывы бомб вокруг, он благополучно вывел эту женщину..."

Бадди остановился и пропустил их всех мимо себя, вместе со старухой; она веселилась вовсю, кудахтала от смеха и подталкивала локтями идущих с ней рядом; голос ее долго еще звучал в морозном воздухе: она требовала, чтобы они сняли эти шуточки и играли по-честному; перед тем как вся компания скрылась за углом, старуха обозвала их "мормонами". Она имела в виду магометан, ей представлялось, что магометане ходят с закрытыми лицами и имеют много жен. Над головой прожужжал самолет, и Бадди оставался один среди убитых и умирающих, пока перед ним не возник Майк. Майк сообщил, что у него - идея: почему бы не стащить из Замка мумию? Отволочь ее в больницу, она ведь без противогаса, а? Ребята на машине с черепом и костями уже захватили Тигра Тима и носятся по городу, криками вызывая на улицу старика Пайкера.

- Нет, - сказал Бадди, - это не обычный дебош. Это - всерьез.

Вдруг у поворота в проулок он увидел человека без противогаса: тот, пригнувшись, отступил назад, заметив белые халаты.

- Быстро. Держи его! - крикнул Бадди. - Ату его, ату! - И оба рванули вверх по улице, преследуя жертву. Майк бежал быстрее: Бадди был несколько полноват для своих лет, и Майк скоро опередил его ярдов на десять. Тот человек бросился бежать раньше их, он завернул за угол и исчез.

- Давай, - крикнул Бадди, - задержи его. Я сейчас подойду.

Майк уже скрылся из виду, когда с крыльца, от двери дома, мимо которого шел Бадди, раздался голос:

- Эй вы! - произнес голос. - Куда торопитесь?

Бадди остановился. Человек стоял на крыльце, прижавшись спиной к двери дома. Он просто отступил вглубь, и Майк в спешке пробежал мимо. В поведении человека было что-то серьезное, какая-то злобная целеустремленность. Улица, застроенная небольшими домами в готическом стиле, была совершенно пуста.

- Вы ведь меня искали, верно? - сказал человек.

Бадди спросил очень резко:

- Где ваш противогас?

- Это что, игра такая? - сердито ответил тот вопросом на вопрос.

- Это вовсе не игра, - сказал Бадди. - Вы - жертва. Вам придется отправиться со мной в больницу.

- Придется? Мне? - сказал человек, плотно прижимаясь спиной к двери дома, тощий, малорослый, с торчащими из продранных рукавов локтями.

- Лучше бы вам согласиться, - посоветовал Бадди. Он расправил плечи и напряг бицепсы. Дисциплина прежде всего, думал он. Это животное не способно даже распознать офицера в том, кто к нему обращается. Собственное физическое превосходство вызвало глубочайшее чувство удовлетворения. Если этот замухрышка не пойдет по-хорошему, он расквасит ему нос.

- Ладно, - сказал незнакомец. - Иду. - Он вышел из тени: хитрое злое лицо, заячья губа, дешевый клетчатый костюм: даже в его подчинении приказу было что-то угрожающе агрессивное.

- Не в ту сторону, - сказал Бадди. - Налево..

- Шагай не останавливаясь, - произнес недоросток, целясь в Бадди сквозь карман пиджака и вжимая дуло пистолета ему в бок. - Я - жертва! - произнес он. - Подумать только! - И он невесело засмеялся. - Давай шагай в те ворота, не то сам станешь жертвой.

Они оказались как раз напротив маленького гаража; он был пуст; владелец уехал на работу, и совершенно пустая металлическая коробка стояла открытой настежь в конце недлинной подъездной аллеи.

Бадди вскипел:

- Какого черта! - Но он тут же вспомнил это лицо, описание его публиковалось в обеих городских газетах; кроме того, в действиях человека была сдержанность, которая - и это было ужасно! - не оставляла сомнения в том, что он будет стрелять не задумываясь. Этот момент его жизни Бадди никогда не суждено было забыть: друзья не давали ему забыть об этом, хотя не видели в его действиях ничего дурного; всю жизнь эта история выплывала в печати в самых неожиданных местах, в серьезных статьях, на симпозиумах, посвященных истории знаменитых преступлений; она следовала за ним от одной

жалкой захолустной практики к другой. Никто не усматривал ничего особенного в его поступке, никто и не сомневался в том, что поступил бы так же: он вошел в гараж и по приказу Ворона закрыл дверь. Но друзья не могли осознать всей сокрушительной силы удара: ведь они не стояли под бомбами, среди бесчисленных разрывов, они не ждали с таким вожделием начала войны, никто из них не был Бадди - грозой вражеских траншей всего лишь за минуту до того, как настоящая война, в виде дула пистолета, прижатого к ребрам, принудила его поступать так, а не иначе.

- Раздевайся! - приказал Ворон, и Бадди послушно разделся. Но он лишился не только противогаза, белого халата и костюма из зеленого твида - он лишился гораздо большего. Когда процедура закончилась, Бадди лишился последней надежды. Бессмысленно было теперь надеяться, что война докажет его способность вести за собой людей. Он был просто толстым красным от страха пареньком, полуголым и дрожащим от холода в пустом гараже. Трусы его прохутились на ягодицах, гладкие колени от холода порозовели. Видно было, что силы ему не занимать, но округлая линия живота и толстая шея не менее красноречиво свидетельствовали, что лучшая его пора уже миновала. Как огромный английский дог, он нуждался в физических упражнениях, которых никакой город не может предоставить достаточно; правда, несколько раз в неделю Бадди, несмотря на мороз, надевал шорты и майку и стоически бегал по парку, медленно, с покрасневшим от усилий лицом, игнорируя ухмылки нянек и визгливые, но верные комментарии их отвратительных питомцев, раздававшиеся вслед ему из колясок. Он старался держаться в форме; страшно было подумать, что он поддерживал форму ради того, чтобы теперь стоять и молчать, дрожа в дырявых трусах, пока голодный, тощий, злобный, словно городская крыса, недоросток, чью руку он, Бадди, мог бы переломить одним движением, надевал его одежду, его белый халат и - наконец - его противогаз.

- Повернись спиной, - сказал Ворон, и Бадди Фергюссон снова подчинился. Сейчас он чувствовал себя таким жалким и несчастным, что - дай ему Ворон шанс - не смог бы этим шансом воспользоваться; к тому же он был и очень напуган. Бадди никогда не отличался богатым воображением; никогда он не представлял воочию опасность, которая теперь воплощалась в поблескивающем в тусклом свете гаражного фонаря сером, длинном, злобном куске металла, несущем боль и смерть.

- Руки за спину! - Ворон связал вместе розовые и мясистые, словно ветчина, сильные руки Бадди его же галстуком: коричневым с желтыми полосами галстуком выпускника частной школы, затерявшейся где-то в захолустье.

- Ложись! - И Бадди Фергюссон подчинился беспрекословно, а Ворон связал ему ноги носовым платком, а из другого сделал кляп и заткнул ему рот. Вышло не очень надежно, но приходилось довольствоваться и этим - работать надо было быстро, времени оставалось мало. Ворон вышел из гаража и бесшумно закрыл ворота. У него было несколько часов форы - во всяком случае он надеялся, что это так, но не мог тратить зря ни минуты.

Спокойно и осторожно он прошел под Замковым холмом, стараясь не наскочить на студентов. Но бесчинствующие компании уже двинулись дальше; некоторые пикетировали вокзал в ожидании ничего не подозревавших пассажиров, другие прочесывали улицы в северной части города, ведущие к шахтам. Главная опасность теперь заключалась в том, что с минуты на минуту мог прозвучать сигнал "Отбой". Повсюду попадались полицейские патрули; он знал, что им было нужно, но без колебаний шел мимо них, прямо к Дубильням. Он не собирался идти слишком далеко, ему нужно было добраться до широких стеклянных дверей "Мидлендской Стали". Его вела какая-то слепая вера в свое предназначение, в некую высшую справедливость: каким-то образом, если только он попадет внутрь здания, он отыщет дорогу к человеку, который его предал. Он благополучно дошел до угла и повернул к Дубильням. Улица была узкой настолько, что транспорт мог двигаться по ней только в одну сторону - к огромному зданию из черного стекла и стали. Ворон прижимал к бедру пистолет, испытывая чувство возбуждения от близости цели. Злоба и ненависть, никуда не исчезнув, не сжимали сердце тисками, как раньше; такого с ним еще никогда не было; он больше не испытывал ни горечи, ни раздражения, месть как бы перестала быть его личной мстью, словно он выполнял чье-то поручение.

За дверями "Мидлендской Стали" какой-то человек, похожий на служащего, наблюдал за машинами у тротуара, за пустой улицей. Ворон пересек мостовую. Вгляделся сквозь очки противогаза в лицо человека за дверью. Что-то заставило его задержаться на минуту: он вспомнил лицо, мелькнувшее на момент у двери "Кафе Сохо", где он снимал комнату. И Ворон вдруг пошел прочь от дверей, поспешно и нервно шагая вдоль Дубилена. Полиция явилась в контору раньше его.

Это ничего не значит, уговаривал он себя, выходя на затихшую Хай-стриг, совершенно пустую, если не считать телеграфного посыльного в противогазе, усаживавшегося на велосипед у дверей почтамта. Это всего-навсего означает, что полиция тоже обнаружила связь между конторой на Виктория-стриг и "Мидлендской Сталью". Это вовсе не значит, что Энн просто баба, как все, и предала, как все его предавали. Сейчас только едва заметная горечь, сознание отъединенности от всего мира на какое-то мгновение омрачили его дух. Она с ним по-честному, клялся он себе с почти абсолютной уверенностью, она не может предать, мы в этом деле заодно; и он, сомневаясь и веря, что ничего дурного не могло случиться, вспомнил, как она сказала: "Мы же друзья".

2

Режиссер назначил репетицию рано утром. Он не собирался увеличивать расходы покупкой всем и каждому противогазов. Они соберутся в театре до тревоги и не разойдутся, пока не прозвучит сигнал "Отбой". Мистер Дэвис сказал, что сам хочет посмотреть новый номер программы, и режиссер послал ему извещение о репетиции. Извещение было заткнуто за раму зеркала, перед которым он брился, рядом с карточкой с телефонами всех его девиц.

В современной холостяцкой квартире (с центральным отоплением) стоял зверский холод. Что-то случилось - как это всегда бывало - с машиной в подвале, и подаваемая в квартиры горячая вода была чуть теплой. Мистер Дэвис несколько раз порезался, бреясь, и крошечные клочки ваты там и сям украшал его подбородок. На глаза попались два телефонных номера: Мэйфэр 632 и Музеум 7981. Телефоны Корэл и Люси. Темноволосая и блондинка, поленькая и худая. Светлый ангел и темный. Ранний желтоватый туман все еще лепился к окнам, и выхлоп проезжавшего по улице автомобиля заставил его подумать о Вороне, надежно изолированном на товарном дворе, осажденном вооруженной полицией. Он знал:

всем этим занимается сэр Маркус, и задумался над тем, как это - проснуться утром, понимая, что наступил твой последний день. "Не знаю дня смерти моей", радостно подумал мистер Дэвис, промокая порезы кровоостанавливающим карандашом и прилепляя к ним кусочки ваты; но если знаешь, как, видимо, знает Ворон, станешь ли раздражаться от того, что не работает центральное отопление и что бритва тупая? Голова мистера Дэвиса была сейчас полна великих, благородных абстракций, и ему казалась гротескной сама мысль о том, что человек, обреченный на смерть, мог обратить внимание на тривиальные вещи вроде пореза бритвой. Впрочем, разумеется, Ворон вряд ли будет бриться в своем сарае.

Мистер Дэвис торопливо разделался с завтраком: два поджаренных хлеба, две чашки кофе, четыре порции почек и ломтик бекона, привезенные на лифте из ресторана внизу; немного сладкого апельсинового джема "Серебряная нить". Удовольствием было думать, что Ворон не получит такого завтрака. Приговоренный к смерти в тюрьме мог бы, но не Ворон, нет. Мистер Дэвис не любил ничего выбрасывать; за завтрак было уплачено, поэтому на второй хлебец он водрузил остатки масла и весь оставшийся джем. Немного джема попало и на его галстук.

На самом деле одна проблема, кроме недовольства сэра Маркуса, продолжала его беспокоить: та девчонка. Он совершенно потерял голову, сначала попытавшись ее убить, а в результате так и не убив. Конечно, во всем виноват сэр Маркус. Он же боялся реакции сэра Маркуса, если тот узнает о существовании девчонки. Но теперь все будет в порядке: выяснилось, что девчонка - сообщница Ворона, никакой суд не поверит ее версии против сэра Маркуса. Мистер Дэвис совершенно забыл про учебную тревогу, поспешив в театр, чтобы немного расслабиться и отдохнуть теперь, когда все вроде бы уладилось. По пути он опустил шестипенсовик в автомат и получил пакетик ирисок.

Мистер Коллиер беспокоился, это было заметно. Они уже разок прорепетировали новый номер, и мисс Мэйдью, сидевшая в первом ряду не снимая мехового манти, заявила, что это вульгарно. Она сказала, что ничего не имеет против секса, но это - это просто дурной тон. В стиле мюзик-холла. Вовсе не в стиле театрального ревю. Мистер Коллиер плевать хотел на мисс Мэйдью и ее замечания, но вдруг мистер Коуэн... Он сказал:

- Если бы вы объяснили, что именно вам кажется вульгарным... Я лично не вижу...

Мистер Дэвис сказал:

- Я сам скажу вам, если найду это вульгарным. Давайте снова.

И с ириской во рту он уселся позади мисс Мэйдью, вдыхая теплый запах меха и дорогих духов. Что может быть лучше в этой жизни, подумал он. И спектакль был его собственностью. Во всяком случае, сорок процентов от спектакля принадлежали ему. И он принялся выбирать свои сорок процентов, когда девушки снова вышли на сцену в синих с красной полосой штанишках, бюстгальтерах и в форменных кепи на головах, как у почтальонов. В руках каждая несла рог изобилия. Он отметил двух девиц: одну справа, с совершенно восточными бровями, и другую - блондинку с полными ногами и крупным ртом (крупный рот у девушки обещает многое!). Они танцевали между двумя почтовыми ящиками, вращая стройными бедрами, а мистер Дэвис наслаждался ирисками.

Мистер Коллиер сказал:

- Это называется "Рождество вдвоем".

- Почему?

- Ну, видите ли, эти рога, они символизируют рождественские подарки, но вроде бы в античной форме. А "вдвоем" придает номеру несколько сексуальный оттенок. Любой номер, в названии которого есть "вдвоем", имеет успех.

- Ну, у нас уже есть "Дома вдвоем", - сказала мисс Мэйдью, - и "Мечта вдвоем".

- Ну, знаете, "вдвоем" никогда не бывает слишком много. Может, вы все-таки скажете, что тут вульгарно? - жалобно попросил мистер Коллиер.

- Ну, например, эти рога изобилия.

- Но это же классика, - возразил мистер Коллиер, - это же Греция.

- И эти почтовые ящики тоже.

- Почтовые ящики?! - истерически воскликнул мистер Коллиер. - Что дурного вы нашли в почтовых ящиках?

- Ну, милый мой, - ответствовала мисс Мэйдью, - если вы не понимаете, что дурного в почтовых ящиках, я вам это объяснять не собираюсь. Если вам хочется посадить себе на голову Комитет городских матрон, им я, пожалуй, объясню. Но если тут обязательно нужны эти ящики, покрасьте их в синий цвет, пусть они будут для авиапочты.

Мистер Коллиер сказал:

- Вы что тут, в игрушки играете? - И раздраженно добавил:

- Представляю себе, что вы испытываете каждый раз, когда собираетесь отправить письмо.

На сцене, позади режиссера, девушки терпеливо продолжали свой танец под треньканье рояля; каждая покачивала бедрами и поворачивалась к залу то лицом - предлагая зрителям рог изобилия, то спиной, изгибаясь и демонстрируя кругленькую попку. Разъяренный, он обернулся к ним:

- Неужели нельзя подождать минуту? Дайте мне возможность подумать!

Мистер Дэвис сказал:

- Но это замечательно. Мы вставим это в спектакль.

Ему приятно было противоречить мисс Мэйдью, роскошными духами которой он сейчас наслаждался. Противореча ей, он наслаждался еще и властью над женщиной, выше его по рождению: чувство было такое (лишь самую малость слабее), будто он обладает ею или даже - будто только что ее избил. Он мечтал об этом еще в школе, в одной из мидлендских школ, содержавшихся на деньги попечителей; в мрачном, холодном классе он вырезал на крышке парты и на скамье свое имя и - мечтал.

- Вы и вправду так думаете, мистер Дэвенант?

- Меня зовут Дэвис.

- Простите, мистер Дэвис.

И там ужас, и тут кошмар! - подумал мистер Коллиер: теперь он рассердил нового спонсора.

- Мне это кажется мерзким, - сказала мисс Мэйдью.

Мистер Дэвис положил в рот еще одну ириску.

- Продолжайте, старина, - сказал он. - Продолжайте!

И они продолжали: танцы и песни приятно плескались в сознании мистера Дэвиса, порой нежные и грустные, порой захватывающе веселые. Нежные песни нравились мистеру Дэвису гораздо больше. Когда девушки пели "О, как похожа ты на мамочку мою", он и в самом деле вспоминал свою маму: мистер Дэвис был идеальным зрителем. Какой-то человек появился из-за кулис и крикнул что-то мистеру Коллиеру.

- Что вы сказали? - прокричал в ответ мистер Коллиер, а молодой человек в бледно-голубом джемпере машинально продолжал петь:

*О, ваш портрет -
Лишь половина
Того, что я люблю!*

- Вы сказали - елка? - проорал мистер Коллиер.

*Я этот ваш декабрь
Запомню навсегда...*

Мистер Коллиер завизжал:

- Заберите ее немедленно!

Песня неожиданно прервалась на словах: "Вы прямо вторая мама..." Молодой человек сказал: "Вы это дали слишком быстро" - и отправился выяснять отношения с пианистом.

- Я не могу забрать ее, - сказал человек из-за кулис. - Это - заказ. - На человеке был фартук и суконная шапка. Он продолжал:

- Пришлось телегу брать и двух лошадей. Лучше сами пойдите и посмотрите.

Мистер Коллиер исчез, но мгновенно возник снова:

- О Боже! - произнес он. - Она же пятнадцать футов высотой. Какой идиот придумал сыграть с нами такую шутку?!

Мистер Дэвис был погружен в счастливейшую полудрему-полумечту: домашние туфли только что согреты для него у камина в дворцовом зале (в камине пылают целые бревна); в воздухе плывет аромат духов из частной коллекции, несколько напоминающих духи мисс Мэйдью; мистер Дэвис вот-вот отправится в спальню с доброй и честной, но аристократического происхождения девушкой, с которой только что сошелся законным браком; венчал их епископ. Девушка немножко похожа на маму мистера Дэвиса.

*...ваш декабрь
Запомню навсегда...*

Вдруг в его сознание ворвались слова мистера Коллиера:

- И к тому же ящик стеклянных шаров и свечи.

- О, - воскликнул мистер Дэвис, - значит, мой маленький подарок уже прибыл?

- Ваш... маленький?..

- Я подумал, почему бы нам не отпраздновать Рождество здесь, на сцене? - сказал мистер Дэвис. - Я люблю лично знакомиться со всеми-всеми актерами, актрисами - по-дружески, по-домашнему. Немножко потанцуем, споем песенку-другую... - Предложение явно не вызвало ответного энтузиазма. - Много-много шипучки...

Бледная улыбка едва озарила лицо режиссера.

- Ну что ж, - произнес он, - это очень любезно с вашей стороны, мистер Дэвис. Мы, несомненно, будем очень рады.

- Елка вам нравится?

- Да, мистер Дэвен... Дэвис, совершенно потрясающая елка.

Молодой человек в голубом джемпере, казалось, вот-вот рассмеется, и мистер Коллиер бросил на него злющий взгляд.

- Мы все очень вам благодарны, правда, девочки?

Девочки ответили слаженным хором, так, будто слова были отрепетированы заранее:

- Очень, мистер Коллиер.

Только мисс Мэйдью промолчала, да темноволосая девушка, отвлекшись, запоздала на мгновение и сказала: "Еще бы!"

Это привлекло внимание мистера Дэвиса. Независима, одобрительно подумал он, выделяется из толпы. Он сказал:

- Я, пожалуй, пройду за кулисы, посмотрю, что там с елкой. Не обращайтесь на меня внимания, старина, я не буду вам мешать. Занимайтесь своим делом.

И он направился за кулисы, где стояла елка, перегородив проход в артистические уборные. Электрик уже повесил на елку несколько украшений - для смеха - и посреди беспорядочного нагромождения задников, ненужных декораций и прочего реквизита, в свете голых огромных ламп она сверкала холодно и гордо. Мистер Дэвис потер руки; в нем ожил глубоко захороненный детский восторг; он произнес:

- Очень красиво смотрится.

Душа его наполнилась рождественским покоем: воспоминание о Вороне, время от времени омрачавшее его мысли, было всего лишь тьмой вокруг светящихся яслей с Младенцем.

- Вот это елка, ничего не скажешь! - раздался голос. Оказалось, это темноволосая. Она вошла за кулисы следом за ним; в сцене, которую сейчас репетировали, она не участвовала. Девушка была небольшого роста, пухленькая и не очень хороша собой; она сидела на ящике и рассматривала мистера Дэвиса с мрачным дружелюбием.

- Праздничное чувство создает, рождественское, - сказал мистер Дэвис.
- Бутылка шипучки тоже, - ответила девушка.
- Как вас зовут?
- Руби.
- Хотите позавтракать со мной после репетиции?
- Ваши девушки, говорят, исчезают куда-то, верно? - сказала Руби. - Я бы с удовольствием съела бифштекс с луком, только я очень боюсь фокусников. У меня ведь нет друга-детектива.
- Что такое? - резко спросил мистер Дэвис.
- Она - подружка сержанта из Скотленд-Ярда. Он приходил сюда сегодня.
- Ничего страшного, - раздраженно сказал мистер Дэвис, обдумывая ситуацию, - со мной вы можете чувствовать себя спокойно.
- Видите ли, я - невезучая.
Мистер Дэвис, несмотря на новое тревожное обстоятельство, чувствовал себя сильным, полным жизни: это ведь был не его последний день; почки и бекон не очень сильно, но давали знать о себе неприятным запахом изо рта. Со сцены негромко доносилась музыка:

*О, ваш портрет
Лишь половина
Того, что я люблю...*

Он слизнул кусочек ириски, прилипший к внутренней стороне зубов; стоя под густыми ветвями темно-зеленой сверкающей елки, он сказал:
- Теперь-то вы станете везучей. Лучше талисмана, чем я, вам в жизни не найти.
- Придется попробовать, - ответила девушка, по-прежнему мрачно смотря на него.
- У "Метрополя"? Ровно в час?
- Приду. Если не попаду под машину. Я - такая. Из тех, кто обязательно попадает под машину, когда собирается получить бесплатную кормежку.
- Повеселимся.
- Зависит от того, что вы считаете весельем, - сказала девушка и подвинулась на ящике, освобождая ему место.

*Я этот ваш декабрь
Запомню навсегда...*

Мистер Дэвис положил руку на ее голое колено. Музыка, рождественская атмосфера несколько смущали его, вызвали чувство благоговения. Ладонь легла на колено, словно рука епископа на голову маленького хориста.
- Синдбад, - сказала девушка.
- Синдбад?
- Я хотела сказать, Синяя Борода. От этих спектаклей в голове сплошная путаница.
- Вы же не станете бояться меня, - возразил мистер Дэвис, прислоняясь щекой к форменному кепи почтальона.
- Если какая девушка и исчезнет, то уж точно - я.
- Ей не надо было бросать меня, - тихонько прошептал мистер Дэвис, - сразу после обеда. Заставила меня возвратиться домой в одиночестве. Со мной она была бы в безопасности.
Он осторожно обнял Руби за талию и прижал к себе, но поспешно убрал руку, заметив проходившего мимо них электрика.
- Вы - умная девочка, - сказал мистер Дэвис. - Вам должны бы дать роль. Уверен - у вас и голос хороший.
- У меня - голос? Как у фазанихи.
- Поцелуй меня, а?
- И поцелую.
Они поцеловались, довольно крепко.
- Как мне вас называть? - спросила Руби. - Мне кажется, глупо звучит "мистер", когда обращаешься к тому, кто ставит тебе бесплатную еду.

Мистер Дэвис ответил:
- Сможете называть меня Вилли?
- Ну что ж, - вздохнув, мрачно сказала Руби. - Надеюсь, мы увидимся, Вилли. У "Метрополя". В час. Я приду. Только, надеюсь, и вы придете, не то ко всем чертям покатится бифштекс с луком.
И она медленно повлеклась на сцену: ее искали.
Что сказал Аладдин...
Руби шепнула соседке:
- Приручила в один момент.
Когда прибыл в Пекин?..
- Беда в том, - продолжала она, - что я не могу их удержать. Слишком часто получается: раз-два - полюбились, три-четыре - разошлись. Но на этот раз, похоже, хоть поем как следует. - И добавила:
- Ну вот опять: говорю, а сама пальцы забыла скрестить!
Мистер Дэвис посмотрел все, что ему надо было видеть; получил то, за чем пришел; все, что теперь оставалось сделать, это - уделить немного дружеского тепла и света электрикам и прочей службе. Он медленно прошел к выходу, заглядывая в

артистические уборные, обмениваясь парой слов то с одним, то с другим, предлагая то одному, то другому закуривать из золотого портсигара. Не знаешь ведь, кто когда тебе может пригодиться; он был новичком здесь, за кулисами театра, и ему пришло в голову, что даже среди костюмерш может отыскаться... ну, там, юность, талант: что-то такое, что нужно поддержать, поощрить, подкормить... в "Метрополе", разумеется. Но очень скоро он во всем как следует разобрался: все костюмерши были старухи, им не понять было, что ему тут надо, и одна из них даже ходила за ним по пятам: хотела удостовериться, что он не спрячется где-нибудь у девушек, в артистической. Мистер Дэвис обиделся, но был неизменно вежлив. Он с достоинством удалился, выйдя через служебный вход на холодную грязную улицу, прощально помахивая рукой. Все равно пора было (или почти пора) заглянуть в "Мидлендскую Сталь" и повидать сэра Маркуса. В это рождественское утро их всех ждали хорошие вести.

Хай-стрит была странно пустынна, только полиции на ней было гораздо больше, чем обычно: он совершенно забыл об учебной тревоге. Никто даже не попытался задержать мистера Дэвиса: его лицо было хорошо знакомо всем полицейским, хотя ни один из них не смог бы сказать, каков его род занятий. Сказали бы, причем без улыбки, несмотря на его лысину, обширный живот, пухлые, морщинистые руки, что он - один из молодых помощников сэра Маркуса. Когда хозяин так стар, всякий в сравнении с ним окажется "молодым". Мистер Дэвис весело помахал рукой сержанту на другой стороне улицы и положил в рот ириску. Не дело полиции отправлять в больницу тех, кто попал в число жертв газовой атаки, да и кто осмелился бы задержать мистера Дэвиса? Было что-то опасное в добродушии этого толстяка, оно легко, без всякого перехода сменялось злобной мстительностью. Полицейские наблюдали, как он проплывает по тротуару в направлении Дубилена, со скрытой насмешкой ожидая развлечения, как иногда провожают взглядом важную персону, которая вот-вот ступит ногой на обледенелый спуск. Навстречу мистру Дэвису вверх по улице, от Дубилена, шел студент-медик в белом халате и противогазе.

Некоторое время он оставался незамеченным, и, когда они столкнулись нос к носу, вид противогаза на какой-то момент неприятно поразил мистера Дэвиса. Он подумал: паршивые пацифисты заходят уж слишком далеко с этой сенсационной чепухой; и когда студент остановил его и произнес что-то, чего тот не расслышал из-за плотной маски, мистер Дэвис сурово выпрямился и с чувством законного превосходства заявил:

- Ну-ну, оставьте эту ерунду; мы прекрасно подготовлены. - Тут он вдруг вспомнил и снова обрел дружеское расположение к окружающим: это же вовсе не пацифизм! Наоборот - это патриотизм!

- Ну-ну, - сказал он. - Я совсем забыл. Конечно же. Учебная тревога.

Взгляд анонима сквозь толстую слюду очков, глухой голос смущали его. Он сказал шутливым тоном:

- Вы же не собираетесь забрать меня в больницу, не правда ли? Я - человек занятой.

Казалось, студент задумался, но руки с рукава мистера Дэвиса не снял. Мистер Дэвис заметил, что по другой стороне улицы, ухмыляясь, прошел полисмен, и почувствовал, что ему становится трудно сдерживать раздражение. Над улицей - теперь уже поверху - все еще плыл туман; эскадрилья самолетов промчалась в тумане на юг, в сторону аэродрома, наполнив улицу грохотом.

- Видите, - сказал мистер Дэвис, сдерживая злость, - ученья кончились. С минуты на минуту прозвучат сирены. Абсурдно было бы тратить все утро в больнице. Вы же меня знаете. Моя фамилия - Дэвис. В Ноттвиче меня все знают. Спросите у полицейских. Никто не может сказать, что я - не патриот.

- Вы думаете, тревога кончается? - спросил человек в противогазе.

- Я очень рад, что молодежь проявляет такой энтузиазм, - сказал мистер Дэвис. - Я полагаю, мы с вами уже встречались. В больнице. Я участвую во всех крупных мероприятиях и никогда не забываю голос, стоит мне раз его услышать. Ну как же, - добавил мистер Дэвис, - ведь это я дал больше всех денег на новую операционную.

Мистер Дэвис хотел было пойти дальше, но человек преграждал ему путь, и казалось унижительным сойти с тротуара на дорогу, чтобы его обойти. Человек мог подумать, что мистер Дэвис пытается удрать, могла возникнуть потасовка, а полицейские на противоположном углу не сводили с них глаз. Ненависть хлынула в голову мистера Дэвиса, как чернильная жидкость, которую выбрасывает каракатица в момент опасности, черным ядом отравила мысли. Ах ты ухмыляющаяся горилла в полицейской форме... Добьюсь, чтоб тебя выгнали... Скажу Колкину, пусть займется этим. И весело продолжал разговор со студентом - тощим, невысоким, чуть крупнее подростка; халат болтался на щуплой фигуре, как на вешалке.

- Вы, мальчики, - сказал мистер Дэвис, - делаете важную работу, и делаете отлично. Я прекрасно понимаю это и очень ценю. Если начнется война...

- Вы говорите, вы - Дэвис? - произнес приглушенный голос.

Мистер Дэвис ответил неожиданно зло:

- Вы отнимаете у меня время. Я - человек занятой. Разумеется, я - Дэвис. - Усилив воли он подавил свой гнев. - Послушайте, я все понимаю. Я заплачу больнице сколько нужно. Ну, скажем, десять фунтов выкупа.

- Идет, - сказал человек, - где они?

- Можете мне верить, - сказал мистер Дэвис. - Я не ношу с собой такие суммы. - Его удивило, что человек вроде бы рассмеялся. Это было уж слишком. - Ну, хорошо, - согласился мистер Дэвис, - вы можете пройти со мной ко мне в кабинет, и я отдам вам деньги. Но я хотел бы получить от вашего казначая квитанцию, оформленную должным образом.

- Получите, не сомневайтесь, - пообещал человек своим странным, приглушенным маской голосом, лишенным интонаций, и отошел в сторону, давая мистру Дэвису возможность повести его за собой. Доброе расположение духа вернулось к тому сразу же. Он болтал без умолку.

- Нет смысла предлагать вам ириску, пока вы в этой штуке.

Мимо них пробежал мальчишка-посыльный. Форменная шапочка лихо сидела поверх противогаза: выглядело это совершенно абсурдно. Он свистнул, поддразнивая мистера Дэвиса. Мистер Дэвис слегка покраснел. Пальцы чесались от желания вырвать клочок волос, надрать уши, вывернуть руки.

- Развлекаются мальчишки, - сказал он. Ему захотелось пооткровенничать. Присутствие врача всегда рождало в нем чувство защищенности и собственной значимости: докторам можно было доверить самые гротескные подробности о собственном пищеварении; им это было так же интересно, как смешной анекдот профессиональному юмористу. Он сказал:

- В последнее время меня одолевает ужасная икота. После каждого приема пищи. Не то чтобы я слишком быстро ел... Но, конечно, вы пока еще всего-навсего студент. Впрочем, вы все равно лучше разбираетесь в этом, чем я. Еще у меня появляются какие-то точки перед глазами. Может, мне надо несколько меньше есть... Но это трудно. Человек моего положения должен часто устраивать приемы. Например, - он взял своего молчаливого компаньона за руку повыше локтя и доверительно ее сжал, - бессмысленно было бы обещать вам, что я сегодня обойдусь без второго завтрака. Вы, медики, знаете жизнь, и я могу вам признаться: у меня свидание с миленькой девочкой, в "Метрополе". В час. - Какая-то странная ассоциация заставила его сунуть руку в карман и проверить, цел ли пакетик с ирисками.

Они прошли мимо еще одного полисмена, и мистер Дэвис помахал рукой. Компаньон его был очень молчалив; мальчик робеет, подумал мистер Дэвис, он не привык ходить по городу с такими известными людьми, как я; это несколько извиняло грубость его поведения; возможно, и его подозрительность, которая сначала так возмутила мистера Дэвиса, просто была результатом неотесанности. И оттого, что день в конце концов обещал быть чудесным: лучи солнца начинали пробиваться сквозь холодный, замутненный туманом воздух; оттого, что почки и бекон были приготовлены именно так, как надо; оттого, что ему удалось самоутвердиться в присутствии мисс Мэйдью, которая была дочерью пэра; оттого, что его ожидало свидание с милой, талантливой девочкой в "Метрополе" и - наконец - оттого, что тело Ворона к этому моменту скорее всего уже было благополучно водружено на соответствующий кусок льда в морге, - от всего этого дух мистера Дэвиса преисполнился добра и рождественской благодати: он попытался помочь юноше избавиться от робости. Он сказал:

- Я совершенно уверен - мы с вами где-то уже встречались. Может быть, нас познакомил заместитель главного врача?

Но его спутник так ничего и не ответил, продолжая хранить мрачное молчание.

- Замечательное представление вы устроили, когда открывали новое отделение. - Он снова взглянул на тонкие кисти рук своего компаньона. - Случайно не вы - тот молодой человек, который оделся девочкой и спел неприличную песенку? - Мистер Дэвис хохотнул, вспоминая, и повернул к Дубильным. Он смеялся, как смеялся множество раз - по пальцам не перечесть - за бокалом портвейна в клубе, среди замечательных людей, над скабрзными мужскими шуточками.

- Я смеялся, как от щекотки. - Он снова взял своего спутника под руку и провел его через стеклянные двери в вестибюль "Мидлендской Стали".

Из-за колонны появился похожий на полицейского незнакомец, и служащий справочного бюро взволнованно объяснил:

- Все нормально. Это мистер Дэвис.

- Что все это значит? - спросил мистер Дэвис резким, не терпящим никаких таких штучек тоном. Он был теперь у себя, на своем месте.

Полицейский ответил:

- Мы просто принимаем меры предосторожности.

- Ворон? - спросил мистер Дэвис неожиданно тонким голосом. Человек кивнул. Мистер Дэвис спросил:

- Вы что, дали ему уйти? Идиоты...

- Совершенно нечего опасаться, - сказал полицейский. - Его обнаружат, как только он появится. На этот раз ему не уйти.

- Но почему же, - спросил мистер Дэвис, - почему вы здесь? Почему вы предполагаете...

- Таков приказ, - ответил полицейский.

- А сэру Маркусу доложили?

- Он знает.

Мистер Дэвис вдруг стал усталым и старым. Он резко повернулся к своему спутнику:

- Идемте, я отдам вам деньги. Я не могу больше тратить время зря.

Он побрел, волоча ноги и запинаясь, вдоль по коридору, высланному блестящим черным пластиком, к стеклянной шахте лифта. Человек в противогазе последовал за ним: по коридору, в кабину лифта; они медленно поднимались вверх, соединенные вместе, вдвоем в тесном пространстве, словно две птицы в одной клетке; этаж за этажом огромного здания уплывали вниз; служащий в черном халате бежал по коридору с каким-то таинственным поручением, требовавшим целую гору промокательной бумаги; девушка с папкой бумаг стояла перед закрытой дверью, шепча что-то про себя, репетируя извинения; мальчишка-посыльный рассеянно брел куда-то по другому коридору, балансируя водруженной на голову связкой новых карандашей. Лифт остановился на совершенно пустом этаже.

Что-то угнетало мистера Дэвиса. Он медленно подошел к двери, осторожно повернул ручку, словно боялся, что кто-то поджидает его там, в комнате. Но кабинет был совершенно пуст. Открылась дверь во внутренней стене, и молодая женщина с высоко взбитыми золотистыми волосами, в преувеличенного размера очках произнесла:

- Вилли!

Увидев, что он не один, женщина сказала:

- Сэр Маркус желает видеть вас, мистер Дэвис.

- Хорошо, мисс Коннет, - сказал мистер Дэвис. - Будьте добры, пойдите найдите мне железнодорожный справочник.

- Вы хотите уехать сразу же?

Мистер Дэвис поколебался с минуту.

- Посмотрите, какие поезда в Лондон отходят после двух часов.

- Хорошо, мистер Дэвис.

Она вышла, и они снова остались вдвоем. Мистер Дэвис чувствовал легкий озноб; он включил электрокамин. Человек в противогазе заговорил, и снова приглушенный хрипловатый голос показался мистеру Дэвису странно знакомым:

- Вы чего-то боитесь?

Мистер Дэвис ответил:

- По городу носится сумасшедший.

Нервы его были напряжены до предела, он вслушивался в каждый звук за дверью, в коридоре: шаги, треньканье звонка. Нужно было обладать гораздо большим мужеством, чем ему поначалу казалось, чтобы так вот сказать "после двух": ему хотелось уже сию минуту быть подальше отсюда, исчезнуть из Ноттвича. Он вздрогнул, когда скрипнула люлька ремонтника, чистившего стену здания со стороны внутреннего дворика. Он прошаркал к двери и защелкнул замок; он чувствовал себя в большей безопасности здесь, взаперти в своем кабинете, где все было так привычно: письменный стол, вращающееся кресло, шкаф, где стояли два бокала и бутылка сладкого портвейна, стеллаж с книгами - несколько специальных трудов по металлургии, альманах Уитакера, справочник "Кто есть кто" и экземпляр романа "Его китайская наложница". Так ему было гораздо спокойнее, чем вспоминать о полицейском внизу, в вестибюле. Он охватил взглядом все вокруг, словно впервые, и в самом деле впервые осознал покой и комфорт, которые дарил ему этот небольшой кабинет. И снова он вздрогнул от скрипа канатов, на которых висела за стеной люлька. Опустил двойные рамы окна. Сказал раздраженно и нервно:

- Сэр Маркус может и подождать.

- Кто такой сэр Маркус?

- Мой шеф.

Открытая дверь в комнату секретарши отчего-то беспокоила мистера Дэвиса: ему казалось, кто-то может проникнуть в кабинет оттуда. Он больше никуда не спешил, он больше не был занятым человеком, ему хотелось, чтобы кто-то был рядом. Он сказал:

- Вы же никуда не торопитесь. Снимите эту штуку, в ней, должно быть, душно, и выпейте стаканчик портвейна.

По дороге к шкафу он захлопнул дверь в комнату секретарши и повернул в замке ключ. Выдохнул с облегчением, доставая бутылку и бокалы, и произнес:

- Ну теперь, когда мы и в самом деле одни, я хочу подробнее рассказать вам об этих приступах икоты.

Он наполнил бокалы, но рука его дрожала, и портвейн перелился через край. Он начал:

- Обычно после еды...

Приглушенный голос прозвучал из-под маски:

- Деньги...

- Вы и в самом деле, - сказал мистер Дэвис, - ведете себя довольно нагло. Мне вы можете доверять. Я же - Дэвис.

Он подошел к столу, отпер один из ящичков, достал две пятифунтовые бумажки и протянул человеку в противогазе.

- Не забудьте, - сказал он, - я жду должным образом оформленной квитанции от вашего казначая.

Человек положил деньги в карман. Рука осталась в кармане. Он спросил:

- Эти бумажки - тоже краденые?

Вся сцена тотчас же вспыхнула в мозгу мистера Дэвиса: Корнер Хаус на Пикадилли Серкус, вкус "Альпийского Сияния", убийца, сидящий напротив и пытающийся рассказать ему о женщине, которую он убил. Мистер Дэвис взвизгнул: ни слова, ни мольбы о помощи произнести он не мог, это был бессмысленный визг, похожий на звук, который издает человек под наркозом, когда нож хирурга врезается в тело. Он рванулся, бросился к двери в комнату секретарши, дернул ручку. Он метался из стороны в сторону, как человек, запутавшийся в колючей проволоке между окопами.

- Отойдите оттуда, - сказал Ворон. - Вы же заперли дверь.

Мистер Дэвис вернулся к столу. Ноги у него подкосились, и он сел на пол, рядом с корзиной для ненужных бумаг. Он сказал:

- Я ведь болен. Вы же не станете убивать больного.

Эта мысль придала ему силы. Он рыгнул, очень убедительно.

- Я пока не собираюсь вас убивать, - сказал Ворон. - Может, и не убью, если будете вести себя тихо и делать то, что я скажу. Этот сэр Маркус, он что - ваш хозяин?

- Он - старик, - возразил мистер Дэвис, рыдая у корзины для ненужных бумаг.

- Он хочет вас видеть, - сказал Ворон. - Идемте вместе. - И добавил:

- Я долго ждал этого, мечтал увидеть вас обоих. Кажется, все так хорошо вышло, что даже не верится. Вставайте. А ну вставайте, - яростно повторил он, глядя на ослабевшую, расплывшуюся фигуру на полу. - И запомните: если вы хоть раз пикнете, я так нашипую вас свинцом, что из вас грузило можно будет сделать.

Мистер Дэвис шел впереди. Мисс Коннет спешила навстречу по коридору с листком бумаги в руке. Она сказала:

- Я записала все поезда, мистер Дэвис. Самый подходящий - в три ноль пять. В два ноль семь тоже есть, но он идет так медленно, что вы приедете всего на десять минут раньше. Последний перед ночным отходит в пять десять.

- Положите ко мне на стол, - произнес мистер Дэвис. Он стоял молча перед ней в этом ярко освещенном, фешенебельном плутократическом коридоре, словно хотел сказать последнее "прости" тысячам вещей - если бы только осмелился - богатству, комфорту, власти; задержавшись здесь ("Да-да, положите это мне на стол, Мэй"), он, может быть, хотел напоследок выразить какую-то толику нежности, мысль о которой и в голову ему не приходила, когда он встречался со своими "миленькими девочками". Ворон стоял позади него очень близко, держа руку в кармане. Мистер Дэвис выглядел так плохо, что секретарша спросила:

- Вы хорошо ли себя чувствуете, мистер Дэвис?

- Очень хорошо, - ответил он. Словно открыватель новых земель, отправляющийся в далекую экспедицию, он испытывал необходимость оставить какие-то сведения о себе, прежде чем шагнуть за порог цивилизованного мира, сообщить последнему случайному свидетелю: "Меня следует искать на севере" или "на западе". Он сказал:

- Мы идем к сэру Маркусу, Мэй.

- Он хотел вас видеть незамедлительно, - ответила мисс Коннет. Зазвонил телефон. - Не удивлюсь, если это он звонит.

И она поспешила по коридору, в свою комнату, на слишком высоких каблуках, а мистер Дэвис снова ощутил безжалостную руку, сжимавшую его локоть и заставлявшую двигаться вперед, открыть двери лифта, войти в кабину. Они поднялись этажом выше, и, когда мистер Дэвис открыл двери, он снова громко рыгнул. Ему хотелось броситься на пол -

пусть стреляет в спину. Длинный, сверкающий пластиком коридор, по которому надо было идти к кабинету сэра Маркуса, тянулся как гаревая дорожка в мило длинной для задыхающегося, терпящего поражение бегуна.

Сэр Маркус сидел в своем кресле на колесах, на коленях он держал поднос вроде того, что ставят в постель лежачим больным. С ним был его камердинер. Сэр Маркус сидел спиной к двери, но камердинер видел, как входил в кабинет мистер Дэвис в сопровождении студента-медика в противогазе, и был поражен тем, каким старым и изможденным выглядел "молодой помощник" сэра Маркуса.

- Это - Дэвис? - прошептал сэр Маркус. Он разломил сухое печенье и отпил глоток горячего молока. Он набирался сил: впереди был рабочий день.

- Да, сэр. - Камердинер с удивлением наблюдал, как мистер Дэвис неверными шагами пересекает выстланный гигиеническим каучуковым покрытием пол; казалось, сейчас подогнутся колени и этот человек рухнет, если его не подхватить.

- Тогда убирайтесь, - прошептал сэр Маркус.

- Да, сэр.

Но человек в противогазе повернул ключ в замке; едва заметное выражение радостного, почти безнадежного ожидания прокралось на лицо камердинера, словно он думал: наконец-то что-нибудь, может быть, здесь произойдет, что-нибудь, кроме бесконечного хождения по устланным каучуком полам за креслом на колесах, одевания и раздевания старика, у которого уже не хватало сил самостоятельно содержать в чистоте свое тело, кроме набившего оскомину тасканья подносов с неизменным сухим печеньем, горячим молоком или горячей водой.

- Чего же вы ждете? - прошептал сэр Маркус.

- Отойдите к стене, - неожиданно приказал камердинеру Ворон.

Мистер Дэвис в отчаянии закричал:

- У него - пистолет. Делайте, что он говорит.

Но в этом не было необходимости: Ворон уже вытащил пистолет и угрожал всем троим: камердинеру у стены, мистеру Дэвису, дрожащему посреди комнаты, и сэру Маркусу, развернувшему свое кресло так, чтобы их видеть.

- Что вам нужно? - спросил сэр Маркус.

- Вы здесь хозяин?

Сэр Маркус сказал:

- Внизу - полиция. Вы не сможете выйти отсюда, если я не...

Зазвонил телефон. Он звонил и звонил, потом умолк.

Ворон спросил:

- У вас ведь шрам на подбородке, верно? Я не хочу ошибиться. У него в спальне висела ваша фотография. Вы были вместе в приюте. - И он злым взглядом обвел огромный, роскошный кабинет, сравнивая его с тем, что так хорошо помнил: растрескавшийся колокол, каменные плиты лестниц, деревянные скамьи и еще - маленькая квартирка с керосинкой и кипящим в кастрюльке яйцом. Этот человек пошел много дальше старого министра.

- Вы с ума сошли, - прошептал сэр Маркус. Он был слишком стар, чтобы пугаться; пистолет представлял для него ничуть не большую опасность, чем неверный шаг к креслу или обмылок в ванне. Казалось, единственное, что он сейчас испытывал, это легкое раздражение, стремление возобновить прерванную трапезу. Он наклонился к подносу, вытянул старческие сморщенные губы и громко отхлебнул горячее молоко из стакана.

От стены вдруг раздался голос камердинера.

- Есть у него шрам, точно - сказал он.

Но сэр Маркус не обратил на него внимания, отхлебывая молоко, роняя капли на бороду.

Пистолет обратился дулом в сторону мистера Дэвиса.

- Это все он? - спросил Ворон. - Если не хотите получить пулю в пузо, говорите. Он это?

- Да, да, - ответил мистер Дэвис в ужасе и продолжал с угодливой поспешностью:

- Все он задумал. Его была идея. Мы тут с ног посбивались. Надо было делать деньги. Он на этом заработал полмиллиона, даже больше.

- Полмиллиона! - воскликнул Ворон, - А мне заплатил двести никуда не годных фунтов.

- Я говорил ему, нам следовало быть пощедрее. А он сказал: "Заткнитесь".

- Я не пошел бы на это, - сказал Ворон, - если бы знал, каким был тот старик. Размозжил ему голову ради этого подонка. И стрелял в женщину - по пуле в каждый глаз. - Он крикнул, пытаюсь докричаться до сэра Маркуса:

- Это ваших рук дело, нравится вам это или нет.

Но старик сидел в своем кресле совершенно бесстрастный; казалось, ничто не могло его тронуть: старость убила его воображение. Он приказал - и погибли люди, но их смерть была для него не большей реальностью, чем сообщение об этом в газетах. Жадность (всего лишь к горячему молоку), похоть (теперь совсем чуть-чуть: залезть девушке под блузку, ощутить рукой теплое биение жизни), скупость и расчет (полмиллиона фунтов ценою человеческой жизни), еле теплящееся чувство самосохранения - вот и все страсти сэра Маркуса. Последняя из упомянутых заставила его подвинуть кресло самую малость поближе к краю стола - к звонку. Он произнес еле слышно:

- Все это я отрицаю. Вы сошли с ума.

Ворон ответил:

- Вы попались, точно как я задумал. Даже если меня убьют полицейские, - он похлопал ладонью по пистолету, - вот улика. Это - тот самый пистолет. Полиция увидит - убийство совершено этим оружием. Вы велели мне оставить его на месте. Но он - вот он. Это свидетельство уберет вас далеко и надолго, даже если я вас сейчас не пристрелю.

- Кольч номер семь, - прошептал сэр Маркус, тихонько поворачивая бесшумные колеса на толстой резине. - Промышленность выпускает тысячи таких же.

Ворон сказал сердито:

- Полиция теперь чудеса творит с оружием. У них эксперты... - Он хотел напугать сэра Маркуса перед смертью, перед тем как выстрелить: ему казалось несправедливым, чтобы сэр Маркус мучился меньше, чем та старая женщина, которую он, Ворон, не собирался убивать. Он спросил:

- Вам не хочется помолиться? Вы ведь не еврей, верно? Люди лучше вас и то верят в Бога, - сказал он, вспомнив, как молилась девушка в холодном, темном сарае.

Колесо кресла коснулось края стола, коснулось звонка, и гулкий звон заполнил шахту лифта снизу доверху. Звонок все звонил, но Ворон не понимал, что происходит, пока не заговорил камердинер.

- Ублюдок старый, - сказал камердинер, и в голосе его звучала годами копившаяся ненависть, - это же он звонит!

Прежде чем Ворон мог решить, что надо делать, кто-то уже дергал ручку двери с той стороны.

Ворон сказал сэру Маркусу:

- Велите им отойти, не то стреляю!

- Идиот, - прошептал сэр Маркус, - так они вас только за кражу посадят. Убьете меня - виселицы вам не миновать.

Но мистер Дэвис готов был ухватиться за первую попавшуюся соломинку. Он крикнул человеку за дверью, и голос его сорвался на визг:

- Отойдите от двери! Ради Бога, отойдите!

Сэр Маркус произнес злобно:

- Вы дурак, Дэвис. Если он все равно собирается нас прикончить...

Ворон стоял с пистолетом, держа этих двоих на прицеле, а они затеяли бессмысленный, абсурдный спор.

- У него нет повода убивать меня, - визжал мистер Дэвис. - Вы втянули нас в это дело. Я действовал по вашему поручению.

Камердинера разобрал смех.

- На поле двое против одного, - произнес он.

- Помолчите, - злобно, с угрозой прошептал сэр Маркус мистеру Дэвису. - Вас-то я могу убрать в любой момент.

- Попробуйте только, - визжал мистер Дэвис, голос его напоминал весенние крики павлина.

Кто-то всем телом ударил в дверь.

- Я подобрал все документы по делу о приисках Уэст-Рэнд, - сказал сэр Маркус, - и все, что касается Восточно-Африканской Нефтяной компании тоже.

Волна нетерпения обрушилась на Ворона. Эти двое, казалось, мешали чувству покоя и доброжелательности завладеть его душой: он смутно помнил, что это чувство почти уже вернулось к нему, когда он велел сэру Маркусу молиться. Он поднял пистолет и выстрелил сэру Маркусу в грудь. Это было единственное средство заставить их замолчать. Сэр Маркус упал головой на поднос, опрокинув стакан остывшего молока на бумаги, лежавшие на письменном столе. Из рта вытекла струйка крови.

Мистер Дэвис торопливо заговорил:

- Это все он, старый черт. Вы же сами слышали. Что я мог сделать? Я был в его власти. У вас же нет ничего против меня, - и снова визгливо крикнул:

- Уйдите от двери, слышите, вы! Он убьет меня, если вы не уйдете!

Он тут же заговорил снова, а молоко каплями стекало с подноса на письменный стол.

- Я бы ничего не сделал, если бы не он. А знаете, ведь он специально велел полицейским, чтоб стреляли без предупреждения, как только вас заметят. - Он старался не глядеть на пистолет, по-прежнему нацеленный ему в грудь.

Камердинер оставался на своем месте, у стены, побледневший и тихий; он словно зачарованный смотрел, как капля за каплей вытекает вместе с кровью жизнь сэра Маркуса. Так вот как это было бы - казалось, думает он, - если бы я сам, если бы мне хватило решимости... как-нибудь... за эти долгие годы...

Голос снаружи сказал:

- Лучше сейчас же откройте дверь, не то будем стрелять сквозь панель.

- Ради Бога, - завизжал мистер Дэвис, - оставьте меня в покое. Он же меня убьет!

Глаза сквозь очки противозага наблюдали за ним с удовлетворением.

- Я же вам ничего не сделал, - протестовал он. Над головой Ворона ему были видны настенные часы: со времени утреннего завтрака не прошло и трех часов; неприятно теплый привкус почек и бекона все еще ощущался во рту; он не мог поверить, что это и в самом деле конец, ведь в час у него свидание с девушкой; нельзя же умереть перед свиданием.

- Ничего не сделал, - пробормотал он. - Совсем ничего.

- Это же вы, - сказал Ворон, - пытались убить...

- Никого. Ничего, - простонал мистер Дэвис.

Ворон помолчал. Слово все еще было непривычным, язык с трудом мог его произнести:

- Моего друга.

- Не знаю. Не понимаю.

- Не подходите, - крикнул Ворон тем, за дверью, - если будете стрелять, я его убью. - И пояснил:

- Ту девушку.

Мистер Дэвис трясся, словно в пляске святого Вита. Он сказал:

- Какой она вам друг! Почему здесь полиция, если она не... Кто еще мог знать?

Ворон сказал:

- Вас стоит пристрелить за одно это. Она со мной по-честному.

- Ну да, - завизжал в ответ мистер Дэвис, - она же подружка полицейского. Из Скотленд-Ярда. Она же девчонка Матера.

И Ворон выстрелил. Со спокойствием отчаяния он расстрелял свой последний шанс на спасение, потратив две пули там, где было достаточно и одной, словно он хотел расстрелять весь мир в образе толстого, стонущего, истекающего кровью мистера Дэвиса. Да так оно и было. Ибо мир человека - это его жизнь, и Ворон расстреливал свою жизнь: самоубийство

матери; годы одиночества в приюте; войну между шайками на бегах; смерть Змея, и старого министра, и той женщины. Другого пути не было: он испробовал путь исповедальный и потерпел неудачу, а причина была все та же. Нет никого за пределами собственного мозга, кому можно было бы довериться, ни единого человека - ни врача, ни священника, ни женщины.

Взвывла сирена, неся городу весть о том, что ложная тревога окончена, и тотчас же церковные колокола забили, заиграли мощный рождественский гимн; лисицы имеют норы, и птицы небесные - гнезда, а Сын Человеческий... Пуля раздробила дверной замок. Ворон с пистолетом, нацеленным так, чтобы попасть входящему в живот, сказал:

- Есть там у вас подонки по имени Матер? Пусть держится подальше отсюда.

Ожидая, пока откроется дверь, он не мог не вспоминать о прошлом. Он не различал деталей: все слилось в одну туманную картину, но именно она создавала это настроение ума, эту атмосферу требовательного ожидания последнего отмщения: песня над темной улицей, над мокрой слякотью ночи - "Говорят, это только подснежник из Гренландии кто-то привез..."; хорошо поставленный, обезличенный голос пожилого профессора, читающего строки из "Мод" - "О Боже, если бы мы могли на краткий миг, единый час...", когда Ворон стоял в пустом гараже и лед в его сердце таял, причиняя такую боль; и удивительное чувство, словно он пересекает границу страны, куда прежде не ступала его нога и откуда он не в силах будет уйти; девчонка в кафе, утверждающая - "Он насквозь урод, и внутри и снаружи...", гипсовый Младенец на руках у Матери, которого ждет предательство, плети и крест. Она говорила: "Я вам друг. Можете мне довериться".

Еще одна пуля взорвалась в замке.

Камердинер, белый, как стена, у которой стоял, сказал:

- Ради Бога, кончай это дело. Тебя все равно возьмут. Он был прав. Это она им сказала. Я слышал, как они по телефону про это говорили.

Мне надо действовать очень быстро, думал Ворон, когда дверь поддастся, я должен выстрелить первым. Но голову его осаждало множество мыслей сразу. Противогоз мешал четко видеть, он стянул его неловко, одной рукой, и бросил на пол. Теперь камердинер увидел воспаренно рдеющую губу, темные несчастные глаза. Он сказал:

- Вот окно. Давай на крышу.

Но он говорил с человеком, который плохо его понимал: сознание было замутнено. Ворон и сам не знал, хочет ли сделать усилие, чтобы спастись; он так медленно повернул голову к окну, что не он, а камердинер первым заметил люльку ремонтника, покачивающуюся перед огромным, во всю стену, окном. В люльке стоял Матер; в отчаянной попытке взять Ворона с тыла Матер оказался жертвой собственной неопытности: маленькая платформа раскачивалась взад-вперед; одной рукой он держался за веревку, другой ухватился за раму, револьвер держать было нечем. Ворон обернулся к окну. Матер висел снаружи, у седьмого этажа, высоко над узким проездом к Дубильням, беззащитный, беспомощный - отличная мишень для пистолетной пули.

Ворон, ошеломленный, не сводил с него глаз; он старался прицелиться получше. Это было не так уж трудно, но - стрелять, убивать... он словно бы утратил к этому интерес. Сейчас он не ощущал ничего иного, только боль и отчаяние, и это было похоже на бесконечную, всепоглощающую усталость. Он не мог вызвать в себе ни злости, ни горечи при мысли о новом предательстве. Темный Уивил под дождем и градом пролегал меж ним и любым его врагом в человеческом образе. "О Боже, если бы мы могли..." Но он с рождения был обречен на такой конец; на то, чтобы его по очереди предавали все и каждый, пока все пути к нормальной жизни не будут прочно закрыты: мать, истекающая кровью в подвале; священник в приюте; слабаки из шайки, оставившие ему это дело; жулик-врач с Шарлотт-стрит. Как же мог он избежать предательства, самого обычного из всех, как мог не размякнуть из-за бабы? Даже Змей мог бы остаться жив, если бы не баба. Все они теряли голову рано или поздно: Пенриф и Картер, Джосси и Баллард, Баркер и Большой Дог. Ворон прицелился, медленно, рассеянно, со странным чувством смирения, словно кто-то наконец разделил с ним его одиночество.

Каждый из них когда-то верил, что его баба лучше, чем другие, что в их отношениях есть что-то возвышенное. Единственная проблема, раз уж человек родился на свет, это - уйти из жизни быстрее и опрятнее, чем в нее вошел. Впервые мысль о самоубийстве матери явилась ему, не вызвав горечи, и он неохотно прицелился в последний раз; в этот момент Сондерс выстрелил ему в спину из приоткрывшейся двери. Смерть пришла к Ворону невыносимой болью. Казалось, он должен исторгнуть из себя эту боль, как роженица исторгает дитя из чрева, он рыдал и стонал от усилий. Наконец боль покинула его тело, и он последовал за своим единственным чадом в безграничную пустынную тьму.

ГЛАВА VIII

1

Запах еды врывается в холл, как только кто-нибудь входит или выходит из ресторана. Местные ротарианцы давали торжественный завтрак в одном из отдельных кабинетов наверху, и когда дверь в кабинет открылась, Руби услышала обрывок скабрёзного стихотворения; потом хлопнула пробка. Было пять минут второго. Руби вышла поболтать со швейцаром. Сказала ему:

- Самое ужасное - я из тех, кто всегда приходит вовремя. Он сказал - в час, и вот она - я, обливаюсь слюной, мечтая вкусно поесть. Знаю, девушка должна заставлять себя ждать, но что же делать, если вечно ходишь голодная? Он же мог не дожидаться и начать без меня. - Она продолжала:

- Беда в том, что я - невезучая. Я из тех девчонок, которые не могут позволить себе поразвлечься, потому что наверняка в результате появится ребенок. Ну, я не хочу сказать, что у меня был ребенок, но корь у меня была. Можете вы себе представить, чтобы взрослый мужчина заразил девушку корью? Но со мной - всегда так. - Она болтала без умолку. - Вам очень идет эта форма, все эти золотые галуны, шнуры, медали... Могли бы и сказать что-нибудь.

Рыночная площадь была полна народу; в это время дня она обычно пустела. Но сегодня все вышли за покупками поздно: учебная тревога только что закончилась. Лишь миссис Альфред Пайкер, как первая леди города, показала всем

пример, выйдя за покупками в противогазе. Теперь она направлялась домой, и Чинки бежал рядом с ней; длинная, пушистая шерсть на животе и лапах промокла и запачкалась в холодной слякоти; в зубах он нес противогаз хозяйки. Он задержался у фонарного столба и уронил маску в лужу.

- О, Чинки, какой ты нехороший! - воскликнула миссис Пайкер.

Швейцар в сверкающей галунами ливрее устремил сердитый взгляд в сторону рынка. На груди блестели медали: за битву при Монсе и за воинскую доблесть. Он был трижды ранен во время войны. Теперь он открывал стеклянные двери бизнесменам, идущим обедать: главному коммивояжеру торговой фирмы "Кростуэйт и Кростуэйт" (магазины тканей); управляющему фирмы бакалейных товаров, что на Хай-стрит. Один раз ему пришлось выйти на мостовую, чтобы помочь какому-то толстяку выбраться из такси. Потом он вернулся к дверям, встал рядом с Руби и снова слушал ее болтовню, добродушно, но с абсолютно бесстрастным лицом.

- На десять минут опаздывает, - сказала Руби. - Я думала, это человек, которому можно верить. Надо было по дереву постучать или пальцы скрестить. Так мне и надо. А я с большей охотой потеряла бы честь, чем этот бифштекс. Вы его знаете? Толстый такой, держится развязно, всюду бывает. Дэвис его зовут.

- Он всегда сюда девушек приводит, - ответил швейцар.

Коротенький человечек в пенсне торопливо прошагал мимо:

- Веселого Рождества, Хэллоуз!

- Веселого Рождества и вам, сэр. - И повернулся к Руби:

- С этим типом далеко не уедешь.

- Я с ним и до супа еще не доехала, - ответила Руби.

Пробежал мальчишка-газетчик:

- "Новости" - специальный выпуск! Полуденный специальный выпуск "Новостей"!

"Новости" были вечерним изданием газеты "Ноттвич Джорнел". Через несколько минут промчался еще один мальчишка:

- Специальный выпуск "Почты"! - Это был вечерний "Ноттвич Гардиан".

Невозможно было расслышать, что они кричали, а северо-восточный ветер трепал рекламные плакаты, так что на одном можно было прочесть только "...гедия", а на другом - "...ство".

- Существуют же границы, - сказала Руби, - девушка не может так себя ронять. Десять минут опоздания - это предел.

- Но вы прождали дольше, - сказал швейцар.

Руби ответила:

- Да, со мной всегда так. Скажете, я на мужчин бросаюсь, да? Я и сама так считаю, только почему-то вот бросаюсь-то бросаюсь, да все как-то мимо проскакиваю. - И она добавила очень мрачно:

- Беда-то вот в чем: я создана, чтобы сделать мужчину счастливым. И это на мне написано всеми буквами. А они пугаются. Я их не виню. Мне самой это было бы противно.

- Вон идет начальник полиции, - сказал швейцар. - В Управление собрался, выпить стаканчик. Жена ему дома выпивать не позволяет. Самые лучшие пожелания к Рождеству, сэр.

- Что-то он уж очень торопится.

Плакатик газетной рекламы снова мелькнул буквами "Траг...".

- А он как, мог бы угостить девушку хорошим бифштексом с луком и жареной картошкой?

- Вот что я вам скажу, - ответил швейцар, - подождите где-нибудь тут еще минут пять, я как раз пойду обедать.

- Замётано, - ответила Руби, скрестила пальцы и постучала по дереву. Потом вошла обратно в холл и повела долгую воображаемую беседу с неким режиссером театра, которого она представляла себе похожим немного на мистера Дэвиса, но такого мистера Дэвиса, который не нарушает обещаний. Режиссер назвал ее малышкой, сказал, что у нее талант, пригласил пообедать, затем отвез к себе, в роскошную квартиру, и угостил целой серией коктейлей. Спросил, как она отнеслась бы к контракту в одном из театров Уэст-Энда - пятнадцать фунтов в неделю! - и сказал, что хочет показать ей квартиру.

Смуглое, пухленькое лицо Руби утратило мрачное выражение, она, взволновавшись, закинула ногу на ногу, чем вызвала возмущенную реакцию какого-то бизнесмена, записывавшего полуденные биржевые ставки. Он пересел подальше, ворча себе под нос. Руби тоже бормотала себе под нос. Она шептала:

- Это - столовая. А если пройти сюда - тут ванная. А это - элегантно, не правда ли? - это спальня. - Руби сразу же ответила, что, разумеется, согласна на пятнадцать фунтов в неделю, но нужен ли ей, в самом деле, контракт в Уэст-Эндском театре? Тут она взглянула на стенные часы и вышла из холла. Швейцар уже ждал.

- Как? - воскликнула она. - Я должна выйти в свет об руку с этой униформой?

- У меня всего двадцать минут, - ответил швейцар.

- Значит, не будет бифштекса, - сказала Руби. - Ну что ж, сосиски тоже подойдут.

Они уселись у буфетной стойки с другой стороны рынка и заказали сосиски и кофе.

- Эта ваша форма, - сказала Руби. - Она меня смущает. Могут подумать, вы - гвардеец короля и только для разнообразия охраняете сегодня девушку.

- Вы стрельбу слышали? - спросил буфетчик.

- Какою стрельбу?

- Да от вас совсем близко, за углом. В "Мидлендской Стали". Трое убитых. Этот старый черт, сэр Маркус, и еще двое. - Он положил на стойку раскрытую газету - полуденный выпуск, и старое, жестокое лицо сэра Маркуса, расплывшиеся черты и встревоженные глаза мистера Дэвиса возникли перед ними среди чашек с кофе и сосисок, рядом с перечницей и электрической кофеваркой.

- Вот почему он не пришел, - сказала Руби и смолкла, погружившись в чтение.

- Интересно, чего этому Ворону надо было? - сказал швейцар. - Взгляните-ка. - И он указал на коротенький абзац в конце статьи, где сообщалось, что из Скотленд-Ярда самолетом прибыл начальник Специального отдела политических преступлений и незамедлительно направился в Управление "Мидлендской Стали".

- Не пойму, что бы это могло значить, - сказала Руби.

Швейцар шелестел страницами, что-то искал. Сказал задумчиво:

- Странно, правда? Мы вот-вот вступим в войну, а они всю первую страницу занимают каким-то убийством. А войну загнали на последнюю полосу.

- А может, войны не будет.

Они замолчали над своими тарелками. Руби казалось невероятным, что мистер Дэвис, который сидел вместе с ней на яшике и разглядывал рождественскую елку, умер, умер такой мучительной насильственной смертью. Может быть, он все-таки собирался прийти на свидание. Может, был вовсе не таким уж дурным человеком. Она сказала:

- А мне вроде его даже жалко.

- Кого? Ворона?

- Ну нет, не Ворона. Я про мистера Дэвиса говорю.

- Я вас понимаю. Мне тоже вроде бы жалко... старика. Я раньше сам там работал, в "Мидлендской Стали". У старика бывали такие... ну, что ли, моменты... Посылал всем рабочим индейку к Рождеству. Не такой уж плохой человек был. Там лучше было, чем здесь, в "Метрополе".

- Ну что ж, - сказала Руби, допивая кофе, - жизнь продолжается.

- Возьмите еще чашечку.

- Не хочу, чтобы вы окончательно разорились, - сказала Руби. - Все было как надо.

Не вставая с высокого табурета, она прислонилась к Хэллоузу плечом; их лица сблизилась; они притихли - ведь оба знали человека, так неожиданно ушедшего из жизни; это обоюдное знание вызывало странное ощущение общности: оно было приятно и придавало уверенности. Возникало чувство надежности, какое бывает, когда двое любят друг друга, но без мучительной страсти, без неопределенности, без боли.

2

Сондерс спросил у служащего "Мидлендской Стали", как пройти в уборную. Он мыл руки и думал: с этим делом покончено. Он не был удовлетворен этим делом: начавшись обычным ограблением, оно привело к двум убийствам и к смерти самого убийцы. Тут была какая-то тайна; не все еще выплыло наружу. Сейчас Матер сидел наверху, на последнем этаже, с начальником Политического отдела; они просматривали личные бумаги сэра Маркуса. Могло оказаться, что рассказ девушки и в самом деле соответствовал действительности.

Больше всего Сондерса беспокоила именно она. Он не мог не восхищаться ее смелостью и дерзостью, но в то же время испытывал к ней ненависть - ведь это она заставила Матера страдать. Сондерс готов был возненавидеть любого, кто причинил боль Матеру.

- Придется отвезти ее в Скотленд-Ярд, - сказал ему Матер. - Они, возможно, заведут на нее дело. Посадите ее в закрытый вагон, поезд - в три ноль пять. Не хочу ее видеть, пока все не прояснится.

Единственной радостью во всей этой истории было известие, что полицейский, которого Ворон ранил на товарном дворе, выкарабкивается.

Сондерс вышел из здания "Мидлендской Стали" к Дубильням со странным ощущением, что ему нечем заняться. Он зашел в пивную на углу и взял полпинты горького и две холодные сосиски. Казалось, жизнь снова опустилась до нормального уровня, вошла в берега и спокойно течет мимо. Карточка, приколотая к стене позади прилавка, рядом с киноафишей, привлекла его внимание: "Новый метод лечения заикания". Мистер Монтэгю Фелпс, магистр искусств, проводит массовую встречу с желающими в зале Массонского Собрания, где объяснит суть нового лечения. Вход свободный, но будет производиться сбор пожертвований. В два часа ровно. В одном кинотеатре шел фильм с Эдди Кантором. Во втором - с Джорджем Арлиссом. Сондерсу не хотелось возвращаться в Полицейское управление раньше, чем придет время везти девушку на вокзал.

Он испытал уже множество способов лечить заикание; почему бы не испробовать еще один.

Зал был огромный. На стенах висели увеличенные фотографии выдающихся масонов. Всех этих людей украшали значки и ленты непонятного назначения. Откормленные, добившиеся успеха, уверенные в себе, они висели над малочисленным собранием неудачников в старых макинтошах, в выгоревших до розовато-лилового цвета фетровых шляпах, в галстуках выпускников захудалых частных школ. Сондерс вошел следом за полной женщиной с хитрым, вороватым взглядом; распорядитель спросил, обращаясь к нему: "Д-д-д?"

- Один, - ответил Сондерс. Он сел впереди, и ему слышно было, как за спиной разговаривают, заикаясь, двое; казалось, болтают, щебечут два китайца. Короткие взрывы гладкой речи, затем неизбежное затруднение. В зале собралось человек пятьдесят. Они рассматривали друг друга, как некрасивый человек рассматривает собственное отражение в уличных витринах: если смотреть под этим углом, я вовсе не так уж плох. У них возникало чувство общности: равенство "невозможностей", недостаток общения сами по себе были некоей формой общения. Все вместе они надеялись на чудо.

Сондерс ждал и надеялся вместе со всеми. Он ждал терпеливо, как ждал на подветренной стороне угольной платформы. Он не чувствовал себя несчастным, знал, что, может быть, преувеличивает ценность того, чем не обладал сам; даже если бы он мог говорить свободно, не заботясь о том, чтобы избегать зубных согласных - главного своего врага, - ему вряд ли легче было бы выразить восхищение и преданность. Возможность говорить не заикаясь не помогает, когда не находишь слов.

Мистер Монтэгю Фелпс, магистр искусств, поднялся на кафедру. Он был во фраке, темные волосы густо напылены, досиня выбритый подбородок припудрен. Он держался с этаким агрессивным присутствием духа, как бы желая сказать

слушателям: "Видите, какими вы можете стать после нескольких моих лекций, если обретете чуть больше уверенности в себе". Лет сорока пяти, он казался человеком, который всегда жил хорошо и не чуждался земных радостей. Глядя на него, нельзя было не подумать об удобных кроватях, плотной еде и комфортабельных гостиницах в Брайтоне. На какой-то момент он заставил Сондерса вспомнить о мистере Дэвисе, который вошел в здание "Мидлендской Стали", преисполненный глубочайшим чувством собственной значимости, и всего лишь через полчаса умер такой неожиданной и мучительной смертью. Могло показаться, что совершенный Вороном акт не имел последствий, словно убийство было столь же иллюзорно, как мечта или сон. Перед Сондерсом снова стоял мистер Дэвис: эти люди были отлиты в одной форме, а форму разбить невозможно; и вдруг над плечом мистера Монтэгю Фелпса он увидел фотографию Великого Магистра этой Ложи, портрет висел прямо над кафедрой: старое лицо, крючковатый нос и тощая борода - сэр Маркус.

3

Когда майор Колкин покидал здание "Мидлендской Стали", он был белым как мел. Впервые в жизни ему пришлось познакомиться с тем, как выглядит насильственная смерть. Как выглядит война. Он бросился со всех ног в Управление полиции и страшно обрадовался, застав там старшего инспектора. Смирненно, без обычного фанфаронства, попросил налить ему стаканчик.

- Я просто потрясен, - сказал он. - Только вчера вечером он у нас обедал. И миссис Пайкер была со своей собачкой. Чего только мы не предпринимали, чтоб он не догадался, что в доме - собака.

- Эта собака, - заметил старший инспектор, - доставляет нам больше хлопот, чем любой другой житель города. Я вам рассказывал, нет? - про то, как этот пес залез в дамский туалет на Хайэм-стрит? Фитюлька, и глядеть-то не на что, а ведь пес этот иногда просто в бешенство впадает. Если бы не миссис Пайкер, мы бы его сто раз уже пристрелили.

Майор Колкин сказал:

- Он хотел, чтоб я отдал приказ вашим людям стрелять, как только этот парень появится. А я ему сказал - не могу. Теперь все время думаю: можно было двух смертей избежать.

- Не волнуйтесь, сэр, - успокоил его старший инспектор, - мы не послушались бы такого приказа. Даже если бы сам министр внутренних дел его отдал.

- Он странный был человек, - сказал майор Колкин. - Он, кажется, думал, что некоторые из вас - так или иначе - у меня в руках. Надавал мне кучу обещаний. Мне представляется, он был - как это говорится - гений. Такие, как он, редко встречаются. Ужасная потеря. - Он налил себе еще виски. - И все это как раз в тот момент, когда нам так нужны подобные люди. Война... - Майор Колкин замолк со стаканом в руке. Он не отрываясь смотрел на виски в стакане и видел там самые разные вещи, а среди них и учебный полигон, и свой мундир, упрятанный в шкаф. Теперь ему никогда не стать полковником, но, с другой стороны, - сэр Маркус уже не может помешать ему... Впрочем, сейчас он, странным образом, не испытывал радостного возбуждения при мысли о своем председательском кресле в Военном трибунале. Он продолжал:

- Учебная тревога как будто прошла успешно. Не знаю только, правильно ли было так много поручать студентам-медикам. Они никогда меры не знают.

- Тут целая банда в белых халатах мимо нас прошла, вопили - подавай им самого мэра. Не знаю почему, только мистер Пайкер для них, как валерьянка для кота.

- Милый старина Пайкер, - машинально произнес майор Колкин.

- Студенты все-таки слишком много себе позволяют, - сказал старший инспектор. - Мне позвонил Хиггинботэм, кассир в отеле "Вестминстер". Он сказал, его дочка пошла в гараж и обнаружила там одного из студентов. Без штанов.

Жизнь начала возвращаться к майору Колкину. Он произнес:

- А, это, должно быть, Роз Хиггинботэм. Соврет - не дорого возьмет. И что же она сделала?

- Он сказал, она дала ему халат.

- Халат - это хорошо, - заметил майор Колкин. Он повертел в пальцах стакан и допил виски. - Я должен рассказать об этом старику Пайкеру. А что вы сказали Хиггинботэму?

- Я сказал, его дочке повезло. Она вполне могла обнаружить в гараже убитого студента. Понимаете, ведь, должно быть, именно так Ворон и раздобыл себе одежду и противогаз.

- А что все-таки делал этот парнишка у Хиггинботэмов? - спросил майор Колкин. - Пожалуй, схожу-ка я к старику Хиггинботэму в "Вестминстер". Пусть мне чек разменяет. Заодно и расспрошу его как следует.

Он рассмеялся. Атмосфера очистилась, жизнь пошла прежним, испытанным путем: немножко сплетен; стаканчик виски со старшим инспектором; забавная история, почти анекдот - рассказать старине Пайкеру. По дороге к "Вестминстеру" он чуть было не столкнулся с миссис Пайкер и поспешно нырнул в дверь какого-то магазинчика, чтобы избежать встречи; на какой-то момент его охватил ужас - ему показалось, что обогнавший первую леди города Чинки последует за ним в магазин. Он сделал вид, что бросает мячик в другой конец улицы, но Чинки не занимался спортом, кроме того, он нес в зубах противогаз миссис Пайкер. Майору Колкину пришлось поскорее повернуться спиной к двери и наклониться над прилавком. Обнаружилось, что это - галантерея. Магазинчик был недорогой, совсем маленький, раньше майор Колкин здесь не бывал.

- Чем могу служить, сэр?

- Подтяжки, - в отчаянии произнес майор. - Пару подтяжек.

- Какого цвета, сэр?

Уголком глаза майор Колкин мог видеть, как Чинки бежит прочь, мимо входа в магазин, а за ним шествует его хозяйка.

- Розовато-лиловые, - ответил майор со вздохом облегчения.

4

Старуха бесшумно закрыла дверь и, осторожно ступая, на цыпочках прошла в кухню. В темной, тесной передней человеку чужому трудно было бы найти дорогу, но она на зубок знала, где что находится: вешалка для шляп, столик для безделушек, лестница наверх. Она держала в руке вечернюю газету, и, когда открыла кухонную дверь - почти бесшумно, чтобы не потревожить Эки, - лицо ее светилось от радостного возбуждения. Но она сдерживала себя: отнесла сумку поближе к сушильной доске рядом с раковиной и принялась разгружать: вытащила и водрузила на доску тяжелый пакет с картофелем; банку консервов - ананасы, нарезанные кусочками; два яйца; кусок трескового филе.

За кухонным столом Эки писал длинное письмо. Он отодвинул чернильницу жены - фиолетовые чернила его не устраивали - и писал самыми лучшими, иссиня-черными, макая в чернильницу самопишущую ручку, давно уже не державшую чернил. Писал он медленно, мучительно, иногда записывая черновой вариант предложения на другом листке. Старая женщина стояла у раковины, глядя, как он пишет, ждала, пока он заговорит сам; она даже дыхание затаила, и оно вырывалось у нее время от времени со странным присвистом. Наконец Эки положил ручку.

- Ну что, дорогая? - спросил он.

- О Эки, - весело заговорила старуха, - подумать только! Мистер Чамли умер. Убит. - Она добавила:

- В газетах написали. И этот парень - Ворон - тоже.

Эки бросил взгляд на газету.

- Как ужасно, - сказал он с удовлетворением. - И еще одна смерть. Просто бедствие. - Он принялся медленно читать газетное сообщение.

- Только представь, а? Здесь, у нас, в Ноттвиче, и такое.

- Он был дурным человеком, - сказал Эки, - хотя я и не должен говорить о нем плохо теперь, когда он умер. Он втянул нас в историю, из-за которой мне пришлось испытать стыд. Думаю, теперь мы сможем спокойно остаться жить в Ноттвиче.

Тень тяжелой усталости прошла по его лицу, когда он снова взглянул на три листка бумаги, исписанные аккуратным, мелким, классическим почерком.

- О Эки, ты переутомляешься.

- Я полагаю, - ответил Эки, - это поможет им разобраться.

- Прочти мне, золотце, - попросила старуха. Ее старое, сморщенное лицо, такое злое и порочное, сейчас еще больше сморщилось от нежности и любви; она прислонилась спиной к раковине и осталась стоять так, в позе бесконечного терпения. Эки начал читать. Сначала он читал плохо, запинаясь, но звук собственного голоса придавал ему уверенности; рука его взялась за лацкан пиджака.

- "Милорд епископ..." - Он прервал себя. - Я решил начать вполне официально, чтобы не подумали - я перехожу границы, пользуясь старым знакомством.

- Верно, Эки. Вся их орава твоего ногтя не стоит.

- "Я пишу Вам в четвертый раз... после длительного перерыва в полтора года..."

- Разве такой большой перерыв, золотце? Ты писал ему после того, как мы съездили в Клактон.

- Год и четыре месяца... "Я прекрасно помню Ваши прежние ответы - в том смысле, что мое дело было уже должным образом рассмотрено в Церковном суде, - но я никогда не смогу поверить, милорд епископ, что Ваше чувство справедливости - если мне удастся на этот раз убедить Вас в том, что меня глубочайшим образом обидели, - не побудит Вас сделать все, что в Вашей власти, чтобы мое дело было пересмотрено. Решением суда я обречен на пожизненные страдания за то, что в случае с кем-нибудь другим посчитали бы безобидной шалостью; к тому же шалости этой я даже и не совершал".

- Это ты очень красиво написал, золотце.

- И вот здесь, дорогая, я перехожу к частностям: "Я хотел бы спросить, милорд епископ, как могла служанка гостиницы поклясться, что узнала человека, которого видела лишь однажды, за год до суда, в затемненном помещении, ибо она сама признала в своих показаниях, что человек этот не позволил поднять шторы? Что же касается показаний швейцара, милорд епископ, то я ведь спросил на суде, разве не истина то, что деньги были переданы ему полковником Марком Эгертоном и его супругой из рук в руки, но вопрос мой отвели как неподобающий и не относящийся к делу. Разве это справедливость, если она опирается на сплетню, недоразумение и лжесвидетельство?"

В улыбке старой женщины светились нежность и гордость.

- Это - самое лучшее письмо из всех, Эки.

- "Милорд епископ, в приходе все прекрасно знали, что в церковном совете полковник Марк Эгертон - мой злейший враг и что расследование было начато по его подстрекательству. Что же касается миссис Эгертон, она - сука и стерва".

- Ты думаешь, разумно так писать, Эки?

- Иногда, моя дорогая, человека загоняют в такой тупик, что он вынужден говорить открыто. Здесь я разбираю свидетельские показания весьма детально. Я уже делал это раньше, но мне, кажется, удалось значительно усилить аргументацию. А в конце, дорогая, я обращаюсь к этому знающему свет человеку так, как он только и может понять. - Эки знал этот пассаж наизусть; он развернул его перед нею, словно пылающий свиток, устремив безумный взгляд - взгляд оболганного святого - в потолок.

- "Но если даже предположить, милорд епископ, что это ложное свидетельство, данное за взятку, соответствовало истине, что тогда? Совершил ли я непростительное грехопадение, за которое должен расплачиваться всю жизнь тяжкими муками? Должен ли я быть лишен средств к существованию и зарабатывать на пропитание недостойными методами? Как иначе могу я прокормить себя и свою жену? Человек - и никто лучше Вас не знает этого, ибо я видел Вас в Вашем дворце посреди роскоши и богатств, - человек создан из плоти и обладает не только душой, но и бранным телом. Некоторая плоскость может быть прощительна даже человеку моего призвания. Даже и Вы, милорд епископ, в свое время - и в этом нет у меня сомнений - развлекались на лугу, меж стогов".

Он замолк, слегка задохнувшись; они глядели друг на друга с благоговением и преданностью.

Эки сказал:

- А теперь, дорогая, я хочу добавить сюда небольшой абзац о тебе.

Он смотрел на нее, и во взгляде, устремленном на это желтое, сморщенное лицо, бесформенную черную юбку, засаленную кофту, светилось не что иное, как глубочайшая преданность и любовь.

- Моя дорогая, - сказал он. - Что бы я делал без...

Он стал набрасывать черновик следующего абзаца, проговаривая фразы вслух: "что делал бы я в этот долгий период, пока тянулся процесс, нет, не процесс - мученичество! - не знаю... не могу представить себе... если бы меня не поддерживали доверие и неколебимая верность... нет, неколебимая верность и доверие моей дорогой жены, жены, которую миссис Марк Эгертон сочла для себя возможным обливать презрением. Будто бы наш Господь избрал служителями себе богатых и благороденных. Во всяком случае, этот процесс... научил меня проводить различие между друзьями моими и врагами. И тем не менее на суде ее слово, слово женщины, которая меня любит и верит в меня, было приравнено... имело нулевое значение рядом со словом... этой... этой дрянной и лживой сплетницы".

Старая женщина наклонилась к нему, в глазах застыли слезы, вызванные чувством гордости и собственной значимости.

Она произнесла:

- Это очень красиво. А как ты думаешь, жена епископа это прочитает? О Боже, я знаю, надо пойти наверх, привести в порядок ту комнату (может, какие молодые люди зайдут), но знаешь, Эки, дорогой, как-то мне не больно хочется это делать. Я лучше тут побуду, рядышком, совсем недолго. Вот ты так пишешь, я себя прям какой-то святой чувствую.

Она тяжело уселась на табуретку рядом с раковиной и не сводила глаз с его руки, быстро двигавшейся по бумаге, словно перед нею в этой жалкой кухне возникло невероятное, прекрасное видение, какое она и не надеялась никогда увидеть, но которое теперь принадлежало ей.

- И в конце, моя дорогая, - сказал Эки, - я предполагаю написать: "В мире подлогов и ложных клятв и всяческого немилосердия одна-единственная женщина остается для меня якорем спасения, единственная женщина, кому я могу верить до гроба и за гробом".

- Как им только не стыдно! О Эки, милый мой, - разрыдалась она, - подумать только, как они с тобой обошлись. Но ты верно сказал, все по правде. Я тебя никогда не покину. Не покину, даже если в могилу лягу. Никогда, никогда, никогда...

И, утверждая свой вечный союз, двое старых порочных людей смотрели в лицо друг другу с абсолютным доверием, благоговением и состраданием, присущими лишь истинной любви.

5

Энн осторожно подергала дверь купе, в котором ее оставили одну. Дверь была заперта, как и следовало ожидать, несмотря на то что Сондерс вел себя весьма тактично и старался изо всех сил незаметно делать то, что он вынужден был делать. Она смотрела в окно на грязный Мидлендский вокзал в горестном смятении. Ей казалось, что все, ради чего только и стоило жить, рухнуло; у нее не осталось даже работы. Поезд тихонько тронулся, и, проезжая мимо рекламы укрепляющего молочного напитка "Хорликс" для тех, кто испытывает голод среди ночи, мимо яркого желто-синего изображения Йоркширского побережья, она думала об утомительных хождениях из одного театрального агентства в другое, ждавших ее в Лондоне. Поезд шел мимо залов ожидания, мимо туалетов, мимо бетонных платформ в пустыню, иссеченную полосами рельсов.

Какой же идиоткой надо быть, чтобы думать, что ты одна можешь уберечь людей от войны. Три человека погибли - вот и весь результат. Теперь, когда сама она была виновата в смерти стольких людей, Энн уже не чувствовала такого отвращения к Ворону. В пустыне, через которую ее сейчас везли, между кучами угля и полуразрушенными сараями, старыми, ненужными платформами на запасных путях, где между рельсов проросла чахлая трава и погибла, задушенная шлаком, она вспоминала о нем с жалостью и состраданием. Они были заодно, он доверился ей, она дала ему слово - и нарушила это слово, ни минуты не колеблясь. Конечно, он узнал о ее предательстве перед смертью: в его мертвом мозгу она навсегда запечатлелась - вместе со священником, который пытался ложно его обвинить, вместе с доктором, позвонившим в полицию.

Ну что ж. Она потеряла единственного человека, который был ей дорог; всегда считалось, что, если такое происходит без всякой причины, это следует принимать как искушение, как расплату, думала Энн. Потому что она не смогла предотвратить войну. Мужчины созданы для битв, войны им необходимы; в газете, которую Сондерс оставил для нее на соседнем сиденье, она прочла о том, что в четырех странах завершена мобилизация, что срок ультиматума истекает в полночь; война исчезла с первой страницы, но лишь потому, что в Ноттвиче шла своя война, совсем рядом, прямо под носом у читателей - в Дубильнях; и это была война до конца. До чего же все они любят такое, горько думала она, а сумерки поднимались от искаленной черной земли, и теперь уже над бесконечными горами шлака различимы стали сполохи плавильных печей. И это тоже была война: этот хаос, сквозь который медленно двигался поезд, со скрежетом тащась от одного пункта к другому, словно издыхающее животное, влачащее израненное тело по ничейной земле, прочь с поля битвы.

Энн прижалась лицом к окну, чтобы сдержать слезы: морозное стекло, сжав холодом лоб, помогло ей сопротивляться. Поезд набирал скорость; мимо промелькнула церквушка в неоготическом стиле, ряд загородных домов и - наконец - поля, коровы, бредущие к раскрытым воротам, изрезанная колеями дорога, на ней - велосипедист, зажигающий фонарь. Она попыталась напевать про себя, чтобы поднять настроение, но на ум приходили лишь мелодии из "Аладдина" и "Для тебя это - просто Кью". Она вспоминала о долгом пути домой в автобусе, о голосе в телефонной трубке, о том, как не могла пробиться к окну, чтобы помахать ему на прощанье рукой, как он стоял к ней спиной, когда поезд проходил мимо. Мистер Дэвис! Даже тогда все рухнуло из-за него.

И, глядя на замерзшие поля и деревни за окном, Энн вдруг подумала: может быть, даже если бы ей удалось уберечь страну от войны, не стоило этого делать. Она представила себе мистера Дэвиса и Эки с его старухой женой, режиссера и мисс Мэйдью и хозяйку квартиры с вечной каплей на кончике носа. Что заставило ее взяться за эту роль? Играть в этом

абсурдном спектакле? Если бы она сама не напросилась пообедать с мистером Дэвисом, Ворон, вполне вероятно, был бы сейчас в тюрьме, а все остальные - живы. Она попробовала представить себе напряженные в ожидании лица, устремленные вверх, к небу, к электрическим огням новостей там, в Ноттвиче, на Хай-стрит, но они расплывались в памяти, четкой картины не получалось.

Дверь отперли из коридора, и, не отрываясь от окна, она подумала: опять вопросы. Неужели они не перестанут приставать ко мне? И сказала громко:

- Я ведь уже сделала формальное заявление, не так ли?

Голос Матера произнес:

- Осталось обсудить еще кое-что.

Она устало обернулась к нему:

- Неужели обязательно тебе надо было прийти?

- Я веду это дело, - ответил Матер, усаживаясь напротив, спиной к движению, и глядя в окно, на поля, которые словно текли ей навстречу, проплывали мимо и исчезали за ее плечом. Он сказал:

- Мы проверяли то, что ты рассказала. Удивительная история.

- Это все правда, - без всякой надежды повторила Энн.

Он сказал:

- Мы обзвонили половину дипломатических миссий в Лондоне. Не говоря уже о Женеве. Разумеется, звонили и Комиссару.

Она ответила с долей ехидства:

- Очень жаль, что я доставила вам столько беспокойства. - Но ей не удалось выдержать взятый тон; внешнее безразличие было сломлено самим присутствием Матера, его огромными, неловкими руками, когда-то такими нежными, надежными руками друга.

- Ох, прости меня, - сказала она. - Мне и раньше приходилось извиняться, верно? Что еще я могу... Я произнесла бы те же самые слова, опрокинув твой кофе, и мне приходится повторять их теперь, когда погибли люди. Просто нет других слов - правда? - которые бы лучше могли это выразить. Все получилось не так; я думала, все всем ясно. А у меня ничего не вышло. Я не хотела, совсем не хотела причинить тебе неприятности. Теперь, наверное, Комиссар... - Она заплакала без слез, словно замерзли слезные протоки.

Он сказал:

- Меня собираются повысить в должности. Не знаю за что. Мне-то кажется, я только запутал это дело. - И он добавил тихо и умоляюще, наклонившись к ней через проход купе:

- Мы могли бы пожениться - сразу же, хотя, я думаю, если ты теперь не захочешь, ты будешь права. Тебе собираются дать премию.

Это было все равно что явиться к директору театра за увольнением, а вместо этого узнать о повышении зарплаты или о получении роли со словами, но ведь так никогда не бывает на самом деле. Она смотрела на него, не произнося ни слова.

- Конечно, - мрачно продолжал он, - ты теперь будешь героем дня. Ведь ты предотвратила войну. Я понимаю, я сглупил, я тебе не поверил. Это настоящий провал. Я ведь думал, я всегда буду доверять... Мы уже нашли достаточно доказательств того, о чем ты мне говорила, а я не поверил. Ультиматум они теперь должны отозвать. У них выбора нет. - И добавил, с глубочайшей ненавистью ко всякой шумихе:

- Это станет сенсацией века.

Теперь он молчал, откинувшись на спинку сиденья, с лицом, отяжелевшим от горя.

Энн спросила, сама себе не веря:

- Ты хочешь сказать, что, когда мы приедем, мы можем сразу же пойти и пожениться?

- Если ты...

Она ответила:

- Такси - слишком медленный транспорт.

- Ну, все это будет не так быстро. Надо ждать три недели. Ведь у нас нет денег на специальное разрешение.

Энн спросила:

- Ты вроде бы говорил о какой-то премии? Я промотаю ее на специальное разрешение.

И вот, когда они вдруг одновременно рассмеялись, последние три дня исчезли из купе, унеслись назад по стальным рельсам, в ночной Ноттвич. Все это произошло там, и не нужно было туда возвращаться - никогда. Осталась лишь тень беспокойства - ускользающая тень Ворона. Если те, кто остался в живых, произнося его имя, могли дать ему бессмертие, то сейчас он вступил в свой последний, обреченный на поражение бой с забвением.

- Все равно, - сказала Энн (а Ворон укрывал ее мешками, оставленными для себя самого), - у меня ничего не вышло (а Ворон коснулся ее руки ледяными пальцами).

- Не вышло? - поразился Матер. - Да все у тебя получилось совершенно потрясающе.

И Энн показалось на несколько долгих мгновений, что это ощущение провала никогда не покинет ее, будет всю жизнь темной тучей омрачать ее счастье; этого она никогда не сможет объяснить: ее любимый не сумеет ее понять. Но по мере того как его лицо утрачивало мрачность, она снова терпела поражение: теперь ей не давалось раскаяние. Туча стала рассеиваться при звуке его голоса; она совсем исчезла, когда его большая неловкая и нежная рука легла на ее плечи.

- Такой успех. - Он не мог выговорить толком то, что хотел, - совсем как Сондерс. Теперь он хорошо понимал, что это все значит. Это дело вполне заслуживало небольшой шумихи. Эта земля, на которую уже опускалась тьма, которая текла и текла назад за окнами вагона, могла еще несколько лет существовать спокойно. Матер был родом из деревни, он и не просил ничего больше - лишь несколько спокойных лет для страны, которую так любил. Ненадежность этого покоя делала ее еще дороже. Кто-то жег сухую траву и сорняки у изгороди; по темной дороге возвращался с охоты фермер в смешном, давно вышедшем из моды котелке: лошадь, на которой он ехал, вряд ли была способна преодолеть даже узкую канаву.

Крохотная деревушка - окна в домах уже светились - появилась и проплыла у самого вагона, словно праздничный речной трамвайчик, увешанный фонариками; Матер едва успел разглядеть серую англиканскую церковь, увитую плющом, среди могил, упокоивших многих людей за многие века существования этой церкви; приземистая, она казалась верным старым псом, не желающим покидать свое место. На деревянной платформе, мимо которой их мчал поезд, носильщик под фонарем читал ярлык на рождественской елке.

- Все у тебя получилось, - сказал Матер.

Энн родилась в Лондоне, и Лондон пустил в ее душе глубокие корни; темная земля, поля и деревни не вызывали в ней никакого волнения; она отвернулась от окна и взглянула на счастливое лицо Матера.

- Ты не понимаешь, - сказала она, оберегая ускользящую тень, - у меня действительно не получилось.

Но она совершенно забыла об этом, когда поезд подходил к Лондону по огромному железнодорожному мосту, под которым раскинулись, словно лучики звезды, ярко освещенные узкие улочки с жалкими кондитерскими лавчонками, методистскими церквушками, надписями мелом на тротуарах. И она подумала: им теперь ничто не грозит. Протерев запотевшее стекло, она припала лбом к окну и радостно, жадно и умиленно смотрела вниз, как девочка-подросток, у которой умерла мать, смотрит на малышей, оставшихся у нее на руках, вовсе не сознавая, как тяжка ноша, как велика ответственность. Стайка ребятишек промчалась с криком по улице; она знала - они кричат, потому что чувствовала себя одной из них, хотя не слышала их голосов, не могла видеть их раскрытых ртов; какой-то человек продавал жареные каштаны на углу, и это ее лицо озаряло пламя жаровни; кондитерские лавки ломались от белых кисейных чулок, набитых дешевыми рождественскими подарками.

- Ох, - сказала Энн со вздохом абсолютного, безоблачного счастья, - наконец-то мы дома.